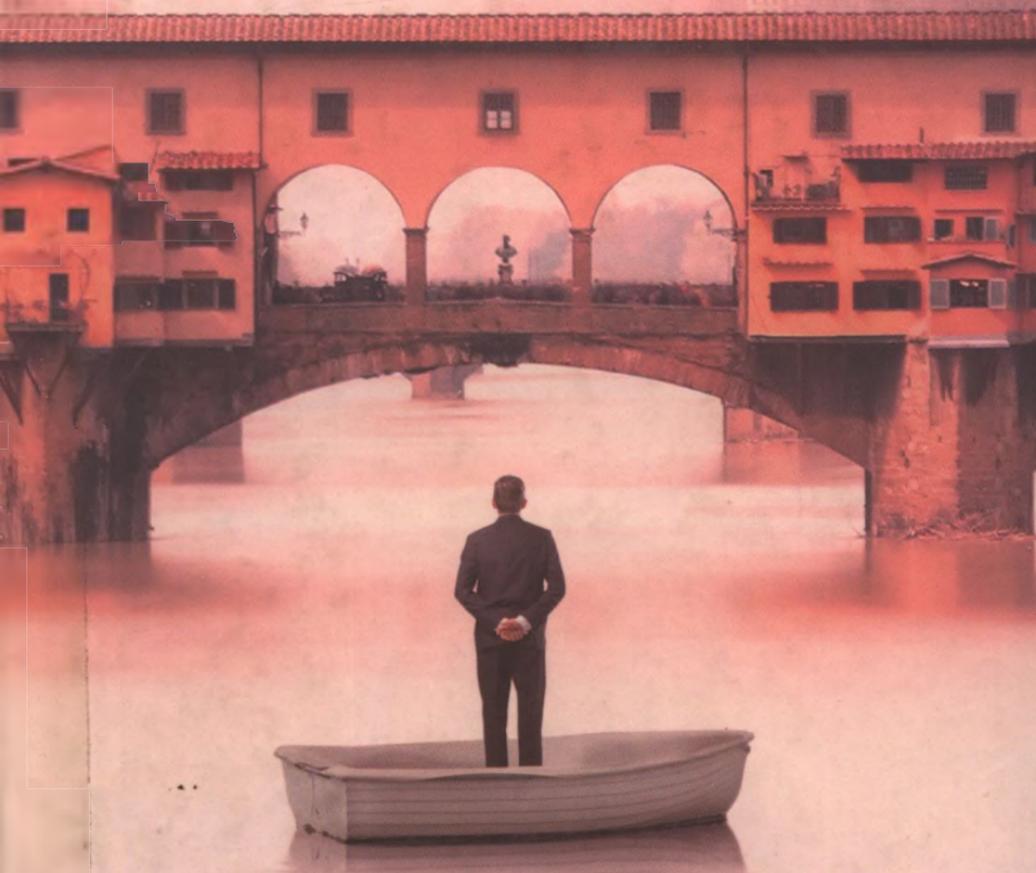

Игорь
Сахновский
финалист премии «Русский Букер»

Острое
чувство субботы

Восемь историй от первого лица

Игорь
Сахновский

Острое
чувство субботы

Восемь историй от первого лица

Астрель
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С22

Художник *Василий Половцев*
(дизайн-студия «Графит»)

Сахновский, И.Ф.

С22 Острое чувство субботы : Восемь историй от первого лица / Игорь Сахновский. – М. : Астрель, 2012. – 252, [4] с.

ISBN 978-5-271-43177-7

Игорь Сахновский – автор романа-мифа «Заговор ангелов», чувственной хроники «Насущные нужды умерших», интеллектуально-авантюрного триллера «Человек, который знал всё», сборника рассказов «Счастливы и безумцы».

Его произведения удостоены премий «Бронзовая улитка», «Русский Декамерон», Fellowship Hawthornden International Writers Retreat; вошли в шорт-листы «Русского Букера», «Большой книги», «Национального бестселлера».

«Острое чувство субботы» – восемь историй от первого лица: трагикомические, шокирующе откровенные рассказы мужчин и женщин об их «маленьких» и неповторимых жизнях. «Так случается: в какой-нибудь тусклый, неприглядный вторник вдруг возникает острое чувство субботы. И вот этим редким, праздничным чувством все прочие безрадостные дни могут быть оправданы и спасены».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-271-43177-7

Подписано в печать 21.05.12. Формат 84x108/32.
Усл. печ. л. 13,44. Тираж 5000 экз. Заказ № 5894

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

© Сахновский И.Ф.
© ООО «Издательство Астрель»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I БИЛЕТ НА СЕГОДНЯ

<i>История первая</i> Большая белая женщина	9
<i>История вторая</i> Цветной воздух	36
<i>История третья</i> Острое чувство субботы	80
<i>История четвёртая</i> Чем латают чёрные дыры	111
<i>История пятая</i> Мой муж продал «ЮКОС»	147

Часть II
ВЧЕРА И ВСЕГДА

История шестая

Семья уродов (1961 год)171

История седьмая

Хозяйки будут ставить тесто (1563 год)197

История восьмая

Мальчик, певица и фата-моргана
(1982 год)210

Часть I
Билет на сегодня

БОЛЬШАЯ БЕЛАЯ ЖЕНЩИНА

В моей тени можно прятаться от солнца. Но это в том случае, если перейти мою границу в одностороннем порядке.

У меня сто семьдесят три сантиметра плюс каблуки. Плюс то, что я похожа на бульдозер и меня видно издалека. Ну ладно, каблуки – это всего лишь каблуки. Но если он мне заявит, что любит чулки, колготки и акриловые ногти, то я совсем разочаруюсь в этом мире.

Бывают мужчины такие вежливые, что прямо неудобно. Мне один знакомый говорит: «Люблю кормить маленьких». Я спрашиваю: «Где здесь маленькие?» На самом деле я выгодная, меня можно вообще не кормить, тогда я года два протяну за счёт подкожных запасов.

У меня всё большое. Например, большие глаза, и мне нравится наблюдать за людьми. А за мной никто особо не наблюдает, я думаю.

Я хожу в одну скромную, бюджетную парикмахерскую на Вторчермете, вход со стороны улицы Ляпустина. Никак не могу догадаться, кто это был такой. Может быть, директор овощебазы, но с героической биографией.

После парикмахерской я красивая ровно два часа. За это время надо срочно успевать назначить кому-нибудь свидание. Потом уже будет поздно!

А волосы у меня страшно прямые, почти как солома. Их надо просто ровно подстричь – выше плеч. Но весь мой жизненный опыт показывает, что подстригать точно по прямой не умеет никто. И только мастера отдалённых районов иной раз умеют. Потому что через их ножницы проходит целая народная масса.

Довольно поэтично звучит: «мастера отдалённых районов»... Я, вообще, иногда страдаю красноречием.

Так что пойду стричься за 400 рублей, и это будет лучше, чем за 1400. А после парикмахерской вдруг стану звезда пленительного счастья. Только я без зонта, а погода совсем херовая.

Я повесила на сайте знакомств фотографию сразу после парикмахерской, в первые два часа, и там видно мой роскошный причёс.

Но всё равно бывает сильно грустно. Евгений мне по телефону говорит: «С какого перепуга ты грустишь? Подойди просто к зеркалу и полюбуйся на себя, какая ты Большая Белая Женщина!»

Было бы на что любоваться. Я, вообще, не очень красотка. У меня ноги некрасивые, сороковой размер. Подъём высоченный. А тут ещё ноготь на большом пальце слез – я на него сумку уронила с продуктами. Спрашивается, какой принц западёт на такую снежную вершину?.. Бывают в мире утонченные особы с длинными кистями и пыльным взором! И это ни разу не я.

Чувствую, надо мне работу менять, я тут умираю, просто умираю! Целый день сижу над чужими финансами. В прошлый понедельник полдня просидела и отпросилась. А то пришлось бы совсем увольняться. Ушла, куда глаза глядели, в парк.

Утром, перед выходом на работу, хотелось повеситься. В маршрутке читала роман «Колыбель для кошки», и так стало интересно, что решила дочитать. Зашла в гастроном на второй этаж. Что-то вроде кафетерия, я его называю «самый лучший ресторан», потому что он открыт с 7:30, там кофе по десять рублей, и ты там на хрен никому не нужен. Пока не дочитала, на работу не пошла. И, конечно, опоздала, услышала от начальницы всё, что она обо мне думает.

Три года назад переписывалась с одним человеком из Интернета. О погоде, об искусстве, ни о чём. А я тогда на Васнецова снимала жильё. И зашла после работы в соседний магазин. Хожу между полок, вижу чей-то пристальный взгляд,

и лицо смутно знакомо... Вечером приходит от него сообщение: «Я тебя видел в хозтоварах. Ты такая МОЩЬ!!!»

Он мне ещё потом сказал: «Надеюсь, ты не в Сбербанке работаешь? Потому что я собираюсь эту контору взрывать». Не знаю, что она ему сделала. Я-то сама в мелком дурацком банке. А этот парень, как Джеймс Бонд, не сообщает, где работает. Я спрашиваю: «Ты, наверно, журналист?» – «Не позорь меня, – говорит. – Я журналистов ненавижу, они даже хуже, чем Сбербанк». Я говорю: «Скоро ты ещё возненавидишь больших белых женщин». – «Нет, – говорит, – вряд ли. Это единственные людские существа, которых пока можно любить».

Мне интересно с мужчинами, которые много видели, их не удивишь неземной красотой. Но для них, бывает, проститься с человеком, я не знаю... как крошку со стола смахнуть!

Сейчас расскажу один случай. Как вспомню, плакать хочется.

В июне того лета у меня было совсем плохое настроение, и я ушла в астрал. Взяла несколько дней отпуска, чтобы тупо сидеть дома и никого не видеть.

А я тогда уже вывесила своё фото с причёсочном. Однажды утром выхожу из астрала на сайт знакомств. Там на экране сбоку торчат всякие лидеры. Вижу, мужчина, 47 лет, с объявлением: «Нужна домработница. Очень срочно, не интим!»

Мое одиночество, видимо, в тот момент зашкалило. Я пишу ему, не знаю зачем: «Уберусь у вас дома за умеренную плату».

Он мне звонит: так и так, домработница ушла в запой, прибраться некому. Я, мол, вечером за тобой заеду.

Ну, поговорили. И я, честно сказать, забыла сразу. Думала: так, пошутили. Кроссовочки надела и вышла погулять. Времени часов десять вечера, я на стадион поскакала, хотела побегать. Звонок. Злой такой мужик в трубке... Говорю: «Слушай, я что-то брякнула, не подумав. Какая сейчас уборка?» Он рычит: «Да я уже на полдороге!» Ну, села на лавочку, жду.

Подъезжает, весь какой-то не в себе. Открывает багажник, достает курицу, начинает жадно есть. Ещё тычет мне в лицо куриной ногой, давай, говорит, поужинаем.

Поел, подобрел. Я ему: «Нет, товарищ, слишком ты странный, я к тебе в гости боюсь, хоть и большая девочка».

Он чуть не заплакал.

Ну что, помчались к нему. По пути он целый мешок пива купил и винища. Чтобы, говорит, уборка в праздник превратилась. «Сейчас, родная, всё оформим!» – и набрал напитков, как на свадьбу.

А я ещё еду и всю дорогу причитаю: «Тебе со мной не расплатиться!» – и всё в таком духе. То есть шучу, а он не понимает.

Захожу в дом... Мама родная! Чуть назад не вышла.

Посуды – до потолка, несколько баков тоже с посудой стоят. Вечеринка явно была неслабая. На полу бумажки, окурки, чего только нет. Видно, что личность творческая, чистотой не заморачивается.

Блин, ну что делать? Я музыку включила погромче – и вперёд. К утру всё это дело разгребла и бутылку вина заодно выпила.

Он что-нибудь попросит – я сразу же: плюс ещё сто рублей, плюс двести. Смеюсь.

Под утро каких-то бутербродов нарезали, я уханькалась, как Золушка, помылась в чистеньком душе и отключилась.

Когда я трудилась, он пытался меня смешить, наливал вино, даже мешочек с мусором вынес пару раз. Секса не было. Он, может, и случился бы, но только не с уборщицей без задних ног. Уснули, и всё.

В обед следующего дня он меня повёз в центр. А я без косметики и в спортивном костюме, почти бомжикой выгляжу, страшно неудобно.

Ну вот. Мне выходить, он руку тянет к карману: «Как мне тебя отблагодарить? Ты вчера всё прибавляла и прибавляла...» И мне вдруг до того стрёмно стало. Я говорю: «Да ладно! Все люди – практически братья. Мы с тобой повеселились, вина выпили, заодно и убрались. Так что не парься!» И ушла.

У меня, честно говоря, не было с ним желания встречаться. У него, я думаю, тоже. Ему, наверно, просто неловко было.

Проходит месяц. В пятницу я спускаюсь в метро, собралась домой. Звонок от него, буквально вопль: «Ты самая белая, самая большая белая женщина, самая лучшая, типа, единственная, спаси меня! Ты где?!» Я говорю: «В метро». – «Мне твоя помощь нужна! Пожалуйста, бери такси и приезжай». Я говорю: «Если столько же, сколько в прошлый раз, тебе дешевле вызвать профессиональных уборщиков». – «Нет, – говорит, – уборки не будет вообще. Прошу тебя!»

Беру такси, приезжаю. Выскакивает весь в тревоге и поддатый. Смотрит на меня, как баран на баранину: «Ты, оказывается, симпатичная!» Я спрашиваю: «Чего хотел?» А он, видишь ли, председатель садового товарищества, и ему послезавтра отчитываться на ревизионной комиссии за год.

Ни одного документа не готово, клавиатурой не владеет. Короче, у парня истерика. Там надо дебит с кредитом подбить, показать, куда членские взносы ушли, план платежей на будущий год, и ещё всякая хрень. А на руках только чеки да какие-то расписки.

Я хотела отказаться. Но он натурально заплакал.

Могло у меня женское сердце выдержать?? Женское точно не могло.

Спрашиваю: «Почему я, блин? Кто я тебе?» – «Ты, – говорит, – большая белая женщина, так выглядишь, будто для тебя нет невозможных вещей».

Я ненавижу цифры и бухучёт, но тут мой экономический диплом и слепая печать пригодились. Он, правда, был весь на нервной почве. Кричал на меня, срывался в истерику – тоже начальничек. Я вставала два раза, чтобы уйти. Говорю: «Какого фига ты орёшь? Ты даже не знаешь, как меня зовут». Нашёл себе рабыню Изауру.. Инфантил.

Ну и всё. Я это осилила за сутки. И уехала. Убежала, можно сказать. Кстати, так и не познакомились. Как мужчина он меня совсем не интересовал. А так, наверно, не самый плохой в мире человек. Он же честно деньги предлагал, вызывал такси до дома, пятое-десятое, полный пансион, только напечатай, родная!..

Вот ещё был выразительный кадр.

Дяденька, весь холёный и одинокий. Анатолий, 51 год. Подвёз меня случайно от банка до супермаркета. Пока вёз, я ему призналась, что мне завтра 30 исполняется. Поэтому надо продуктов прикупить.

Ну, я шопинг совершила, с чувством, не торопясь. Сорок минут прошло. Выхожу на улицу – он ждёт.

Сидит за рулём, весь в костюме, комик! Говорит: «Зачем тебе ехать домой? Погнали ко мне, отметим твой день рождения». Честно сказать, мне было фиолетово, куда ехать. Если горячая вода есть, то почему не поехать? У меня трубы вечно чинят и мыться надо из чайника.

Хотя я сама знаю, что чайник и трубы значения не играют, а значение играет одинокая нервная почва.

Ну что, приехали к нему домой, я в ванну закинулась надолго, отмокла до полной прозрачности. Потом сели за стол, чокнулись, отметили вдвоём. И я в тот вечер осталась у него.

В пятницу он меня зовёт на дачу к друзьям. Тёплая компания, мужчины и девушки, знакомит со всеми. Одна там, Марианна, глядит на меня с выражением. Я понимаю, что я на этом кастинге не первая и даже не десятая. На следующий день баня и шашлыки.

Вечером в субботу сидим с девушками, разговорились.

Забегает Марианна: «Тебя Анатолий зовёт – срочно! Он уже наверху спать лёг. У него там больная спина».

Пошла наверх. И он вдруг меня, как школьницу, построил. Мол, нечего шататься среди ночи, если твой мужчина уже пошёл спать.

Ну, он, понятно, важный босс. Менеджер высокого звена. Я робею, чуть ли не на «вы» называю.

Если, допустим, радио в машине, Киркоров поёт, то выключить нельзя. То, что пульт от телевизора мне трогать запрещено, я ещё раньше поняла.

После работы приезжаю. Он лежит на диване, снова спина болит. Хотя, наверно, больше сочиняет. Когда надо, вскакивает очень бодро.

Я на кухне воду в чайник наливаю. Ему с дивана видно. Нажимаю помпу на канистре. Он мне кричит:

– Ты чего там наливаешь два часа?

– Чайник.

– Так ты налей кружку себе. Чего столько лить-то?

Я спрашиваю:

– А вдруг я две захочу?

– Слушай, ты! Пока ты со мной общаешься, будешь делать так, как я сказал. Научись у меня на цыпочках стоять.

Ну, я ему вежливо предлагаю: «Знаете, Толя, не пойти ли вам нахуй, например?»

И уехала. Даже перекрестилась.

Он мне сам накануне сказал: «Не могу понять, почему ты со мной возишься?»

А я возилась, потому что он неплохой, потому что одиночка. Думала: может, как-нибудь срастётся?.. Но не могу, хоть убей. Скучно.

Последние пятнадцать лет он спит с женщинами за босоножки. Или просто за деньги. А меня всё это слабо волнует. То есть деньги мне, конечно, интересны, только если они мои.

В общем, кажется, неправильно я кадры выбираю. Не умею вести кадровую политику. Не умею – значит, и не буду. Одна, значит, просижу.

Он мне звонит перед Новым годом, сообщает: «Я нахожусь в магазине “Л’Этуаль”. Даю трубку продавщице. Быстро назови ей всё, что тебе надо!»

Я не буду врать, что мне ничего не надо. Наоборот, мне много чего нужно бывает. Но мне вот стрёмно до ужаса! Говорю: «Девушка, верните, пожалуйста, телефон мужчине».

У меня есть любимая подруга – Люба пятый номер.

Она мне потом сказала: «Не дай бог, ты бы этой лэтуальской продавщице на лишние три тысячи рублей косметики наговорила! Он бы тебя съел, как тогда с водой из канистры».

Люба пятый номер, когда смеётся, держит пальцы под глазами, чтобы не было морщин. Иногда она произносит крылатые мысли. Например, такой афоризм: «Если человек неоднократно ведёт себя как мудака, это, скорее всего, объясняется тем, что он мудака».

Последние месяцы Люба ушла в переписку с итальянцем. Совсем перестала потреблять булки, зато глотает килограммы черники. И вот она сидит длинными вечерами перед компьютером, с чёрными от черники губами и со своим пятым номером. Скоро, боюсь, он будет третий. Скоро я Любу вообще не увижу вследствие отказа от булок. Теряем мы Любу уже несколько месяцев!

Иногда мы с ней говорим о ревности.

У меня был знакомый путешественник по Юго-Восточной Азии. Больше всего он любил Тайвань. А в Таиланде у него завелась тайка. И она его как-то сильно заревновала... Мол, ког-

да ты в России, у тебя там русские любовницы. И он с ней из-за этого навсегда порвал. Говорит: зачем мне в Таиланде русский геморрой? Это он ревность имеет в виду. Получается, что ревность чисто русская заморочка?

Иногда мне кажется, что я на людей трачусь намного больше, чем нужно. Но мне, в общем-то, больше некуда тратиться. И я не жалею.

У нас на работе позади меня сидит девушка. Она такая правильная – туши свет. Никогда не опаздывает. Смеётся тихонько, в кулачок. У неё высокоразвитое чувство долга, все её ценят. Она заказывает обеды внизу в столовой на неделю вперёд и за две недели планирует посещение кинотеатра.

Сейчас у неё закончится рабочий день, она ждёт друга – он её заберёт минут через десять; я даже знаю, какой сериал они будут смотреть. Она будет параллельно вышивать крестиком, у неё действительно красиво получается, мне так никогда не сделать. И в полдесятого она ляжет спать, иначе не выспится.

Но, блин, когда я вижу, как она пять часов подряд крыжит и крыжит, крыжит и крыжит, мне сразу хочется напиться, упасть и умереть.

Я не очень-то умная, неправильная. Если я влюблена, то всё – пипец. Мне лучше поскорей уползти в свой сугроб. Чтобы ничего не натворить.

Мы сидим на работе – шесть девочек в одной комнате. Все одинокие. Две с детьми. И в обед зашёл такой разговор, что мы чего-то ищем и ждём. А эти, которые с детьми, уже не ищут и не ждут. Ну, то есть им нужен человек мужского пола, но скорее как помощник, и всё. Желательно приходящий-уходящий. Потому что через два дня совместной жизни человек мужского пола начинает дико раздражать.

Я запомнила, с Анастасией был наглядный пример. У неё двое детей. И она в том году ездила в санаторий. Там познакомилась с мужчиной. Считай, влюбилась. Мужчина глубоко женатый. Пришла из отпуска, вся неземная, собирается устроить ему романтический вечер.

Романтический вечер, если кто не в курсе, состоит из прозрачных чулок, красных свечей и жареных куриц. И мы с ней целую неделю в обеденное время скакали по магазинам в поисках сувенирных свечек. Она меня таскала.

А саму себя как участницу романтического вечера, в чулках и со свечами, я никак не вижу, хоть убей... В общем, деньги на куриц ей пришлось у меня занимать. Потому что она платит ипотеку, плюс детей кормить-обувать.

Тот женатый вечером приходит, чулки и всё такое.

Потом второй раз приходит. А потом он третий раз пришёл – и она его просто выгнала.

Спрашиваю: Настя, а что случилось-то, почему? «Да потому что толку от него нет. И де-

нег у меня тоже нет, курятину каждый раз покупать».

Вряд ли она, конечно, рассчитывала на материальную помощь. Но хотя бы курицу он мог сам принести?

Вот и вся личная жизнь.

Зато моя личная жизнь, к сожалению, остро сюжетная.

У меня был приятель Серёжа, адвокат и алкаш. Внешность, как у Семён Семёныча из «Бриллиантовой руки», и кепка точно такая же.

Звонит как-то раз, приглашает встретиться. Договорились в летнем кафе, возле казино.

Я заехала домой, чтобы переодеться. Смотрю своё бельё: чистых трусов нет, всё выброшено в стирку. Пришлось надеть джинсы на голое тело. Это я по секрету говорю, а то неудобно.

Сидим в кафе. Он пьёт вино, я – кофе, разговариваем. Он так заметно веселее. Приглашает ехать к нему, продолжить.

Я думаю: скоро его развезёт, и куда я с ним, пьяным? Ну, и всячески отнекиваюсь.

И вдруг он говорит: «А знаешь, что у меня дома есть? У меня дома есть трусы!!»

Странное заявление. Я так потрогала тихонько спину: вроде задница не виднеется. Короче говоря, заинтриговал меня этим обстоятельством: как он мог догадаться, что я без них?

Мы поймали машину и поехали на Комсомольскую. А там оказалось, что ему друг отдал коробки с женскими трусами, потому что жена дру-

га этим бизнесом расхотела заниматься. И он их раздаёт всем подряд.

С Комсомольской я ушла только утром, очень сильно влюблённая. Даже не ожидала такого от «бриллиантовой руки».

Любила я его ровно полгода. Потом наконец заставила себя понять, что сам-то он ни фигя не влюблённый! Да ещё нечаянно подслушала, как он друзьям на кухне жаловался: «Видно, судьба моя такая, толстеньких трахать». Такая печаль, дескать. Друзья, конечно, поржали.

Мне так было больно. Хотя я потом с ними сидела, смеялась.

Короче, уползла к себе в сугроб.

В субботу я уронила арбуз на клавиатуру и пошла во фруктовый киоск за новым арбузом. На обратном пути застряла в кафе, потому что там пусто было, читала роман «Зима тревоги нашей».

И как раз посередине этой «тревоги» звонит мой бриллиантовый алкаш и очень просит приехать. Ну прямо слышно по голосу: плохо человеку.

Примчалась (думаю: в последний раз). Лежит на смертном одре. Буквально последняя весна Некрасова. На столе пустые бутылки от водки и коньяка. Я села, задаю наводящие вопросы... Интервьюер во мне пропадает. Адвокат только мычит и страдает.

Вдруг звонок в дверь. Открываю, стоят четыре девицы.

Выяснилось: он, пока меня ждал, зачем-то заказал проституток...

Блин. Вот скажи после этого, что у Любы пятый номер афоризмы неправильные!

Девицы заходят в квартиру таким манером, как будто подписи в защиту архитектуры собирают. Реально красивые, ухоженные, четыре штуки – на выбор. В том числе две блондинки. Одна, правда, была в юбке-поясе. Я говорю: «Спасибо вам, девушки, за ваш нечеловеческий труд! Но клиент занемог и лежит без сил».

Кое-как ушли.

Серёжа, адвокат хренов, уже весь трясётся перед гибелью, смотрит умоляюще. Последняя весна в разгаре. Я говорю сурово: «Подсудимый! Ваше последнее желание!» Вместо последнего желания показывает пальцем на пустую бутылку: мол, принеси ещё, а?

Времени скоро двенадцать ночи. Я говорю: «Фиг тебе, а не коньяк! За пивом, ладно, схожу». Он хрипит: «Побольше!..»

Спустилась в гастроном – там до двенадцати.

Успела. Стою на кассе с пивом. За мной в очереди мужчина, весь такой из себя смуглый мачо.

И этот мачо, глядя сначала на мою корзину, потом на меня, говорит:

– Как много пива... И как много лишнего веса!

И кассирша тут же. Подлю так хмыкает.

Ну, я молчу. Только повернулась к нему и улыбнулась, как могла, всем своим декольте. А сама, конечно, в ступоре, и на душе противно.

Хорошо, думаю, сейчас будет реабилитация!

Подхожу к терминалу, где кладут деньги на телефон. Плачу за телефон, а чек оставляю. Там же мой номер.

Знаю точно: сейчас позвонит.

Иду назад к своему Некрасову, он уже передумал умирать. Крашусь по-быстрому. Жду.

Звонит, конечно. Куда он денется? Мачо-фигачо.

– И куда же вы, леди, исчезли? Я за вами! Вас нигде! Где ваша резиденция? Не могли бы сойти вниз?

Спускаюсь прогулочным шагом, гляжу с надменным удивлением: кто это, вообще? зачем припёрся? Он сразу начинает козырять: инструктор, выступающий спортсмен, ага, культурист. Тренер в «Королевстве фитнеса». Пошлое название, сразу вижу.

– Поедемте, – говорит, – со мной завтра на презентацию?

– Некогда мне с вами презентовать, я на дачу собираюсь.

– Тогда, – говорит, – я сам не поеду, а вас на дачу отвезу.

Уже совсем откровенно спрашиваю: «Чего тебе надо? Я вроде бы не твой формат, столько лишнего веса!» А он: «Ты что! Был бы человек, а красивое тело я сам сделаю. Хочешь, я тебя потренирую?»

– Иди, – говорю, – делай чьё-нибудь другое тело. А я ещё посмотрю на твоё поведение.

Нет, он, конечно, мачо, загорелый весь. А мне-то что?

Сижу потом на работе, звонит: «Еду за тобой! Есть уникальный план! Сначала мы к тебе едем отдыхать, а потом – тренироваться».

Я говорю: «Отдыхать ко мне мы с тобой вряд ли поедem. А вот тренироваться тоже вряд ли».

И тут он заявляет: «Дура ты. Мне богатые девушки за секс деньги предлагают, лишь бы с ними поспал. А ты за так не хочешь, дура последняя!»

После этого, правда, ещё звонил – уже звал просто в кино. Прислал мне фотографию своей голой спины. Готовился к соревнованиям и нашёл на спине какой-то жир. И не стрёмно ему было спину мне присылать?

Хотя зря я собой люблюсь. Чем тут любоваться? Я, может, даже низко себя вела.

Люба пятый номер говорит: «Ничего низкого с твоей стороны. Это с его стороны низко было так знакомиться с девушкой!»

А он же спортсмен, возит с собой банки с едой. Жиры нет, углеводов нет, ест по часам. А встречающиеся девушки должны служить доказательством его успеха.

И что у нас теперь есть на горизонте? Ничего нету. И лето уходит.

Насчёт сезонов могу сказать: я не люблю осень, зиму и весну.

А сейчас вот чувствую – лето умирает. Хожу реву. Мысленно, конечно.

Ночью пошла полюбоваться на тот сайт с причесоном, как на разбитое корыто. Есть хоть кто-нибудь живой, с углеводами?

Ну, и что я вижу. Анкета, без фотографии.

Евгений, 44 года. Знак зодиака – Водолей.

О себе. Кажется, неплохой собеседник.

Познакомлюсь с девушкой в возрасте 20–60 лет.

Кого я хочу найти: собутыльника и друга.

Не женат, детей нет.

Ладно, собутыльник так собутыльник.

Начали разговаривать. Как-то внезапно договорились, что пособутыльничаем. Не сегодня, а завтра, например, или в выходные.

Он спрашивает: «Что пить будем?» Говорю: «Я не гурман». Он отвечает: «А я гурман. Но пока, извини, поработаю».

– Что за ночная работа? – не могла не спросить.

– Ну, как тебе сказать. Проект один срочный сочиняю.

– Про что?

– В двух словах, про цветной воздух.

– Может, ты воздухоплаватель?

– Нет, я дизайнер.

Ох, мама родная, думаю.

В пятницу спрашивает: какие планы на вечер? А я только приехала, чего-то жарю на плите.

– Приятного аппетита, – говорит. – А может, потом по стаканчику? Я заеду. У меня хороший погреб.

– Какой ещё погреб?

– Винный.

– Может, ты маньяк? – спрашиваю. – На женщин нападаешь? А то я крепкая девочка, могу и сама при желании напасть. Сознawайся, в погребе удушал кого-нибудь?

– Нет, у меня там только вино дорогое.

Приезжает, смотрит на меня. И тут я понимаю, что наконец-то снова пропала.

Особые приметы: старые глаза и молодое лицо, очень чёткие губы. Не скажу, что он мне сразу сильно понравился. Сразу мне никто... Но чувствую, что – может.

Едем мы к нему. Лучше бы не ездили. Дом – белая горячка одинокого миллионера, фантазии братьев Гримм. И так мне печально стало! Знаю заранее, что мне лучше не вглядываться. Печально из-за того, что я с такими гражданами чувствую себя неполноценной. Ну, то есть у них своя свадьба, а я – сама себе звезда.

Мы, конечно, спустились в этот погреб, там вино понатыкано в стенки. Он спрашивает, с чего начнем: «Романи-Конти» или «Перрье-Жуэ»? Я говорю:

– Не выёживайся, пожалуйста! Бери любое.

Ходили мы в погреб несколько раз. Потом лень стало спускаться, начали доставать из шкафа.

А у него в комнате, рядом с кухней, огромная круглая кровать, типа степь да степь кругом, но

на четыре сектора поделена. Я в жизни таких больших кроватей не видела. Сидим в отдалённых секторах, дегустируем бутылки.

Возле камина полупрозрачные камни – как будто произвольно растут. Спрашиваю: кто эту суеторию придумал? Сам, говорит. Ещё какую-то премию получил.

Просыпаюсь ночью на той же кровати, в своём секторе, вся в одежде, как была... Красотка! Ноги на полу, причёски нет. Короче говоря, произвожу обратное впечатление.

Озираюсь, он где-то вдалеке залёг, на другом конце степи. Тоже просыпается. «Пойдём сюда», – говорит. Кое-как дошла, уснули.

Ну, разделись, правда, частично. Утром просыпаемся в обнимку, ничего не поняли, смутились.

Я умылась, взяла бутылку вина и пошла на крышу. Там площадка с плетёными креслами и чей-то старинный корабль стоит.

Оттуда, прямо с крыши, звоню Любе пятый номер. Говорю: «Люба, я дура дурацкая, мне раз в пятилетку мужчина понравился, а я опять веду себя неприглядно!»

Посмотрела ещё на утренний город, выпила вина, уронила бокал, пока спускалась.

Он с утра жарил креветки и зелёную лапшу варил.

Плохо мне было, неудобно. Ну не могу я с такими людьми общаться. Мне кажется, я из другого измерения.

В общем, довез он меня до дома, и всё.

Я мысленно попрощалась навеки, налила себе чаю, набрала фамилию в Яндексе и тихонько охренела.

«Миланский триумф», какие-то обложки сверкают, Дино де Лаурентис обнимает за плечи, рядом дама, вылитая Моника Беллуччи. Рядом Филипп Старк говорит: «экселент» и «сплендид».

Ну, ясно. Ещё раз попрощалась.

Назавтра снова звонит:

– Слушай. А почему ты сказала, что мы с тобой больше не увидимся?

Я даже не помню, что произносила такие слова.

– А почему ты спрашиваешь?

– Да мне тут скоро предстоит хирургическое вмешательство...

– Опасное что-то?

– Ну, такое вмешательство, что я после него – или пан, или пропан.

(В Интернете потом глянула: пропан, пишут, огнеопасный газ. Взрывается, и всё такое. Чуть не заплакала.)

– Вот я и подумал: либо ты меня хоронишь, либо совсем не интересую тебя как мужчина.

– Мне, – говорю, – немножко стыдно признаться. Но ты меня именно что интересуешь как мужчина. Даже если ты половой маньяк. Но твой светлый знаменитый образ, твой погреб

и твоя круговая кровать с секторами портят всё это дело напрочь.

– Спасибо, конечно, за такие слова. Я бы тебя сейчас хотел погладить по лицу и по губам.

– Знаешь, если кому-то и хочется меня погладить по лицу и по губам, то это только по телефону. А в реале всё очень сомнительно.

– Ты меня плохо знаешь, – говорит. – Когда у меня такое желание появляется, то без разницы, в реале или в виртуале, но я хочу этого непременно.

– Ладно, всё. Закрыли тему. Я раньше переживала: с чего это я такая одинокая? А потом поняла, это абсолютно всех касается. У мужчин разве не так?

– Да мужчине об этом некогда думать. Он в систему влезает, как шпунтик, и вертится, пока не сломают. То рабочий муравей, то клерк, то मुдак политический. В крайнем случае волк-одиночка.

– Я, скорей всего, тоже клерк.

– Ты женщина, да ещё какая!

– У тебя, наверно, все дамы утонченные, с длинными кистями и пыльным взором, и ноги у них узкие. А у меня такого нет, и подъём огромный. Ещё вот ноготь на большом пальце слез.

– Не горюй, девочка, он у тебя вырастет уже к зиме!

– Ну да, да. Я не горюю, я как есть... А ты знаменитость, цветной воздух, типа.

– Лучше бы я был заведомом в банке, да?

– Не-не! Боже упаси. Тогда лучше сторожем или таксистом... У меня, кстати, руки и ноги тяжёлые. Как ты терпел мои обнимания во сне?

– Сам не знаю, чуть не погиб.

– Я даже не знаю, как с тобой женщины целуются. Они же стесняются, по-любому! Или они тебя насилуют.

Тут после разговора мне в голову пришло, что я вообще его не представляю в этом процессе.

Дома сижу, опять жду звонка. На сайт выйти не могу.

Я, когда арбуз уронила на клавиатуру, наверно, какой-то файл удалила. После этого связь падает, почта не идёт, и как тут влюбляться??

Люба пятый номер меня спрашивает, по какому принципу я выбираю людей. Вхожу в задумчивость. Могу только сказать: мне нравятся свободные. Которые сами для себя решают, как жить, и живут.

Но я вот что не пойму: откуда в людях такая жалкость? У каждого буквально, пусть он уже сто пятьдесят тысяч миллионов раз Дино де Лаурентис, всё равно – страх и жалкость.

Обращаюсь к Любе с тупым вопросом: скажи, мы ведь раньше все кем-то были? У Любы голова ясная. Раньше, говорит, мы все были детьми.

Да, это я ещё помню. Как я претендовала на вакансию снежинки.

Когда мои родители поженились, им дали временное жильё с туалетом на улице. В этом временном жилье я прожила двенадцать лет, потому что советская власть сменилась и оно стало постоянным.

Мне-то было нормально, а вот моей маме с двумя детьми, с водой из колонки и общим туалетом на улице, наверно, было не очень.

Я ходила в детсад, там на Новый год нужны наряды – все девочки снежинки! Это же главное счастье.

Матери некогда, она ругается на меня: «Придумали всякую херню, какие-то наряды!..» Ну, пришивала, конечно, к платью мишуру снизу, прямо накануне, поздно вечером – я к тому времени уже вся исстрадаюсь.

Отец делал мне корону, тоже почти ночью. У нас были пластинки маленькие, они лежали в папке, а на ней снежинка нарисована. Он эту снежинку как-то обводил, переносил на картон, фольгой обклеивал – и ёлочные колотые игрушки сверху, чтобы гламурно блестело.

И резинку от трусов – чтобы держалось.

Ну вот. Близится Новый год, завтра утренник. Все девочки в садике уже обсудили, кто кем будет и что кому шьют.

Прихожу домой, отец телевизор смотрит. Я хожу вокруг него: мол, давай уже корону-то делай!

Он отмахивается: «Да сделаю, успею».

А время поджигает, уже темно, зима ведь, мне спать вроде как надо. Он говорит: «Всё! Сейчас делать начинаю», – и ватман достаёт.

Я поверила и ушла спать.

Наутро встаю... Пипец. Вместо короны – шляпа мухомора.

Ему, видно, лень было заморачиваться, он по-быстрому вырезал круг и свернул в конус.

Ну и всё. Я была мухомором среди снежинок.

Это сейчас – чем больше выпендришься, тем лучше. А тогда??.. Я была толстая. Меня даже не взяли показывать гостям аэробику.

Тут у нас день рождения начальницы случился, и меня заставили выпить полбутылки шампанского. В этот момент звонит моя дизайнерская звезда. Спрашиваю:

– Когда у тебя будет вмешательство «пан или пропан»?

– Уже через четыре дня. Скажи мне что-нибудь радикальное!

– В каком смысле? Что-то страшное?

– Хорошо, давай страшное.

Подумала и говорю, под влиянием шампанского:

– Я тебя изнасилую.

Он подумал и говорит:

– Симпатичная мысль, творческая.

– Радикально получилось?

– Да, мне понравилось. Как только оклемаюсь после хирургии, сразу позову тебя встречаться.

БОЛЬШАЯ БЕЛАЯ ЖЕНЩИНА

– Ну всё, замётано. Я по такому случаю покрашусь, так и быть.

Ещё минут пять поговорили о положении в мире. Прощаемся.

– Ну ладно, – говорю, – береги себя там! Мне всё-таки ещё тебя насиловать предстоит.

– Ради этого постараюсь.

Я потом полчаса в зеркале себя разглядывала, невзирая ни на кого. Тоже ещё снежинка.

История вторая

ЦВЕТНОЙ ВОЗДУХ

Я позвонил ей за четыре дня до своей смерти, потому что, оказалось, больше никому позвонить.

Она была слегка пьяная, поздравляли кого-то на работе, и разговаривала смелее, чем в тот вечер, когда осталась у меня ночевать.

Звонил-то я с одной целью – попрощаться, и всё.

Но она вдруг захотела условиться о каком-то любовном будущем, пообещала в честь меня накраситься и прямо даже изнасиловать. Ну, я говорю, согласен быть потерпевшим.

А что я мог ответить? Не приглашать же её пить компот на моих поминках.

Я уже давно заметил, как на некоторых отдельно взятых лицах появляется черта обречённости. Ещё месяц, ещё неделю назад её точно не

было, а потом – раз, и видишь эту ужасающую окончательность. Независимо от возраста. Конец фильма осознаёшь до того, как поплывут заключительные титры, белые на чёрном.

Но вот заглянуть в зеркало, чтобы оценить своё лицо с этой же точки зрения, насчёт близости к финалу, я догадался только недавно, в апреле, после свидания с врачом, которая меня сразила своей надменностью.

Она сидела за столиком, похожим на туалетный, поджимала круглые ноги в нейлоновой сеточке и разглядывала квитанцию об оплате её бесценных консультационных услуг. Плательщица и подателя квитанции, который вздумал тут бубнить о том, «что беспокоит», то есть меня, даже не удостоила взглядом. Зато раза два извилисто передёрнула бёдрами и плечами, как будто подтянула тесную сбрую или портупею, наспех упрятанную под халат.

О том, что я должен лечь на операцию, она сказала таким тоном, словно известила дырявое мусорное ведро, что ему предстоит быть опорожнённым. Или, возможно, остаться на помойке вместе с содержимым. Тут уж как повезёт.

Я ещё имел глупость поинтересоваться: чего ожидать в случае удачной операции? На что надеяться-то?

Она так возмутилась, что наконец вскинула на меня глаза, полупрозрачные, как холодец: «А вы чего хотели, мужчина?!..» И снова трепетно подёрнула сбрую под халатом. Дескать,

что за нескромный запрос, постыдились бы! Да, я понимаю. Клиенту морга лучше помолчать в тряпочку.

Мне захотелось разбить в щепки этот бледский туалетный столик, но я воздержался. Будем считать, пациент сам напрашивается на презрение, когда заискивает перед врачом. Взрослые достойные люди, очутившись в медкабинете, как-то мгновенно скисают, превращаются в покорных овец. На них тяжело и неприятно смотреть.

Поэтому не стал я столики сокрушать, а молча пошёл на воздух.

Когда в апреле на обочине тротуара плавают под солнцем остатки снега, они горят ослепительнее, чем свежий сугроб. Меня всю сознательную жизнь больше любых цветов привлекал белый. И мой самый удачный проект, который громче всего хвалили и награждали, назывался «Белое на белом». Но сейчас меня гораздо сильнее интересует цветной воздух.

Уйдя от врачихи, я мысленно ещё немного проплевался в сторону портупей и чулок в сеточку, доделал одну срочную работу и спустя полторы недели поехал в правильный медицинский центр на обследование. Там с утра тихая очередь томится в кожаных креслах с общим выражением на лицах: «Участь моя решена». Деликатный женский голос приглашает тебя по имени-отчеству пройти в очередной кабинет.

На меня таких кабинетов понадобилось четыре. И в каждом из них разные спокойные ребята одинаково твёрдо и сочувственно мне сказали: да, операция нужна, чем скорее, тем лучше. Внятно и по-честному.

Только вот в паузе между третьим и четвёртым кабинетами случилась коварная засада.

Со мной вдруг разоткровенничалась одна красивая особа из соседнего кресла, по виду советская фотомодель на пенсии. Ей не терпелось поведать о своём муже, кажется, уже покойном, которому делали точно такую же операцию. Он, конечно, был сильный и мужественный человек – генеральный конструктор пивзавода! Хотя, конечно, хронический гипертоник. А хирурги здесь, конечно, самые лучшие в городе. Но перед началом операции анестезиолог делает укол в глазное яблоко. Это, конечно, бывает очень больно. А у хронического гипертоника в момент укола в глаз, конечно, может случиться скачок давления. А скачок давления во время такой операции, конечно, грозит кровоизлиянием, если не в глаз, то в мозг.

Когда она четвёртый или пятый раз упомянула укол в глазное яблоко, я заметил, что моё неслабое воображение потихоньку сползает на грань обморока. Если вообще возможен обморок воображения.

Потом меня позвали в последний кабинет, и я так и не услышал, что произошло с генеральным конструктором пивзавода, хотя я не отказался

бы узнать, например, отчего он умер. Как-никак мой товарищ по несчастью. Но больше его прекрасную вдову я ни разу не встречал.

В четвёртом кабинете мне назначили экзекуцию на конец мая, и я поехал домой. Дома я разделся догола, мысленно поставил будильник на бесконечность и лёг спать. Я так делаю, когда хочу отвернуться от всего белого света и поглубже уткнуться в себя.

Проснулся уже в сумерках, смертельно голодный, поэтому оделся, умылся и пошёл в магазин. Вокруг моего дома все магазины дорогие, но парфозные. Там можно купить мангостаны или мраморную говядину, но пахнет попкорном и тухлой рыбой. А на углу соседнего квартала есть маленький хороший гастроном, который держат татары. Продукты у них обыкновенные, зато обслуживают так, что хочется остаться и жить. Прямо возле прилавка.

На крыльце татарского гастронома сидела Надежда Викторовна, синюшная и грустная. Она ужинала. Возле неё на ступеньках стояли картонный стаканчик из-под кофе, бутылка «Аква Минерале» и пластиковая тарелка с корейской морковью. Выглядела Надежда Викторовна гораздо хуже, чем зимой. Зимой она ещё красила губы и кокетничала с местными алкоголиками. А тут совсем посинела и опухла.

Я сел рядом на ступеньку и пожелал Надежде Викторовне приятного аппетита. Она поглядела на меня почти со страхом. Было видно, что она

готова обороняться, чтобы не прогнали, но пока не знает – как.

Покупатели старательно обходили нашу ступеньку.

Наконец, Надежда Викторовна придумала веский аргумент защиты и объявила во всеуслышание:

– За мной сейчас **машина** придёт!

И даже не суть важно, что за машина имелась в виду: милицейский уазик, такси или, допустим, свадебный лимузин. Всё равно прозвучало круто. Я легко представил, как через весь город, возможно, с мигалкой и сиреной, летит специальное авто за Надеждой Викторовной, пока она не торопясь доедает свою корейскую морковь. И не дай бог, какой-нибудь ублюдок заподозрит, будто Надежда Викторовна никому в мире на хрен не нужна! За ней сейчас **машина** придёт.

Лет шесть назад я был в гостях у одного приятеля, чью фамилию я называть не буду. Потому что упоминать его фамилию равносильно бесстыдной похвальбе. Приятель купил дом на Ривьере и чистосердечно, с удовольствием приглашал к себе. Я позвонил ему по дороге из аэропорта, и он сказал: «Приезжай немедленно! У меня здесь такой гость!...»

Когда я зашёл в гостиную, примыкающую к внутреннему садику, там сидел Ив Сен-Лоран собственной персоной. Вид у него был больной и усталый. На столе перед ним стояли крошечная кофейная чашка и бокал с минеральной во-

дой. Хозяин дома познакомил нас и на две-три минуты оставил наедине.

Я молчал. Молчать было невежливо, но дежурные замечания о погоде-природе мне кажутся и вовсе бездарной насмешкой.

Знаменитый кутюрье, видимо, тоже почувствовал неловкость, он сделал неопределённое движение рукой в сторону выхода и сказал по-английски:

– За мной сейчас машина придёт.

Не знаю, зачем он это сообщил. Может, просто давал понять, что скоро освободит нас от своего сиятельного присутствия. И куда в таком случае девался автомобиль, который его сюда привёз?

Этот эпизод мне вспомнился только потому, что наша районная бродяжка Надежда Викторовна абсолютно безошибочно срифмовала себя с мировой знаменитостью, почти не отличишь. Хотя у Надежды Викторовны, я заметил, гораздо сильнее понты, чем у Ива Сен-Лорана. Из-за этих понтов я, например, больше не решаюсь предлагать ей денег (уже пробовал), поскольку могу быть сразу послан в зад или за вином. Тогда, скорей всего, я тоже захочу её послать.

Когда шёл назад из магазина, меня догнала мысль, что я мог позвать Надежду Викторовну к себе домой и дать ей возможность вымыться в ванне. Но я догадывался, что одной помывкой история не ограничится, мне придётся иметь

в виду или даже курировать дальнейшую участь Надежды Викторовны. А момент таков, что мне пора бы уже собственную участь поиметь в виду.

Я шёл по улице, смотрел на этот чудесный май и внятно подозревал, что он у меня последний.

Дома я решил приготовить ужин из продуктов, которых сто лет себе не позволял по причине их сугубой вредности. Ужин, прямо скажем, удался. Лучшее всего у меня получились поджаренные беляши Теряевского мясокомбината и крабовые чипсы из республики Вьетнам. Считается, что сто грамм красного вина – вообще одна чистая польза. Поэтому я причинил себе эту пользу шесть раз.

А назавтра я позвонил в тот правильный медицинский центр, чтобы перенести операцию на конец августа. Девушка в трубке задумчиво поцокала по клавиатуре и назначила мне на 27-е число. Таким простым способом я прибавил себе ещё лето.

В июне меня настиг по мобильному телефону олигарх Федюша. С точки зрения любого нормального дизайнера, живущего на трудных вольных хлебах, Федюша не клиент, а мечта. При своей сыроватой картофельной внешности изнутри он, судя по всему, нежный и трепетный, как девушка. Грязное слово от него редко услышишь – всё больше о прекрасном и вечном. Сде-

лав очередной нескромный интерьер для Федюши, можно купить себе скромную новую квартиру. Позавчерашний коммунист, владелец заводов, газет, теплоходов и карманного банка среднего калибра, Федюша очень своевременно вступил в партию «Единственно Правильная Отчизна», где ему доверили пост второго заместителя председателя политсовета. Правда, когда на последних выборах партия собрала сто тринадцать процентов голосов вместо запланированных сто тридцати процентов, Федюшу со всей строгостью и укоризной подвинули на место третьего заместителя. И он это унижение стерпел, хотя по-прежнему был в состоянии купить с потрохами весь политсовет.

Где-то с месяц назад Федюша сам нашёл мой номер телефона, сразу перешёл на «ты» и предложил, как он выразился, оформить ему жилплощадь, состоящую не то из девяти, не то из одиннадцати комнат. Я спросил: за что именно мне такая честь?

– Так ты же у нас живая легенда. Про тебя даже Степан Владимирович знает!

Я не стал спрашивать, кто такой Степан Владимирович. Уж как-нибудь обойдусь без этого знания.

В тот раз Федюша позвал меня в ресторан «Троекуровъ» и первым делом выложил на стол кожаную папку с золотым тиснением, похожую на дембельский альбом. Мне предлагалось оце-

нить по достоинству пачку цветастых коллажей, слепленных кем-то очень старательным под Федюшину диктовку. Это была провинциальная мечта о высоком дворцовом стиле: винегрет из ампира и рококо. Фигуристые буфеты с росписями, комоды на львиных лапах, нашлапки из бронзы. На кухне и в ванной крупноформатная плитка от Версаче с головой горгоны Медузы – и на стенах, и на полу. Лакированные бараньи рога, завитушки. И жирная-прежирная позолота на всём, включая сантехнику... Одним словом, я оценил.

Я сказал: «Чудовищно красиво», – и посмотрел на часы.

Федюша как-то сразу наморщился: «Пренебрегаешь?»

– Да нет, – говорю, – как можно. Грандиозный проект. Но я-то здесь при чём? Всё уже придумано без меня. Мне совесть не позволит запятнать своей подписью такой, не побоюсь этого слова, Версаль.

– А ты что думаешь, я не могу понять? Могу! Я тоже не зверь какой-нибудь! Воля художника, самовыражение и всё такое... Но у меня для тебя будет специальный заказ. Очень специальный! Так сказать, на десерт.

В этот момент официант принес водку и блинчики с икрой.

Федюша выпил две рюмки подряд и заговорил с полным ртом:

– Вот ты говоришь «духовность»...

Слово «духовность» я не произносил никогда. И «самовыражение» – тоже. Мне легче пойти в ванную и повеситься, чем произносить такие слова. Я даже могу дать совет: если человек толкует тебе о самовыражении, духовности и о народных чаяниях – бойся, как бы он тебя не обокрал. По крайней мере добра от него не жди.

Я дослушал инновационную Федюшину мысль о том, что девушки за духовность не отдаются. Им голову сносят кураж, сила и блестящие бирюльки. На мой вопрос, много ли в его бизнесе куража, Федюша с грустной прямоотой ответил: «Не много. Но всегда есть крутой выбор». – «Какой, например?» – «Например, заплатить или застрелить. Грубо говоря, но мягко выражаясь».

Уговорив кроличью ногу в сливочном соусе, пельмени из оленины и грейпфрутовое желе, Федюша вернулся мыслями к своему очень специальному заказу.

Вот что мне было сообщено. Спальная комната в его доме должна иметь прихожую, или предбанник, или что-то вроде приёмной – как перед важным кабинетом. Чтобы, значит, там создавалось настроение для будущего ночного таинства. Атмосфера в этом предбаннике должна быть возвышенной и очень волнительной.

Чувствовалось: если это и бред, то любовно выношенный, и ради предбанника своей мечты Федюша не пожалеет ничего и никого. Напоследок он сказал почти с угрозой, что верит

в мою гениальность и будет ждать уникальных идей.

Я обещал подумать, сглотнул вторую порцию двойного эспresso и уехал домой, где немедленно забыл о Федюшиных изысках. И вот теперь, спустя месяц, он достал меня по телефону в самый неподходящий момент.

За шесть минут до этого я чуть не отхватил себе мочку одним неловким движением опасной бритвы. Ухо вроде осталось на месте, но крови хватило бы на два триллера. В кастрюльке на кухне варилось яйцо в мешочек, подпрыгивая в такт кипению и словно дразнясь невозможностью уследить за его растущей крутизной. Поверх зеркала с моей недобритой окровавленной обличиной голубел клейкий листочек для заметок, где я записал дату августовской операции. И надо всем этим безобразием телефонная трубка исполняла арию Федюши о том, что блестящий, «конгениальный» проект уже должен быть готов и не сегодня завтра показан клиенту.

«Да, – говорил я отчаянно честным голосом и притискивал горячий ватный снежок к помертвевшей скуле, – да, не сегодня завтра!» Не знаю, зачем я себя так вёл. Чего ради люди сами с головой лезут в ловушку и до такой степени уродуют себя? Наверно, по инерции жизни.

Я выбросил подгоревшее яйцо, лёг на спину, закрыл глаза и вообразил комнату без стен – бесконечно просторную и тёмную, как космос.

Через два с половиной часа Федюша с недоверием спросил, как это можно технически устроить. Технически хотя бы так: зашиваем стены и потолок в гладкую бархатную ткань чёрного цвета, которая проглотит все лучи и блики, а сама будет практически невидима. Два точечных источника света нацеливаем на центр комнаты. И посреди этого «космоса» ставим доисторическую фигуру: первобытную каменную бабу, наподобие Венеры из Виллендорфа. И больше ничего.

Здесь Федюша заметно оживился и начал допытываться, как выглядит первобытная Венера и насколько она хороша собой. Даже уточнил, имеются ли у неё «сиськи-письки» и прочие половые признаки. Меня слегка мутило от разговора, но я по возможности твёрдо ответил, что признаки имеются. Там, в сущности, больше ничего и нет, кроме половых признаков, она только из них и состоит. Но насчёт «хороша собой» лучше вообще забыть: скорее страшна собой, как и подобает языческому идолу.

Федюша настолько воодушевился, что в тот же вечер позвонил мне снова, чтобы выяснить размеры статуи. Я ответил, что размер мы выберем сами, когда будем заказывать копию. «Никаких копий! – сказал строгий Федюша. – Только настоящую, в полный рост!» И, несмотря на то что я деликатно промолчал, он тут же конвертировал свои намерения в твёрдую валюту: «Ну, сколько она там может стоять, триста-четырес-

та тысяч евро? А мы что, не знаем цену искусству? Знаем. Даже если и шестьсот! Как говорится, торг уместен...»

По утрам я чувствовал себя чем-то вроде подбитого линкора. Только не знал, где пробоина.

Раньше я пробуждался со счастливым и свежим, как холодное яблоко, ощущением: **всё ещё будет**. А теперь это ощущение начисто пропало. Впервые за долгое время я не встал сразу с постели, а застрял под одеялом и включил телевизор. Правда, убрал звук.

На канале “Animal Planet” обезьяний младенец терзал сосок своей терпеливой мамы, таранился в разные стороны, и в его ошеломлённых глазках читался неотложный, можно сказать, кардинальный вопрос: «Для чего я сюда попал? Зачем это всё? Ради какого фига?!»

Если честно, я бы и сам хотел услышать ответ. Я бы даже добавил звук. Но “Animal Planet” уже отвлёкся на каких-то щекастых беспонтовых хомяков. В другое время я бы, может, их пожалел: они так старательно суетятся, а живут так недолго. Но тут я вспомнил, что при сегодняшнем раскладе любое из этих существ запросто меня переживёт: они ещё будут видеть и дышать, а я – уже нет.

Телезрительское возлежание скоро надоело. Я почистил зубы и встал под душ. Мне нужно было понять, точнее, выведать у самого себя: что, собственно, произошло? Откуда взялся этот похоронный мотив?

Я знал, что операция, которая меня ждёт, не такая уж редкая и сложная. Технология давно обкатана, срывов почти не бывает. Клиника правильная, с высокой репутацией. Тогда в чём дело?

Засада была в том, что всю свою жизнь я сто-процентно доверял собственной интуиции. В тех случаях, когда я полагался только на неё, она не подводила меня ни разу. И наоборот: если я чуял одно, а поступал по-другому, то есть игнорировал это чутьё, у меня случался жестокий прокол.

Так вот, моя дурацкая, проклятая интуиция в этот раз внятно говорила, что история с хирургическим вмешательством кончится плохо. И не просто плохо, а так, что хуже не бывает. Но я даже мысли не допускал об отказе от операции. Амплу напуганного одноглазого инвалида нравилось мне ещё меньше, чем роль моложавого покойника.

На следующие пять дней я с головой ушёл в альбомы и монографии о первобытном искусстве. К концу недели мне уже настойчиво снились Венеры эпохи палеолита: вспухающие тела из камня или слоновой кости, перезрелые грозди ягодиц, грудей и животов.

Я переснимал и сканировал самые характерные образцы. У некоторых фигур изначально отсутствовала голова, почти у всех круто выпирала беременность и зияла внизу живота глубоко

вырезанная вагинальная щель. При всей грандиозности форм, это были в основном миниатюрные создания – от четырёх–шести до тридцати–сорока сантиметров. Каменные же бабы родом из скифских степей, женщины-идолы алтайских и сибирских кочевников, наоборот, впечатляли своей рослостью – от одного метра аж до четырёх, но чаще всего были бесформенные, с корявыми, убогими закруглениями или тупо прямоугольные, как сундуки, поставленные на попа.

Потом я напился в одиночестве и стал ругать себя, что никакой я на самом деле не дизайнер. А скорее «словесник». Для меня ведь даже вкус вина, как правило, начинается с его имени. Накануне своего немотивированного пьянства я зачем-то купил в универсаме краснодарскую мульку, безобразно переслащённую, прельстившись одним только названием: «Чёрный лекар. Красное сладкое». Да ещё из любопытства перешиб этим «Лекарем» отличное коллекционное кьянти.

В середине июля меня осенило: я вдруг вспомнил, где видел самую лучшую первобытную Венеру. Прошлой осенью в городе Усть-Вишенске устроили фестиваль народных ремёсел, а меня позвали поработать в жюри. Фестиваль оказался так себе, второй свежести. За главный приз боролась фирма, выпускающая тuesки и солонки из бересты. С тuesками свирепо конкурировали

матрёшки, изображавшие спикера Госдумы и лидеров думских фракций.

Возглавлял жюри некто Переватюк, директор местного краеведческого музея. На любой вопрос Переватюк имел готовый убедительный ответ, иногда рифмованный. Дискутировал он беспронигрышно: «А вот я считаю, что на вкус и цвет товарища нет! Но это сугубо моё личное мнение...» О таких людях иногда говорят: «лысый, но с перхотью». Справедливости ради замечу, что лысым Переватюк не был, а носил такую волнистую чиновничью укладку с пробором и напоминал внешне актёра Мела Гибсона. Он сказал, что не отпустит меня из города, пока я своими глазами не увижу его краеведческие сокровища.

В музее на стенах висели домры с капроновыми струнами, чьи-то пыльные халаты золотого шитья и непоправимо жухлые почётные грамоты «За ударный труд». В тесном коротеньком переходе от феодализма к первым годам советской власти я и наткнулся на роскошную каменную бабу, очень похожую на Венеру из Виллендорфа, но гораздо крупнее, в полтора человеческих роста. Она затмевала собой весь музей. Вероятно, её просто некуда было приткнуть. Выпирающий раздвоенный лобок неприлично лоснился: видимо, его часто мыли, оттирая следы фломастеров и шариковых ручек – искусства томящихся школьников, которых учительки пригоняли сюда нестройными табунами.

В моём присутствии Переватюк строго спросил кого-то из персонала, когда «эту дуру», наконец, унесут в подвал, но ему логично ответили, что сторож на больничном.

После музея мне сказали, что в управлении культуры накрыт стол и люди ждут не дождутся. Но, когда приехали, стол был уже наполовину разорён, магнитофон издавал звуки, несовместимые с жизнью; слипшаяся публика, благоухая потом и водкой, пыталась танцевать ламбаду.

Переватюк наливал мне одну за другой, без пауз. Я говорил «достаточно». Он вытаскивал, как фокусник из рукава, рифмованные аргументы: «После пятой и шестой перерывчик небольшой!..» Тосты поднимал, конечно, за русскую культуру, которая не вся ещё распродана холуями ЦРУ.

Рядом с ним вертелось и громко ахало нечто, едва прикрытое шёлком и люреksom, из-под которых, как влажные длинные рыбины, то выпадали, то выпрыгивали груди какого-то несказанного размера. Жена музейного директора, кажется, ни на секунду не забывала о своих преимуществах и двигалась таким способом, чтобы эти гладкие, холёные преимущества, отпущенные в независимое плавание, смотрелись как можно выразительнее. На прощанье она мне жарко шепнула: «Люблю вас, Женя!» – перемазав помадой от уха до уха.

Прошлогодняя усть-вишенская визитка с телефоном Мела Гибсона нашлась в коробке с над-

писью «ХЗ» – туда я бросаю вещи, которыми не собираюсь пользоваться никогда, но пока не решил отправить на помойку.

Переватюк разговаривал радушно, даже игриво, острил и зазывал в гости. Я ответил, что, скорее всего, действительно приеду, потому что моего клиента интересует та самая «дура», которую собирались отнести в подвал.

Музейщик сориентировался моментально: резко сменил тон и принялся восторгаться каменной бабой, «уникальным произведением наших великих предков», из чего я сделал вывод, что он, не моргнув глазом, продаст мне экспонат, дело только в цене. Напоследок он сказал: «Жду! Порешаем вопрос обязательно».

Надо было ехать в Усть-Вишенск. Федюша от нетерпения сучил ножками и успел дважды напомнить о себе. Но я всё медлил, как будто оттягивал наступление чего-то необратимого. И мне хотелось наконец взяться за работу, которую я мысленно обозвал «Цветной воздух».

Я всю жизнь подозревал, что большую часть окружающего мира мы просто не видим. Ну, то есть вообще не воспринимаем обычными органами чувств. А потом мне понравились цифры, которые я нашёл в статье одного математика или физика, точно не помню. Он доказывает, что людям доступны для восприятия только пять или шесть процентов из всего, что нас окружает. А где находятся остальные девяносто четыре процента? Здесь же, перед моим носом –

здесь и везде. Мы таращимся, как слепые, сквозь них, мимо них. Но они точно присутствуют. И как, спрашивается, каким глазом или прибором можно заглянуть в эту грандиозную туманность?

Вот что я сделал. Я взял несколько фотографий, которые снял сам в разные годы и в разных местах. Из огромного количества выбрал те, что имеют для меня особую личную ценность. Например, осенний, чуть запылённый снимок тесного двора, где я родился, в маленьком провинциальном городе. Ещё один – вид с моста Понте Веккио на реку Арно и правый берег Флоренции, который я люблю больше левого.

Каждую из этих картинок с помощью несложной графической программы я превратил в трёхмерное изображение и положил на заранее подготовленный компьютерный макет, причём таким образом, чтобы фотография как бы «разбегалась» и тонировала его, занимая по объёму и насыщенности не более шести процентов от общего свободного пространства. Мне предстояло заполнить эту мнимую скрытную пустоту, словно географическую карту Земли, нарисованную до Колумба и Магеллана. Здесь не надо было особо умствовать – только отпустить на волю воображение, как охотничью собаку с поводка, довериться взгляду, обращённому внутрь, и своей уверенности: ничто никуда не исчезает. Я начал с очевидного – вернул в провинциальный советский дворик малорослого ушастого мальчи-

ка, стриженного «под чубчик», осознающего себя гадким утёнком и больше никем; а на Понте Веккио, нарядный, уже почти открыточный, – мясные лавки с протухающей на солнце убоиной и толстыми изумрудными мухами. Как только я это совершил, во двор пришла давным-давно умершая миловидная молочница с двумя жестяными бидонами, отчаянно крича: «Кому молока-а?» К мосту в сумерках подкралась женщина по имени Бьянка Капелло, бывшая тайная любовница простолюдина, а потом – самая знатная прелестница Тосканы, без пяти минут герцогиня: принесла мешочек с монетами, чтобы заплатить оптом за три убийства душегубу, которого сама наняла... Но это были, повторяю, самоочевидные, верхние слои. Зато чуть позже, переждав легионы печальных призраков, из темноты, как ископаемое зверьё, как тираннозавры и ящеры, полезли наружу такие ассоциации, такие кровеносные системы и золотиносные нарывы, что мне показалось: я схожу с ума.

Я выключил телефон и рисовал почти безотрывно больше семи часов. За окном брезжила то ли счастливая разгадка, то ли страхолюдное утро, когда я выпил два стакана вина, заел огрызком сыра и свалился в постель.

Четверо суток подряд я просыпался после полудня, тут же вскакивал, жалея время, потраченное на сон, и работал до следующего утра. Иногда заставлял себя отстраниться, как бы охладить взгляд посторонним прищуром. «Воздух»

получался офигительно красивым, даже с перелётом. На свой же скептический прищур я мог возразить только одно: что красиво, то и правильно.

Пятой или шестой ночью меня настигла зверская потребность хоть в чьём-то физическом присутствии, пусть и молчаливом. Я даже готов был плестись на тёмную улицу – кого-нибудь пригласить. Но в конце концов ограничился хождением по Интернету и забросил удочку на сайте знакомств: написал в анкете, что ищу собутыльника.

Удивительно быстро откликнулась какая-то странная девица, лет на десять меня моложе, видно, такая же потеряха, как я. Очень легко, непринуждённо дала согласие встретиться и попить вдвоём.

Как условились, в пятницу заехал за ней к концу рабочего дня. Думал, окажется бойкая, нагловатая малявка. Вижу: крупная, высокая блондинка, на полголовы меня выше, такой чудесный белый налив. Смущается и робеет, как восьмиклассница на деревенских танцах. Но в глазах готовность к вертикальному взлёту: влюбиться мгновенно и на всю жизнь.

Дома зачем-то стал ей показывать коллекционные вина. (Сейчас понимаю, что это могло выглядеть как дешёвые понты.) Не интересуется совершенно. А главное, даже не пытается сделать вид, что интересуется. Мне это понравилось. Полное отсутствие жеманства. Не щебе-

чет, не выпячивает ничего. Бывают «концертные» натуры – они каждую минуту своего присутствия превращают в шоу. Тебе остаётся только подыгрывать или, как зрителю, тупо ждать антракта. А есть такие – всё больше молчат, но к их молчанию хочется прислониться лбом или щекой. Вот она именно так молчала.

Когда стемнело, решили свет не включать, и около полуночи её разморило от вина: как сидела на самом краешке кровати, так и легла, не отрывая ноги от пола, и засопела по-детски. Пока она спала, я тихонько, чтобы не разбудить, пошёл в ванную, как нормальная домохозяйка устроил постирушку, постоял под душем и тоже прилёг.

В полтретьего, кажется, проснулся от её шагов – встала и бродит потерянно по темноте, в окрестностях кровати. Я говорю: «Иди ко мне, а то заблудишься!» Прилегла рядом осторожно-осторожно и лежит сосредоточенная, как Дюймовочка в норе у крота. Но скоро опять засопела, причём во сне доверчиво и требовательно закидывала на меня голое гладкое бедро, притискиваясь раскалённым низом. Так уютно и жарко мне ещё не спалось никогда.

А утром, ненакрашенная, прятала глаза, разбила что-то из посуды, четырежды извинилась и вообще не знала, куда себя девать. Отвёз её домой, район у чёрта на куличках. Только хотел назначить встречу на ближайшие дни, как слышу: «Ну, прощайте!» – и это был, пожалуй, един-

ственный пафосный момент, от которого у меня сильно ёкнуло пониже диафрагмы. Так и сказала: «Ну, прощайте!» То ли почувствовала, что не жилец, то ли не увидела в моём лице достойный повод для вертикального взлёта. Скорей всего, и то и другое.

Тем временем Федюша всё поторапливал – уже не только напрямую, но и боковым манёвром. В понедельник мне позвонил незнакомый человек и сказал наждачным голосом:

– День добрый! Я являюсь корреспондентом газеты «Городские ведомости». Мне поручено взять у вас интервью. В том смысле, что побеседовать о вашем жизненном и творческом пути...

Хорошо, что он не видел, как меня перекосило. Пусть я буду последний гад и мизантроп. Но, когда собеседник изъясняется в таком стиле: «о вашем жизненном и творческом пути», да ещё под соусом «я являюсь», возникает чувство, будто меня насильно кормят рвотным средством немедленного действия. Он наверняка и пишет в том же духе. В общем, золотое перо.

«Городские ведомости», насколько я знаю, – Федюшина карманная газета, насквозь партийная и заказная. И в том, откуда прилетело поручение, можно было не сомневаться.

Я горестно вздохнул и ответил, что дико занят, прямо вот катастрофически занят, даже некогда умыться и почистить зубы. Поэтому, в край-

нем случае, на самые срочные, животрепещущие вопросы попытаюсь ответить по телефону.

Он спросил, видимо, на автопилоте:

– Каким путём вы пришли к творчеству? Откуда? Что было источником вдохновения и, так сказать, школой жизни?

Я ответил, что школой жизни для меня, так сказать, были армия и флот. Особенно, так сказать, флот.

– Вы служили на корабле? – догадался корреспондент.

– Да, совершенно верно. Служил под Кандагаром, в специальной военно-морской части кандагарской флотилии.

Он заинтригованно молчал.

– Понимаете, когда тяжёлый авианесущий крейсер выходит во враждебный океанский простор, наши ребята не думают о героизме. Они думают о родных просторах, на которые посягают душманы и, так сказать, моджахеды... Извините, не могу, волнуясь. К сожалению, командованием частей особого назначения наложен строгий запрет на разглашение. Поэтому нельзя поведать обо всём, что вдохновляло. Но кое-что я вам всё-таки скажу. Когда взвод ракетных катеров идёт в атаку...

Говорил я минут двадцать. Он слушал так взволнованно, будто на его глазах совершался подвиг.

По окончании интервью мне хотелось хорошенько отхлестать себя по щекам. Но вмес-

то этого я оделся и поехал за билетом в железнодорожную кассу. Вернувшись, нашёл в Интернете адрес и телефон гостиницы «Заря», единственной в городе Усть-Вишенске, позвонил туда и забронировал на двое суток одноместный номер. Он стоил чуть дороже, чем скромная гостиничная комната в центре Лондона.

Когда я садился в такси, чтобы ехать на вокзал, меня окликнула бродяжка Надежда Викторовна свежим и трезвым голосом:

– Куда поехал? Москва-Кремль? Передавай привет президенту Ельцину!

Мне пришлось поставить её в известность, что у нас давно совсем другой президент, а Ельцин уже умер.

У Надежды Викторовны страшно искривилось лицо:

– Как же так?? – она была готова зарыдать.

Уже из такси я слышал, как утренний двор оглашается причитаниями: «Что ж это такое? Даже Ельцин умер!..»

Если бы меня спросили, где откровеннее всего явлена картина жизни в моей стране, я бы не задумываясь назвал провинциальные вокзалы, железную дорогу, поезда дальнего следования. Адский запах хлорки в туалете, влажное бельё мышинового цвета, клетчатые китайские сумки невыносимых габаритов: люди с такой покла-

жей одновременно похожи на беженцев и кустарей-спекулянтов, заведомо виноватых перед милицией и рэкетирами. В вагонном окне ползёт и пропадает невменяемо запущенная местность, погружённая в себя и совершенно ничья. Как после войны, где больше нечего терять.

На сиротливых полустанках вдоль вагонов бегали бабушки, предлагая пироги с луком и варёную картошку, закутанную в одеялки.

В одном купе со мной ехала молодая мамаша с дочкой лет пяти. Это могло быть вполне приятное соседство, если бы девочка хоть изредка закрывала рот. Всё, что она говорила, имело форму вопроса. Из неё вылетало примерно тридцать вопросов в минуту. «Мама, я устала?» – спрашивала девочка. «Конечно, ты устала!» – оставалось надеяться только на это. Но тут же следовало уточнение: «Мам, а я очень устала?» Если мать не отвечала, вопрос повторялся раз двадцать. Женщина поглядывала на меня с мукой и стыдом. Не то чтобы ей было стыдно за ребёнка – скорее она боялась, что я подумаю об её девочке плохо. Поэтому мне приходилось ободряюще улыбаться и строить добрые глаза. Хотя, если честно, впору было застрелиться: всю дорогу я не мог ни читать, ни спать. «Наш поезд скоро сломается? А после поезда мы ногами пойдем?» Они выходили за полчаса до Усть-Вишенка, и напоследок ещё прозвучал неплохой вопрос: «А моя попа хочет какать?»

Гостиница «Заря» нашлась в трёх шагах от вокзала.

Администраторша в чёрном костюме долго и торжественно вбивала одним пальцем в компьютер мои паспортные данные. Она дважды переспросила фамилию, поэтому я посоветовал ей заглянуть в паспорт, который она держала в руке.

Комната порадовала антикварной советской мебелью из ДСП и кроватью с панцирной сеткой, продавленной чуть не до пола. За полчаса, пока я пытался уснуть, позвонили из двух разных фирм с предложением интимных услуг. «У нас все девушки стройные и худенькие», – сказала одна из звонивших. Я пожелал девушкам поправляться и не грустить.

Первобытная Венера стояла в подвале музея, в обрамлении автомобильных покрышек, коробки от холодильника и каких-то пахучих промасленных тряпок. Но это нисколько не портило её убойной дикой прелести.

Переватюк, пока меня дожидался, видимо, неплохо подготовился к тому, чтобы «порешать вопрос». Если верить его словам, он провёл археологическую экспертизу с участием важного специалиста, который уверенно датировал статую началом четырнадцатого века.

Меня это впечатлило:

– Одновременно с «Божественной комедией».

Он не расслышал или не понял:

– В каком смысле «комедия»?

Я растолковал: наши предки тесали эту каменную бабу как раз в то самое время, когда в Италии Данте писал свою главную книгу.

Упоминание Данте директора явно задело, он сразу надулся и потускнел. Как будто сам факт существования Данте мог уронить достоинство наших великих предков или снизить стоимость экспоната.

Но уже через час в домашнем застолье Переватюк снова был похож на самого себя или на Мела Гибсона, победительного, как бронетранспортёр. Жена бегала на кухню и обратно, показательно виляла всем телом, расставляла салатницы, рюмки, принесла супницу с ухой, разливала её по тарелкам, изгибаясь и наклоняясь так, что я реально опасался, как бы она не ошпарила груди: как и в прошлый раз, они взлетали и выпрыгивали в самый центр внимания.

Я чувствовал, мне не хватит моральных сил, чтобы выслушивать рифмованные тосты в честь русской культуры, поэтому я сделал коммерчески озабоченную мину и тупо спросил о цене. Время поджимает, клиент торопится и хочет знать условия сделки.

Переватюк отвечал страшно многозначительно, будто сообщал по секрету результат сложнейших научных изысканий, которые привели наконец к теоретически обоснованной и практически доказанной сумме четырёхста тысяч.

– Четырёхста тысяч чего?

Он вдруг засмеялся как-то нервно:

– Рублей, конечно! Нам, знаете, ваши «зелёные» только на одно место налепить... У нас в народе говорят: «С рублём милый, с долларом – постылый!» А рубль, он и в Африке...

Я перебил:

– А у вас в народе официальный договор подписывают? Деньги учтённые, с налогообложением? Или втихую, в конверте.

Можно было и не спрашивать.

Он очень складно запел о простых людях, которым все эти формальности ни к чему. «Свой человек для своего человечка ничего не пожалеет, всю душу задаром отдаст». Потом началось длинное рассуждение о сердечной открытости наших граждан в отличие от бездушных западных, у которых одна только прибыль и выгода на уме.

Я смотрел на этого человека и думал: он очень удобно сидит, чтобы сейчас, например, вынуть мельхиоровый половник из супницы и ёбнуть ему этим половником по лбу. А потом, справедливости ради, и самому треснуться об стену головой.

Когда я собрался уходить, хозяйка в прямом смысле встала грудью, чтобы не выпустить меня из-за стола, пока я не отведаю жаркое или домашние пирожные. Выглядело это очень трогательно, однако я не поддался.

Назад в гостиницу шёл пешком, смотрел на пыльную листву и жёлтую штукатурку старых двухэтажных домов. Захолустный город мол-

ча, одним своим видом напоминал, что лето кончается.

Вернувшись в номер, скинул с себя одежду, лёг и сразу же очутился в подвале, где ровеснице Данте, первобытной Венере было стыдно и зябко стоять среди автомобильных покрышек и деловых, озабоченных мужчин.

Разбудил меня стук в дверь. Кое-как спросонья натянул джинсы и открыл: горничная спросила, не нужно ли убраться в комнате, а то ей пора уходить домой. Спасибо, не нужно.

Снова лёг, но минут через десять опять постучали.

Вспомнил, что забыл запереться, поэтому не стал выскакивать из-под одеяла, крикнул: «Кто там?»

Это была госпожа Переватюк, жена музейного директора, на сей раз в строгом жакете и густо напудренная.

– Уже спите? А я вам на ужин пирожные принесла. Лежите, не вставайте! Я не помешаю...

Вставать и правда было затруднительно, потому что вся моя одежда, включая трусы, висела на кресле в противоположном углу.

Гостья присела на край постели очень уютно, по-свойски, и я, наверно, стал похож на лежачего больного, которого пришли навестить.

Она помолчала, как будто мысленно репетировала вступление к заготовленной исповеди, но забыла текст и вдруг решила начать с конца:

– Женя! Увезите меня отсюда! Я вас умоляю, Женечка, заберите меня! Не могу здесь больше оставаться с этим чудовищем... Возьмите меня к себе! Женечка, я же знаю, что я вам нравлюсь. Я видела, как ты на меня смотрел... Ну, ты же сам всё видишь! Видишь??.

Ничего я уже не видел, потому что она в один момент расстегнулась и выложила мне прямо на лицо свои полновесные, влажные от пота сокровища. Постанывала, тёрлась грудями о мою трёхдневную щетину и закрытые глаза. Я лежал, как дурак, и молчал. Вероятно, в этом молчании ей почудилось восторженное согласие, и она заговорила совсем другим тоном, с ласковой хозяйской сварливостью:

– Вот вы такие все, кобели бесстыдные! Вам бы только это... Не цените нас, женский пол. Ладно уж, потерпи! Я сейчас быстро, только помоюсь.

Схватила сумочку и убежала в ванную. Слышно было, как судорожно раздевается, терзает волосы расчёской, но воду не включала. Я встал и оделся – почти машинально, с армейской чёткостью.

Она вышла вся белая, как сметана, коротенькими японскими шажками, чуть приседая, обняв себя за плечи, с торчащими над животом огромными розовыми сосками и таким же розовым лобком.

– Ты куда?!

– Сигареты надо купить. Дойду до киоска.

Тут она возлегла на постель, как одалиска, с неопикуемой томностью, закинув ногу на ногу, и приказала мне вдогонку:

– Шампанское, Жень, захвати!

Я вышел на улицу, добросовестно добрёл до киоска, купил пачку «Честерфилда» и двинулся в сторону вокзала.

Уже возле билетной кассы я обнаружил, что оставил в гостинице сумку с книгой и сменой белья. Но паспорт, бумажник и телефон были здесь, в пиджаке.

В привокзальном буфете мне продали сто грамм тёплой водки и стакан томатного сока. Потом ещё сто грамм.

С левой стороны вокзала открывался пустырь, примыкавший к железнодорожному тупику. Там я нашёл бетонный пенёк, присел и закурил.

Для полноты картины оставалось только позвонить Федюше. Телефон у меня почти разрядился, но я не собирался долго говорить.

– Хэллоу! – сказал мне третий заместитель председателя политсовета «Единственно Правильной Отчизны». – Есть новости?

– Новость одна. Я отказываюсь от заказа.

– А что? Какие-то затруднения?

– Ну, можно сказать, стилистические.

– Чего-о?? – Слышимость была неважная. – Политические?

– Хорошо, пусть будут политические.

Он молчал, наверно, с полминуты.

– Может, тебе моя партия не нравится?

Я честно удивился:

– А что там может нравиться?

– Ты это брось! Совсем страх потерял? Давай лучше вступай к нам.

– Зачем?

– ...А потом вместе выйдем, через год-два. Когда уже не надо будет.

На этих словах мой телефон выдохся, и партийный вопрос так и остался нерешённым. Всю обратную дорогу в людном плацкартном вагоне я проспал, как новорождённый.

Не помню точно, кто это сказал: времени всегда тратится ровно столько, сколько у тебя его есть. Раньше мне это казалось шуткой, теперь перестало казаться. Особенно когда счёт пошёл на недели и дни. Время можно пытаться растягивать, выворачивать наизнанку или сжимать. Можно его конвертировать в какую угодно валюту или просто разменивать на фантики неземной красоты. Но всё равно – потратишь без остатка. Никаких заначек или резервов, ни для кого.

Вечером 21 августа меня занесло в торговый центр «Капитан» – я туда хожу оплачивать коммунальные услуги через терминал, а потом иногда поднимаюсь на третий этаж в магазин «Видео-Шторм».

Мне вдруг сильно захотелось закупить сразу много фильмов – только не новых, а тех, ко-

торые давным-давно видел, и заново их посмотреть.

В этом «Шторме» среди полок, уходящих за горизонт, меня так укачало, что я в итоге набрал невыносимо пёструю пачку: «Нежную кожу» Трюффо, «Связь» братьев Вачовски, «Ганнибала» Ридли Скотта, «Охотника на оленей». Да, ещё позднего Стэнли Кубрика, Иоселиани, Гринуюэ. В общем, диковатый винегрет, который правильней было бы забыть возле кассы, изобразив рассеянность, но там случился любопытный эпизод.

Улыбчивая кассирша пробила чек и поздравила меня с тем, что, сделав покупку на такую-то сумму, я получил право на бесплатную консультацию астролога, хоть сейчас! Это у них такая акция – вот талончик. А сам астролог сидит на первом этаже, рядом со свежесожатыми соками. В другой день я бы сказал «огромное спасибо» и тут же с лёгким сердцем оставил где-нибудь этот талончик вместе с фильмами. Но 21 августа я, как полноценный обалдуй, попёрся на первый этаж к бесплатному астрологу, спрятанному за бархатной шторой, в тесной кабинке, между оранжевым прилавком с соками и кремовым бутиком дамского белья.

У меня возник запасной вариант: если за шторой обнаружится пылающая очами брюнетка с массивными перстнями, я без зазрения совести отверну в оранжевую сторону и выпью грушевый.

Но в кабинке за столиком сидел невзрачный юноша лет двадцати шести, гладко причёсанный, в сером костюмчике. Такой типичный ботаник, выражаясь школьным языком. Сидел, уткнувшись в экран ноутбука. Мой приход его не очень-то отвлек.

Парень предложил мне стул и запросил «выходные данные»: место, год, месяц, день и час рождения – всё с дежурной вежливостью, так и не отрываясь от экранчика. Это внушало доверие. По крайней мере он не щупал меня наглым, всезнающим взглядом доморощенного психотерапевта.

Когда компьютер выдал натальную карту (или как там у них называется эта круглая схема, перечёрканная цветными хордами и категорически острыми углами), астролог наконец заговорил. Он довольно складно изложил обстоятельства моей жизни за последние лет пятнадцать, даже угадал профессию, но я его прервал. Своё-то прошлое я как-нибудь сам предскажу, память пока не отшибло.

Он спросил раздражённо:

– Вам что, лишь бы на будущее?

– Мне лишь бы настоящее. Ближайшие дни.

Парень опять уткнулся в монитор. Вся складность улетучилась. Теперь он хмыкал, как технарь, нашедший полонку, и гундел себе под нос:

– Ну, тут у вас это... Вроде бы. Ну, в том смысле, что...

Он мрачнел буквально на глазах. Я ждал.

– Ну, в том смысле... Кардинальное что-то. Возможно, с медициной. Операция, типа?

– Да, – говорю.

– А какого числа?

– Двадцать седьмого.

И вот тут он заткнулся. Просто завис у экрана с вытянутым лицом, как будто язык проглотил.

Не знаю. Может, у этих астрологов вообще не принято клиентам плохие новости сообщать. Но молчал он очень конкретно.

Я попытался его приободрить: «Да ладно, говорите прямо, я ведь и так всё понимаю».

Он осторожно покашлял и кое-как выдавил из себя:

– В общем, это... Не хочу вас пугать. Но лучше бы это было не двадцать седьмого. Лучше в этот день не трогать ничего. Тогда, может, обойдётся.

Как говорится, и на том спасибо.

Оставалось идти пить грушевый сок. Или томатный.

23 августа по-честному дозвонился до клиники, чтобы напомнить о себе: я такой-то, собираюсь на днях приехать сдаваться.

Та же самая девушка снова задумчиво поцокала по клавишам – и вдруг начала многословно извиняться: «Очень сожалеем, что причинили неудобства! По независящим причинам... Вам операцию на двадцать восьмое перенесли. Так уж получилось! Двадцать седьмого только освобождается палата, и мы вас положим в стационар».

– Это безобразие, – говорю. – Я возмущён.

– Приезжайте после обеда! Не забудьте домашнюю одежду и деньги.

В тот же день я услышал по телефону от моей интернетовской Дюймовочки, что к следующей встрече она, так и быть, накрасится ради меня. Думаю, после слов: «Ну, прощайте!» – это уже явный прогресс.

27-го ближе к полудню я пошёл в татарский гастроном. Покупателей почти не было. У витрины с форелью во льду, шевеля губами, стояла бомжиха Надежда Викторовна и рассматривала рыбу, как музейный экспонат.

Я набрал продуктов больше обычного и, проходя мимо Надежды Викторовны, тихо сказал: «Есть важное дело». Она кивнула со значением и пошла вслед за мной.

По пути из гастронома Надежда Викторовна на всякий случай дважды заявила: «Я ведь не какая-нибудь там фитюлька!» Это я охотно подтвердил.

Когда мы пришли ко мне, я сказал Надежде Викторовне, что она остаётся здесь домохозяйничать. Вот деньги, вот еда. А сам я уеду, может быть, дня на три. Или, возможно, на долгие годы. Она вытаращила глаза, огляделась по сторонам и сказала сурово: «Тогда я буду мыть пол».

Меня положили в одну палату с человеком по фамилии Стечкин. Мы вместе выходили на больничное крыльцо покурить, и Стечкин рас-

сказывал, что живёт вдвоём с котом по имени Барселон. В домашних условиях, если никто не слышит, к нему ещё можно обратиться: Барсик. Но при людях, на улице – никакой фамильярности, только Барселон. Иначе кот сильно страдает неврастенией. У Стечкина правый глаз минус одиннадцать, а левый – совсем перестал видеть год назад. После долгих колебаний решено было оперировать левый. Стечкин пояснил: «Женщин давно не вижу, очень хочется посмотреть».

Он угостил меня малиной, которую, по его словам, выращивает дома на балконе, чтобы порадовать кота.

Вечером неожиданно позвонила Дюймовочка:

– Как ты, жив ещё? Я собиралась погадать на тебя, но боюсь.

– Давай я сам погадаю. Только ты меня научи.

– Ты там, наверно, не сумеешь. Надо свечи и зеркала. А окно у тебя там есть? Ты просто подойди к окну и выгляни. Что первое увидишь, то и будет. Я так в детстве гадала.

– Уже выглядываю. Здесь одни деревья и веска банка «Русский кредит».

– О! Как интересно.

– Ничего интересного. Сейчас буду пытаться уснуть. Завтра обещают поднять в шесть часов.

Но Стечкин заснуть мне не дал: он храпел так, будто участвовал в вулканическом процессе. На месте Барселона я бы тоже страдал неврастенией.

В шесть утра включили свет и объявили по радио, что оперируемым запрещается завтракать и даже пить, а сами операции начнутся в девять. «Тогда какого хера будить в шесть?» – спросил Стечкин и вернулся к вулканическому процессу.

Мне возвращаться было не к чему, поэтому я пошёл на улицу курить. Там ещё было темно, светилась лишь неоновая вывеска банка. К концу второй сигареты мне пришли на память дивные стихи, четыре строчки, читанные в студенческом возрасте. Тогда они мне показались чересчур высокопарными: «Были очи острее точимой косы – по зегзице в зенице и по капле росы». Как там дальше? Вспомнить надо было позарез. А, вот: «И едва научились они во весь рост различать одинокое множество звёзд». Человек, который это написал, мог уже ничего не бояться. Точнее говоря, потому и написал, что не боялся ничего.

В полдевятого я застиг себя раздевающимся на глазах у странной кастелянши. Она принесла белую полотняную рубашу, белые штаны, белые бахилы с завязками, белую шапочку, встала напротив и принялась разглядывать меня. Оказалось, её томили сердечные истории. Пока я надевал рубашу и безразмерные штаны задом наперёд, потом снимал и заново их натягивал, она успела рассказать о своём первом возлюбленном, который пел ей под гитару, что на нейтральной полосе цветы необычайной красоты. Меня почти докончили непарные

куцые завязки на бахилах, когда речь зашла о родной племяннице кастелянши. Смысл сообщения сводился к тому, что ближайшая подруга младшей сестры её второго мужа однажды была в Риме!

– Вы представляете?!

– Ну, представляю. Я тоже был в Риме.

– Вот!! Я так и чувствовала, что мы родственные души!

Спать хотелось сильнее, чем жить. Спотыкаясь, наступая на завязки и теряя бахилы, я чувствовал себя плохо экипированным детсадовцем. Но операционный стол с маленькой подушкой в изголовье мне понравился. Здесь никто не храпел и ничто не предвещало дурного. Поэтому я прикорнул и уже готов был вздремнуть. Как вдруг сзади на меня вероломно накинулись сразу двое – судя по голосам, мужчина и женщина. Действовали стремительно, в четыре руки: марлевый кляп на лицо, справа – наручник-манжетка, слева – игла убойной длины. Пока мужская пясть упиралась в мой лоб, как в столешницу, женские пальцы уже ставили распорку между век. Эта преступная парочка неплохо спелась, прямо Бонни и Клайд.

Я лежал и думал: ведь были очи острее точимой косы. Клайд с остервенением тыкал мне в глаз чем-то вроде тупого карандаша, но я довольно отчётливо видел заплаканное небо и дрожащие размытые звёзды, одинокое множество, да.

У этих двоих всё же случилась рискованная заминка. Клайд внезапно отлип от моего лба и крикнул напарнице очень грубо: «Ты что мне даёшь? Я просил Бэ-два!» – «Ой, – сказала Бонни, – извините». – «Быстрее! Давление видишь??» Через полминуты он снова навалился на меня, ещё немного потыкал и выдохнул: «Всё».

Следы нападения убрали мгновенно, заклеили глаз пластырем и посадили жертву на кресло-каталку. Медсестра, которая довезла меня до палаты, предупредила: «Три часа лежать. Только на спине!»

Я вытерпел ровно девяносто минут, потом встал, плавно прогулялся до лифта, спустился вниз и вышел на крыльцо. От сигареты меня слегка повело, я переждал головокружение на свежем воздухе и вернулся в палату.

Вскоре привезли Стечкина, тоже заклеенного пластырем, он скоропостижно уснул, но уже не храпел, а возмущённо стонал. Тогда я принял вылазку в больничный буфет. Это место покорило меня растворимым кофе и холодной куриной сосиской. Кажется, за всю жизнь я не едал ничего вкусней.

Часам к пяти пополудни всех заклеенных позвали в процедурный кабинет. В коридоре выстроилась очередь одноглазых. Я заглянул в приоткрытую дверь: медсестра сдирала пластыри одним лихим рывком, будто мстила кому-то или желала сорвать маску со всей мировой лжи.

Я покинул очередь и взялся раздевать глаз самостоятельно. Хорошо, что я делал это медленно и наедине с собой. Потому что счастье, я заметил, вещь труднопереносимая, иногда отнимающая рассудок, чувство дистанции, даже лицо. Но ничем иным, кроме как бешеным счастьем, я не назову эту голубизну воздуха, прошитого электрическим золотом, которое обожгло мне хрусталик, эту роскошь светопреломления, а главное – резкость, полузабытую алмазную резкость любой мелочи: транзитной ворсинки на рукаве, дёрганой секундной стрелки или пятнышка раздавленной малины, порочащей больничную простыню.

Это был цветной воздух. Пусть даже он скрывал те пресловутые девяносто четыре процента, прямо давая понять: не твоё собачье дело, тебе это видеть нельзя! Но зато легальные шесть процентов ужасали, счастливили, охорашивались и блистали всей своей неполнотой.

На скамейке возле крыльца сидел Стечкин с унылым пластырем на глазу. Я спросил, почему бы не снять. Стечкин встрепенулся: «Уже можно?» – почесал бровь, ещё с минуту поковырялся и вдруг заорал: «Ого!! Вот это женщина!»

Я обернулся: шагах в пяти, на краю аллеи стояла Дюймовочка на высоченных каблуках и неловко улыбалась.

Она сказала:

– Привет. Хорошо выглядишь! А мне казалось, ты лежишь весь в гипсе и в бинтах.

ЦВЕТНОЙ ВОЗДУХ

– Спасибо, уже не лежу. Как ты меня разыскала?

– Пришлось уйти с работы пораньше. Я тут, через дорогу, в «Русском кредите». Ты правильно погадал.

– Ничего себе гадание! Я думал, это был намёк, что придётся мне каким-то кредитом или деньгами заниматься. Значит, получается, не деньгами, а тобой? Если ты не будешь возражать.

Тут она посмотрела на меня с такой радиоактивной нежностью, ради которой уж точно стоило дожить до этих безнадежно взрослых лет. И ответила:

– Я не буду возражать.

История третья

ОСТРОЕ ЧУВСТВО СУББОТЫ

День добрый. Я являюсь корреспондентом газеты «Городские ведомости». А раньше я долгое время являлся сотрудником редакции «Областные огни». Мне нравится моя работа, несмотря на то что платят за неё очень мало.

Лучше всего у меня получается брать интервью – особенно у знаменитых людей. Для этого нужно быть проницательным и глубоким психологом, иначе собеседник не захочет раскрыть тебе свою знаменитую душу. Правда, встречаются наглые, избалованные персоны, для которых интервью служит только способом покрасоваться перед публикой. Я бы не стал с ними общаться, если бы этого не требовал мой шеф.

Совсем недавно я беседовал с одним модным дизайнером, который пытался произвести на меня эффектное впечатление хвастливым рассказом о своей службе в военно-морских силах.

Я как можно точнее записал его слова и срочно отдал текст интервью главному редактору. Даже сверхсрочно, потому что это было приказание господина Федюшина, владельца «Городских ведомостей». Не знаю, что именно его не устроило в моей работе, но, по словам редактора, господин Федюшин, когда прочитал интервью, безо всяких объяснений порвал его на куски и швырнул в мусорную корзину. А меня лишили премии, не говоря уже про гонорар.

Журналистам вообще свойственно остроумничать по любому поводу. Но я не одобряю своих коллег, когда они за глаза называют босса Федюшей. Я даже сделал замечание нашей корректорше Даше Рукенглаз. Она мне в ответ посоветовала прочесть поэта Бродского, который выражался в том смысле, что свобода – это когда не помнишь отчество начальника. А по-моему, это панибратство и неуважение к человеку, который является крупной личностью. Не Бродский является, а Федюшин, я имею в виду, Геннадий Ильич. Хотя и Бродский, наверно, тоже.

С Геннадием Ильичом был связан один случай, который очень заметно повлиял на меня и мою текущую жизнь. В каком-то смысле даже судьбоносно повлиял. Я до сих пор никому не признавался, а теперь вот хочу рассказать.

Помню, тот день начался мелкой неприятностью. Утром я испортил приличные брюки, в которых хожу на работу: по рассеянности уселся

на жвачку, прилепленную к кухонному табурету моим сыном Алёшей. Липкую резинку мне отчистить удалось, но сзади на тёмной ткани осталось белёсое пятно. (Есть ещё брюки от костюма, но они уже некрасиво лоснятся, а других выходящих брюк у меня нет.) Вынужден был идти на работу с пятном и стараться поменьше поворачиваться к окружающим людям спиной.

Я тогда ещё не подозревал, что сразу после обеда меня вызовет к себе поговорить (впервые!) сам Федюшин. Не просто поговорить, а попросить у меня помощи в жизненно важном вопросе. Он – у меня!..

За мной в редакцию прислали чёрный «мерседес», чтобы отвезти в офис Геннадия Ильича. Мчались как на пожар, иногда по встречной полосе, обгоняя поток машин. Но затем в приёмной потребовалось ждать минут тридцать. Там сидела секретарша с очень эффектной внешностью – не хуже, чем у героини оперетты, и она отвечала на все звонки, что господин Федюшин отъехал, а вернётся только к концу дня. Через полчаса он вышел, не глядя пожал мне руку и впустил в кабинет.

Усадил меня за стеклянный столик возле камина – как гостя, а не как подчинённого. Кофе с конфетами совсем не хотелось, но отказаться я не смог. Было настолько приятно ощущать себя нужным и желанным человеком для такой персоны, как Федюшин, что я не сразу вник в тему разговора.

Геннадий Ильич был совсем не в духе. Он с полуслова начал ругать какого-то Вадика, назвав его засранцем не менее трёх раз. При этом глядел на меня вопросительно, как будто ждал моральной поддержки. Я невольно кивнул, но он нахмурился ещё сильнее.

Постепенно выяснилось, что Вадик – родной сын господина Федюшина, девятнадцатилетний изнеженный олух, которому отец ни разу ни в чём не отказывал, даже купил на день рождения новенький «ауди кабриолет». И теперь этот ребёночек преподнес родителям сюрприз, который не сравнишь с мелкими пакостями моего сына Алёши, вроде жевательной резинки на штанах. Вадик увлёкся нюханьем кокаина. А месяц назад у него заметили следы уколов на левой руке.

В настоящее время Вадик сидит под домашним арестом и целыми днями с кем-то шепчется по телефону. Он объявил отцу и матери, что завязывать не собирается, потому что «герыч – это круто». Геннадий Ильич понимает, что надо безотлагательно действовать, но пока не знает – как. Нашим наркологическим больницам он не доверяет, а посылать сына лечиться за границей, считает, рискованно: совсем выйдет из-под контроля.

Встретиться со мной господин Федюшин захотел по той причине, что прочитал в газете интервью, которое я взял у архиепископа Лаврентия. Тот рассказывал, как церковь спасает молодёжь, помогает ей избегать дьявольских искушений, и упомянул один случай, когда мо-

нахи Святоозёрского мужского монастыря взяли к себе в качестве послушника юношу-наркомана, чтобы его перевоспитать в строгости и чистоте. Этот маленький монастырь запрятан в непроходимой глуши, вокруг на сотни километров только болота и леса, условия там суровейшие, и новичку, если и вздумается, никак не сбежать.

После того интервью мы остались в хороших отношениях с владыкой Лаврентием. Он запомнил меня, иногда приглашал к себе и общался довольно непринуждённо, мог даже в моём присутствии ругнуться: «Хрен знает...» – но сразу же поправлялся: «Прости, Господи!»

Геннадий Ильич усмотрел в истории с монастырём спасительную подсказку, однако сам не решился обратиться за помощью к святым отцам, потому что в прошлом году, несмотря на просьбу епархии, отказался пожертвовать деньги на реконструкцию Ипатьевской часовни. Теперь ему неудобно из-за этого, и он надеется на моё ходатайство как на последний шанс.

Конечно, я обещал как можно скорее позвонить архиепископу, а потом доложить результат. Геннадий Ильич вдруг поднялся из-за стола, и я чуть не уронил чашку с недопитым кофе – мне пришлось тоже быстро встать, чтобы не сидеть перед ним, стоящим.

Он сказал:

– Если надо, звони в любое время суток. Очень рассчитываю на тебя. Я в долгу не останусь!..

И после рукопожатия выразительно так повторил:

– В долгу не останусь.

Меня отвезли на том же чёрном «мерседесе» назад в редакцию. В коридоре я встретил главного редактора, который уже весь чесался от желания разузнать, по какому делу меня вызывал Геннадий Ильич. Я ответил, что дело сугубо личное, и редактор взглянул на меня с неприязнью.

Звонить с мобильного я не стал – разговор мог получиться длинный, а у меня на счету оставалось только двадцать семь рублей. Уединиться с телефоном в шумной общей комнате тоже было невозможно. Я спустился на первый этаж и попросил разрешения у вахтёра позвонить из его тёмной клетушки, где трудно было дышать из-за какого-то странного махорочного запаха. Набирая номер, я так волновался, как будто в эти минуты решалась моя личная судьба. Равнодушные длинные гудки пугали. А вдруг он уехал или настолько занят, что ему совершенно не до меня?

Но телефонные боги сжалились, и мне ответили из епархии дружелюбным голосом и очень скоро соединили с владыкой Лаврентием, который тоже заговорил приветливо и тепло. Он очень быстро уловил суть вопроса, а потом сказал, что сегодня же поручит Веронике Адамовне, своей помощнице и пресс-секретарю, связаться

напрямую с настоятелем монастыря, после чего она даст мне знать, как поступать дальше.

Впоследствии я неоднократно спрашивал себя: что же меня заставляло так волноваться, исполняя просьбу господина Федюшина? Ведь, говоря по совести, меньше всего я тревожился за судьбу засранца Вадика, которого собирался спасти. Может, мне хотелось угодить и понравиться боссу – выслужиться перед ним? Это тоже вряд ли. Я по натуре человек самолюбивый и гордый. Тогда почему? Не исключено, что свою роль сыграло глубокое личное предчувствие... К тому же я не вижу ничего постыдного в том, чтобы понравиться и угодить такой заметной, можно сказать, федеральной величине, как Геннадий Ильич.

Между прочим, когда я говорю «сыграло свою роль» или «судьбоносно повлиял», то сразу вспоминаю журналиста Диму Пинаева, который на праздновании моего дня рождения, желая то ли восхвалить меня, то ли унижить перед коллегами, сказал с поднятой рюмкой: «За здоровье нашего гения банальности!» Это я, значит, «гений банальности», а Дима Пинаев в майке с надписью: «Всегда Соса-Cola!», автор рубрики «О людях хороших», – весь такой оригинальный.

По дороге домой в вагоне метро я увидел сумасшедшего. Маленький некрасивый мужчина сидел, положив на колени компьютерную кла-

виатуру, и что-то печатал на ней с лихорадочной быстротой, как будто боялся не успеть. Это был не ноутбук, не портативное устройство, а стандартная пластмассовая клавиатура серого цвета – отдельная, без всего. Конец соединительного шнура был засунут в карман такой же серой засаленной куртки.

Время от времени мужчина застывал, раздумывал, поднимал глаза над густой толпой пассажиров, страдальчески морщил лицо. Могло показаться, что текст, который он так мучительно рождает, напрямую отправляется – по шнуру через особое карманное отверстие – назад, в организм автора, и этот круговорот может продолжаться без конца.

Дома ко мне пристал сын Алёша с вечной жалобой: у него старый, отстойный мобильник, а у всех одноклассников новые смартфоны. Я спросил, сколько стоит новый смартфон, он назвал сумму, близкую к моей месячной зарплате. Вместо того чтобы просто ответить: «Дорого» – я припомнил Алёше и неважные оценки в школе, и жевательную резинку на моих брюках, и то, что свои телефонные деньги он тратит на отправку SMS с целью получить какую-нибудь глупую картинку или рингтон. В результате у всех испортилось настроение, в том числе у жены Ларисы, поэтому ужинали в полном молчанье.

Лариса, кстати, во всех случаях принимает сторону Алёши и с удовольствием обижается

каждый раз, когда я его упрекну. Наверно, если бы Алёша затребовал, чтоб ему купили «ауди кабриолет», а я возразил, она бы тоже на меня обиделась. Спорить бесполезно. Лариса работает воспитательницей в детском саду: ей виднее, как надо обращаться с детьми.

Вероника Адамовна позвонила в конце недели и сообщила, что вопрос с монастырём решён положительно – уже в понедельник нужно будет привезти юношу на Гореловский кордон, к часовне, которую открыли недавно при неврологической больнице. Там Вероника Адамовна с машиной будет нас ждать в десять утра.

Господин Федюшин разрешил мне звонить в любое время суток. Когда я набрал номер его мобильного, был вечер пятницы. Геннадий Ильич сначала не узнал меня, с раздражением переспрашивал: «Кто это? Кто?!» В трубке слышался гул большого застолья. Наконец он понял, о чём речь, и приказал мне ждать в редакции звонка от его жены.

Все уже ушли, а я просидел на работе почти до полуночи – спасибо, что не до утра.

Жена господина Федюшина объявилась без четверти двенадцать и сразу же стала на меня кричать. Она кричала с красивым украинским акцентом, зычно и невнятно, мне удалось различить только обрывки фраз. Что-то о кесаревом сечении, что мальчик до пяти месяцев не держал головку, а в школе его даже Пётр Агее-

вич два раза похвалил, а тут расплодился в стране наркоту, и журналисты всё чернят и врут, лишь бы деньги высасывать из людей.

Потом успокоилась немного и спросила, какие вещи и продукты захватить с собой. Я ответил наобум, что много везти не надо, желательно взять тёплую одежду и непромокаемую обувь.

Рано утром в понедельник я ждал на крыльце у входа в редакцию, глядя на дождь. «Ягуар» серебристого цвета слишком резко затормозил и обрызгал меня водой из лужи. Пухлая, ярко накрашенная дама, приспустив стекло, крикнула уже знакомым зычным голосом: «Чего стоишь? Поехали!» Я поторопился залезть в машину, подгоняемый дождём, хотя мне была неприятна собственная суетливость.

Федюшина сидела впереди, почти такая же плечистая и мощная, как водитель, который нас вёз, а я – позади, рядом с Вадиком. Он забыл поздороваться, но презрительно осмотрел меня с головы до ног. Наверно, в глазах этого разодетого недоросля выглядел я убого, даже нищенски – он принимал меня за обслугу. В то же время ему, кажется, был нужен восхищённый зритель. Чуть ли не каждую минуту Вадик задирал выше рукав белой аляски и бросал многозначительный взгляд на часы, демонстрируя свой золочёный хронометр с крокодиловым ремешком.

Когда мы добрались до Гореловского кордона, дождь приумолк. В назначенном месте нас встре-

тила Вероника Адамовна, на вид усталая домохозяйка в офисном костюме, и позвала госпожу Федюшину поговорить наедине, по душам. Мы с Вадиком и водителем остались ждать в машине.

В отсутствие матери Вадик оживился, поёрзал и снисходительно спросил:

– «Феррари» знаешь?

Я промолчал, только пожал плечами. Он ужаснулся:

– «Феррари» не знаешь?!!

Его как будто прорвало. На меня посыпались «майбахи» и «ламборгини», «транс», «трип», «улёт» и рулетка в Монте-Карло. Потом он снова обнажил запястье с часами:

– Видел?

– Ну, видел. И что?

– Знаешь, сколько стоят? – Он пошарил вокруг себя глазами, ища показательный пример. – Дороже, чем весь ты!

Так и сказал: «весь ты», хотя, наверно, имел в виду то, что на мне было надето.

Я ответил:

– Мне всё это неинтересно. И ты сам тоже неинтересен. Потому что ты, Вадик, не человек, а мешок с дерьмом. Хорошо упакованный мешок. И, кроме дерьма, в тебе ничего нету.

В машине стало страшно тихо. Мне показалось, что водитель, больше похожий не на водителя, а на бойца спецназа, сейчас достанет пистолет и расстреляет меня в упор. Но его бетонный затылок даже не шелохнулся.

В это время вернулась госпожа Федюшина, вся мрачная, с красными пятнами на скулах, и мы тронулись вслед за Вероникой Адамовной – тёмно-серый «УАЗ Патриот» шёл впереди, показывая дорогу.

За городом дождь усилился. Местность, где мы остановились спустя три с половиной часа, показалась мне какой-то мышинной дырой. Дороги больше не было, вместо неё грунтовая, глинистая проплешина среди мёртвой чащи, упдающей в бурелом. Ещё с полчаса мы стояли под дождём, глядя на этот безнадёжный пейзаж, пока из леса не вышли две мужские фигуры в брезентовых накидках, из-под которых виднелись чёрные рясы наподобие мокрых длинных юбок.

Вероника Адамовна заглянула в салон «ягуара» и сухо сказала: «Вадим, бери свои вещи. Пора идти». Мы все вышли из машины. Водитель открыл багажник и подал Вадиду две массивные сумки, в то время как мать пыталась подсунуть ему зонт.

...Мы смотрели в спины этой странной компании, уходящей в лес: два длиннополых монаха с тяжёлыми сумками и Вадик с женским зонтом, в белоснежной спортивной одежде.

Когда я обернулся, «ягуар» уже отъезжал.

Меня окликнула Вероника Адамовна, предложив подвезти в город. По пути она сказала, будто отвечая на чей-то вопрос:

– Ничего, привыкнет. Куда он денется? Если только мать сама не заберёт..

Я спросил, каким путём доставляют в монастырь продукты и всё необходимое – так же, через лес?

– Нет, главная дорога по воде, через озеро. Это с другой стороны.

Во вторник редактор с растерянным лицом сам принёс мне телефонную трубку: «С тобой опять хочет босс говорить!»

Федюшин неуверенно поздоровался и назвал себя, будто я мог его не узнать. Просто удивительно, как он запинаясь и с каким смущением выбирал слова.

Главное, что я услышал: теперь он по гроб жизни обязан мне – я спас его единственного сына, и он, Геннадий Ильич, уже очень скоро найдёт способ меня достойно отблагодарить. Вот только немного освободится от проклятых дел и специально приедет в редакцию.

Я не знал, что сказать, поэтому сказал: «Спасибо».

Кому-то может показаться, что разговор с этим могущественным человеком, одним из самых богатых в нашей стране, подарил мне новые надежды или заставил чего-то с нетерпением ждать. Нетерпения точно не было. Но, по правде говоря, и надежда, и кое-какие ожидания в тот день появились – не буду скрывать.

Я был ещё под впечатлением этого разговора, когда Алёша, дождавшись моего возвраще-

ния домой, вручил мне принесённое из школы письмо, в котором строго напоминалось, что, согласно решению родительского комитета, не позже чем в недельный срок нужно сдать в школу двенадцать тысяч рублей. В том числе пять тысяч на ремонт кабинета обществознания, столько же на проведение праздника «Школьные годы чудесные!» и две тысячи – на цветы для Инны Захаровны Стриж. Я спросил, кто такая Инна Захаровна, но Алёша затруднился ответить. Жена Лариса вдруг пожаловалась, что лично ей никто никогда не дарил цветов сразу на две тысячи рублей. Я считаю, она это не к месту сказала.

К сожалению, наши отношения с женой в последнее время стали похожи на частично затонувший корабль, который не может полностью утонуть просто из-за того, что сидит на мели. Мы почти не разговариваем друг с другом – только обмениваемся короткими дежурными репликами на бытовые темы. О том, что с апреля не заплачено за электричество, что в магазине «Пятёрочка» растворимый кофе дешевле на сорок шесть рублей или что в этот раз прислали подозрительно большой телефонный счёт.

Раньше мы охотно общались на любые темы, даже спорили иногда о политике. Лариса, например, по разным поводам восклицала: «Да что ж это у нас за страна такая ненормальная?!» Я ей тогда отвечал, что страна у нас, в общем, нор-

мальная, но с очень сложной, зато и великой историей. У Ларисы это вызывало только раздражение и сарказм. По её словам, она предпочла бы что-нибудь менее великое, но более человеческое и удобное для жизни.

Ещё не так давно мы с Ларисой были, можно сказать, пылкими возлюбленными. Мы то ревновали и ссорились, то устраивали счастливые безумства в самые неподходящие моменты. Потом это как-то само собой кончилось, и мне стало казаться, что сильные чувства из наших семейных отношений ушли – надо привыкать жить спокойно и разумно, как большинство взрослых людей.

И тем острее меня поразила инцидент с вазой, случившийся в конце весны. Эту вазу из простого, бесцветного стекла я купил после того, как Лариса в очередной раз заметила, что ей некуда ставить цветы на высоких стеблях, которые дарят на дни рождения или восьмые марта. Даже не знаю, что мою жену больше порадовало: новая ваза или охапка белых хризантем, не приуроченных ни к какому специальному дню. А в мае, воскресным утром, делая уборку, Лариса уронила вазу, и она раскололась на четыре или пять острых длинных кусков. Алёша даже закричал: «О-о, круто! Как кинжалы!»

А Лариса ушла на кухню плакать. И она там рыдала так долго, отчаянно и безнадежно, как будто вместе с копеечной вазой разбилась и по-

гибла вся её жизнь. И я просто не знал, как утешить, не находил уместных слов, кроме обещания купить другую вазу.

В середине августа праздновали десятилетний юбилей газеты: начальство пригласило на вечер в ресторан «Шехерезада» самых крупных и щедрых рекламодателей, и нам, сотрудникам, сказали прийти по-семейному, со вторыми половинами. Мы с Ларисой на такие мероприятия выбираемся редко, и, возможно, поэтому она так волновалась, придумывая, как уложить волосы и что надеть. Выбрала, наконец, тёмно-синее платье в стиле ретро, не новое, но зато самое милое; завила волосы крупными локонами и заколола назад и вверх. Я видел, какое внимание обращали на неё мужчины, как заигрывали с ней, приглашали танцевать, и она всем отвечала мягкой стеснительной улыбкой.

И вот там, в ресторане, на фоне застолья, пиджаков с отливом и вечерних платьев со стразами, я совсем по-другому, со стороны увидел свою жену. Я заметил в ней хроническую, как заболевание, невыносимую для моих глаз **приниженность**. Конечно, я ничего такого ей не сказал. Мне легче откусить себе язык, чем сказать ей вслух, что она, моя Лариса, была одета беднее других и вела себя так, будто каждый из присутствующих достойней и лучше, чем она. Но именно это я увидел. И именно это вогнало меня в состояние вины. А ещё я понял, что по своей воле

никогда не уйду от Ларисы, не смогу покинуть её – даже если она будет ко мне относиться холоднее, чем сейчас.

На следующее утро, после того как Геннадий Ильич произнёс по телефону слова: «по гроб жизни обязан» и «найду способ достойно отблагодарить» – я проснулся с удивительно счастливым предчувствием.

Так случается, хоть и очень редко: в какой-нибудь тусклый, неприглядный вторник вдруг возникает острое чувство субботы. И тогда кажется, что этим чувством все прочие дни, прожитые бездарно и безрадостно, могут быть оправданны и спасены.

Каждый вторник у нас в редакции устраивают планёрки, где объявляют что-нибудь неприятное. В этот раз главный редактор сказал, что публикации в нашей газете стали чересчур благостными, не хватает смелости и остроты. В крайнем случае, немного жареного тоже не повредит. Здесь он со значением посмотрел на меня, как будто я теперь умею проникать в такие сферы, откуда к нам просачивается всё самое острое.

– Но только давайте не доходить до абсурда! – сказал редактор и с выражением посмотрел на Дашу Рукенглаз. – Я думаю, вы помните, что имеется в виду.

Ещё бы мы не помнили. После того как отменили порог явки избирателей, в одном недалё-

ком посёлке проходили муниципальные выборы. Никто из тамошних жителей, ни один человек не явился голосовать. Зато явился надоевший всем кандидат в депутаты (фамилию не помню) и привёл с собой пьющего тестя. Этих двух голосов хватило для того, чтобы выборы признали состоявшимися. Победил гражданин, который вдвоём с тестем голосовал за самого себя: он стал депутатом поселковой думы и заодно главой сельсовета.

По такому случаю Даша Рукенглаз написала коротенькую, сдержанную по тону заметку с несдержанным названием «Издёвка над выборами». Наш бывший редактор эту заметку подписал в печать – и очень скоро стал бывшим. Больше всего ему ставили в вину именно этот заголовок: что за намёк? чья конкретно издёвка имеется в виду? Может, со стороны властей? На Даше Рукенглаз как на журналистке поставили крест и перевели её в корректоры.

После планёрки я начал усиленно вспоминать самые «жареные» темы новостей и не вспомнил ничего, кроме недавнего судебного процесса по делу нефтяного олигарха М. Ходорковского. Потом я припомнил, что на днях Лариса говорила мне о своём знакомстве с одной молодой бабушкой, которая водила внучку в Ларисин детский сад. Симпатичная женщина по фамилии Нахимова оказалась женой Валерия Нахимова, известного тем, что он лично прово-

дил аукцион, где была продана компания «ЮКОС». Поговаривали, что аукциониста привезли на торги чуть ли не со специальной, усиленной охраной.

Я предложил редактору сделать интервью с Нахимовым, и он пришёл от этой идеи в восторг. Его радовало то, что публикация будет на острую тему, в то же время без оппозиционных тонов: лояльность главного героя вне подозрений. Редактор улыбался и подмигивал мне так, что можно было заподозрить нервный тик.

Когда я связался с госпожой Нахимовой, она сказала, что её супруг в отъезде, вернётся не скоро, но, если нужно, сама готова ответить на вопросы интервью, поскольку она в курсе мужниных дел, и на тот громкий аукцион они ездили вдвоём. И тогда я подумал, что это будет даже интересней – откровенный рассказ от лица женщины, бытовые и житейские подробности вместо финансово-юридических.

Она пригласила меня к себе домой, и мы сидели на её просторной кухне под сиреневым абажуром. Не знаю, как так получилось, что из двухчасового разговора с этой прелестной женщиной я вынес только одно слово: «страх». Ей было понятно, что готовятся не обычные торги, а какое-то неординарное событие, в котором её супругу предстоит сыграть особую роль. Было страшно отпускать его одного, и потому она категорически заявила, что поедет с ним.

Мелькало предчувствие, что с этого дня карьера её блестящего и без того успешного мужа взлетает на государственный уровень, но сильнее таких предчувствий был необъяснимый, буквально опрокидывающий страх не вернуться домой.

Я почти не исправлял текст интервью, только подсократил до нужного объёма, оставил на рассмотрение своему начальству и поехал в редакцию гламурного журнала “Beauty of Beauty”, где мне назначило встречу другое начальство. Журналу требовались внештатные авторы, а я искал дополнительный заработок, потому что, как я уже говорил, газета платит мало да ещё часто задерживает гонорар.

Пока ждал шеф-редактора “Beauty of Beauty”, мне удалось расслышать несколько очень специальных кулуарных бесед, из которых я мало что понял, но две фразы поразили моё воображение. Девочка в кратчайшем платице, похожем на мужскую майку, в тяжелых спецназовских ботинках и кружевных прозрачных чулках чуть выше колен сказала с огромной горечью: «Ты пойми, сегодня зарплата четыре тысячи долларов – это жопа!» Другая, более взрослая сотрудница в строгом купальном костюме, надетом поверх офисного, внушала кому-то по телефону: «Волосы в этом сезоне должны быть не перфёктными. Если не веришь, можешь у Оксаны спросить».

Шеф-редакторша подарила мне пластмассовую ручку с логотипом журнала и поручила написать пробный рекламный текст о салоне дамского белья «Бельэтаж». Я спросил, есть ли какие-то пожелания или требования к тексту. Она ответила довольно туманно, что писать нужно очень лирично, но главное – вписаться в стилистический формат.

Я уехал назад в свою редакцию и после окончания рабочего дня больше полутора часов вымучивал из себя оду нижнему белью. Начиналась она так:

«Выбор подарка для любимой – непростое дело. Подарок должен быть утонченным и романтичным, напоминать о весне в ваших чувствах, даже если за окном поздняя осень. Именно таким подарком может стать бельё, представленное в салоне “Бельэтаж”».

А заканчивалась так:

«Чтобы потрясти воображение и угодить той единственной, которой заняты все ваши мысли, посетите салон “Бельэтаж” – он не обманет ожиданий!»

Домой приехал поздно, уставший, но в чудесном настроении, как у именинника. За ужином Лариса рассказала, что её директриса едет с мужем отдыхать на египетский курорт. Неожиданно для самого себя я сказал: «Почему бы и нам не поехать туда попозже?»

Вместо ответа Лариса посмотрела на меня с горестным недоумением: она совсем не виде-

ла хороших перспектив. А я их видел, хотя в реальности мы пока наблюдали только задержку зарплаты, которую главбух объясняла тем, что господин Федюшин отбыл в командировку за границу, а финансисты в его отсутствие не могут подписать какой-то документ. Но ведь Геннадий Ильич уже скоро приедет! А я, признаюсь, готов был ждать и подольше, чтобы продлить это волнующее предвкушение подарка судьбы.

Видя моё лёгкое настроение, сын Алёша встрял в разговор и напомнил о новом телефоне, без которого он просто не может жить. И здесь я тоже позволил себе намекнуть на скорое будущее, пусть и без указания сроков.

По вине Алёши вдруг вспомнил, что, когда мне было десять или одиннадцать лет, я погубил от желания стать обладателем игры под названием «Хоккей настольный» из магазина «Культтовары». В мире не было ничего заманчивей и прекраснее, чем эта алюминиевая коробка, изображающая ледовое поле, с тесными прорезями и штырьками: на них насаживали плоские сгорбленные фигурки хоккеистов, чтобы гонять рычажками взад-вперёд. Уже не помню, у кого я видел это сокровище, возможно, у мальчиков из нашего двора, но такие счастливыцы в природе существовали. Отец приходил в синей заношенной спецовке со своего механического завода, и я каждый вечер выма-

ливал у него настольный хоккей. Он то сразу отвечал отказом, то спрашивал о цене и впадал в хмурую задумчивость. Игра стоила двенадцать рублей. Как я сейчас понимаю, за такие деньги отец мог полмесяца обедать в заводской столовой. Наконец, мне было отказано окончательно, и моя светлая спортивная мечта угасла.

В то время мы жили уже не с мамой, а с тётёй Надей Середой.

Мама исчезала как-то постепенно. Сначала она долго болела дома, потом её увезли в больницу, а из разговора отца с кем-то взрослым я узнал, что её разрезали и тут же зашили, обнаружив запущенный рак. Насколько мне известно, отец не навещал маму в больнице – он как будто сразу её мысленно похоронил. Но вот что я не могу разгадать: почему я, девятилетний, сам не порывался навестить больную, не просил отца отвезти меня туда, где она лежала? В конце концов, не поехал на трамвае самовольно в отдалённый район, в тот онкологический диспансер, а продолжал гулять в пределах разрешённого мне двора. Никогда я этого не пойму и не прощу себе. После материнной смерти отец привёл домой тётю Надю, которая прожила у нас два года и запомнилась тем, что научила меня пришивать пуговицы к рубашке, а перед уходом сказала отцу: «Ты клоп».

Ещё я вспомнил, как однажды в День города мы гуляли с Алёшей и Ларисой по центру и по

набережной. Алёша, которому шёл тогда седьмой год, нашёл на тротуаре некрупную купюру, почувствовал себя богатым и захотел немедленно раскошелиться. Он застревал у каждого прилавка с сувенирами, долго размышлял, сомневался, уходил с сожалением, пока не прилип накрепко к лотку со статуэтками из пластика и стекла. Сначала он купил себе черепашку-ниндзя, истратив половину суммы. Потом осведомился у матери, что ей нравится больше всего. Лариса ответила: «Вот эта птичка». Тогда Алёша попросил нас отойти в сторонку и не подглядывать, что он будет покупать.

От лотка он ушёл с блаженным и загадочным лицом. По пути домой предупредил Ларису: «Я там кое-что купил... Но смотреть пока нельзя, даже не проси! Придётся подождать!» И, хотя она молчала, он через пять минут строго сказал: «Наберись терпения! После увидишь!» Лариса предложила положить мешочек с его покупками к ней в сумку, он возразил: «Ты хочешь тихонько подсмотреть? Тебе не терпится? Всё равно жди!» Когда мы переходили через мост, поднял свой мешочек над водой и пригрозил: «Вот я сейчас уроню в речку, и вы никогда не узнаете, что там было!» Лариса, подыгрывая ему, упрашивала не бросать мешочек в воду. Он сжалился, но ещё раз десять повторил: «Терпи, скоро узнаешь, надо подождать!» И уточнил на всякий случай: «А тебе правда понравилась эта птичка?..»

Кончилось тем, что, вручая статуэтку, Алёша выронил её и вдребезги разбил.

В следующий понедельник главный редактор позвал меня в кабинет и сообщил, что интервью, которое я взял у госпожи Нахимовой, газета печатать не будет. На мой вопрос: «Почему?» он сказал: «Сам подумай» – и постучал средним пальцем по виску.

После обеда я позвонил в журнал “Beauty of Beauty” и спросил, получена ли моя статья о салоне «Бельэтаж». Да, статья получена, хорошая статья, но журнал не сможет её напечатать. На мой вопрос: «Почему?» мне было отвечено, что я вообще не вписываюсь в их стилистический формат.

К вечеру я зачем-то ввязался в разговор Димы Пинаева и Даши Рукенглаз о литературе. Сначала всё было достаточно невинно: Дима, разбирая читательскую почту, заметил, что в газету стали присылать слишком много самиздата. Он имел в виду книжечки или брошюры, которые авторы-непрофессионалы выпускают за свой счёт. Самиздат можно легко узнать по дилетантскому оформлению обложки, крошечному тиражу и чаще всего наивному содержанию. Даша говорила: «Тебе жалко, что ли? Человек напечатал за свои деньги и раздал двести экземпляров знакомым и друзьям». Дима ругался: «Нет, графоману этого мало. Он ещё в газеты посылает, чтоб его публично расхвалили!»

Потом сменили тему и заговорили о Набокове. Даша только что прочитала раннюю повесть «Волшебник», с которой начиналась «Лолита», – и там, и там страсть взрослого мужчины к двенадцатилетней девочке. Я неосторожно спросил: «Может, у него идея фикс такая была? Или вообще мания вроде педофилии?»

Они меня одарили презрительными взглядами и вернулись к роскоши человеческого общения, причём в таком тоне, будто я уже ушёл. Да, мол, бывают несчастные маленькие люди, которые судят о шедеврах со своих плинтусных позиций. Дима ещё пошутил, блеснув эрудицией: Беатриче тоже, наверно, жертва педофилии – в неё поэт влюбился, когда ей было восемь или девять лет.

Во вторник я проснулся очень рано, вышел на кухню и увидел Ларису, которая сидела в уголке, отвернувшись лицом к окну. Глаза у неё были на мокром месте. Ответа на вопрос: «Что случилось?» я добиться не смог. Только сильнее заплакала, и сквозь тяжёлые всхлипы до меня донеслось признание, что любви больше нет, и ничего больше нет, и уже ничего не будет. Я попробовал напоить её чаем, но она сказала: «При чём здесь чай?»

На работе мне сказали, что перед моим приходом звонила секретарша господина Федюшина и уведомила: Геннадий Ильич сегодня во второй половине дня заедет в редакцию – конкрет-

но ко мне. Кое-кого эта новость почти шокировала, коллеги смотрели на меня с научным интересом.

Ближе к середине дня нам наконец выдали зарплату, и, дождавшись обеденного перерыва, я пошёл в салон связи купить смартфон. Юноша-консультант попытался меня запутать словами «андроид» и «симбиан», но я попросил показать самое лучшее из того, что у них имеется. Денег мне хватило впритык.

Потом я позвонил с работы сыну Алёше и спросил, нравится ли ему такая-то модель (название прочёл на коробке). Алёша со знанием дела пояснил, что смартфоны – теперь уже полный отстой, а настоящая крутизна – это айфон.

По случаю ожидаемого визита высокого гостя главный редактор приказал сделать в кабинетах и в коридоре сверхплановую уборку.

В три часа дня Федюшин ещё не приехал.

Не появился он и в четыре часа.

До этого дня я не разрешал себе фантазий на тему: что такое благодарность олигарха в конкретном, материальном выражении. Ну, если быть честным с самим собой... Буквально крошки от его щедрот мне хватило бы выше головы! Ведь когда у человека столько мучительных бытовых проблем, столько прорех во всём, выручила бы даже очень скромная денежная помощь. Но он-то сказал «по гроб жизни обязан» и «достойно отблагодарю»!.. Нет, я даже не мечтал, допустим, о возможности сменить нашу микро-

скопическую квартирку – это было бы слишком жирно. Но, может быть, удастся всей семьёй поехать отдохнуть на тёплое море, ведь не были ещё нигде.

Без пятнадцати пять кто-то сказал: «Едет».

Сначала в коридоре прозвучали весомые шаги охранников. Потом наша редакционная комната в один момент опустела, и я остался сидеть у своего стола, в нелепой, кажется, и неудобной позе.

Федюшин вошёл, догоняемый редактором и его секретаршей, не глядя пожал мне руку, нам тут же принесли две чашки кофе и ушли, оставив один на один.

Мы пили кофе не дольше трёх минут, в течение которых Геннадий Ильич как-то очень громко и возвышенно говорил о взаимопомощи и пожизненной человеческой благодарности, но я был как пьяный, и в голове не задержалось почти ничего. Помню только, что он вертел в руках свёрток размером с небольшую книжку, в подарочной бумаге с блёстками. И, уходя, вручил мне, добавив пару слов об «истинных ценностях» и «самом дорогом».

Потом я пошёл в туалет, пошатываясь, а когда заперся в кабинке, обнаружил у себя в руках этот свёрток вроде книги, содрал три слоя золотой, металлизированной бумаги, под ней и была книга, вернее сказать, то, что старательно книгой

притворяется, авторский самиздат, печатное бессмертие за свой счёт.

Надпись на обложке: «Геннадий Федюшин. Мои афоризмы».

Крупным шрифтом на первой странице: «Жизнь – как крутая дорога, у неё свои ухабы и кардоны, которые надо прошагать, чтобы не было мучительно больно!»

Пролистнул страниц двадцать: «Кто с бабами не спит, тот болван и всё проспит!»

Я аккуратно положил афоризмы в мусорный бак и вышел из кабинки.

Слева от умывальника в запылённом окне можно было видеть, как очень худая чёрно-сизая птица, поменьше вороны, гуляет по карнизу, погружённая в себя. Я не знал, как она называется, и она сама, наверно, этого не знала. Захотелось выйти скорее на воздух – тоже выбрать для гулянья какой-нибудь карниз.

В сквере имени пионеров-героев один из подростков, пьющих на скамье пиво, крикнул мне в спину: «Мужик, дай закурить!» – и напомнил о Вадике, спрятанном в Святоозёрском монастыре.

Зимой, перед Новым годом я повстречаю в продуктовом магазине Веронику Адамовну, спрошу про Вадика, а она воскликнет: «Вы что, не знаете? Его уже похоронили». И расскажет: после двух месяцев разлуки с сыном госпожа Федюшина приехала к нему на свидание, ужаснулась тому, что вместо приличной уборной её мальчик хо-

дит во двор, в холодную дощатую будку, и по этой причине увезла Вадика домой. А ещё через три месяца он умер от передозировки героина. Врачи не смогли откачать.

В переполненном вагоне метро мне опять попался на глаза тот маленький некрасивый мужчина с компьютерной клавиатурой на коленях. Он всё так же со страшной быстротой стучал по клавишам, при этом таинственно улыбался. Я бы много дал, чтобы узнать, что он там печатает. Плохо одетый, явно нездоровый психически, он очень заметно выделялся в однообразной толпе. Даже не знаю, уродство это или счастье? Многие люди чуть не полжизни тратят на то, чтобы отличаться от всех, хоть на полсантиметра выдвинуться из людской массы, а этот, неказистый, из неё прямо торчит.

Я смотрел на своё отражение в тёмных вагонных стёклах и видел, что почти неотличим от сидящих и стоящих вокруг. Если бы моё лицо не было мне так знакомо, я бы, может, вообще не обратил на него внимания.

Но всё это не вызывало обиды и ощущения беспросветности. Наоборот, здесь просвечивала подсказка, что моя единственная жизнь, пусть незаметная, заурядная, муравьиная, принадлежит только мне. А ничего другого у каждого из нас просто нет – ни у кого.

Когда поезд разогнался между станциями, в беспощадном стальном грохоте, стиснутый в толпе,

Игорь Сахновский

я с любопытством и опаской заглядывал в себя, обшаривал своё нутро, как чёрный ящик, как полузаброшенный, мертвеющий улей, и мне отвечало – тоненьким горячим уколом – острое чувство субботы. Оно никуда не ушло.

ЧЕМ ЛАТАЮТ ЧЁРНЫЕ ДЫРЫ

18 августа

Сегодня был невероятно удачный и выгодный день – всего за 360 рублей я купил компьютер с гладкими крупными кнопками на двух языках! Его очень удобно носить с собой в полиэтиленовой сумке для продуктов и вынимать, когда нужно напечатать срочную мысль. Сначала меня беспокоило то, что провод не втыкается ни в какую розетку, а волочится за клавишами вроде хвоста, приходилось упихивать его в карман, но потом я просто отстриг его ножницами для ногтей.

Если кто-нибудь думает, что вместе с компьютером я купил широкоэкранный телевизор, как поступают недалёкие люди, которым деньги некуда девать, то он глубоко ошибается! Мне абсолютно не требуется экран для работы на компьютере, а хватает силы воображения и моего внутреннего взора, чтобы совершать творческий акт.

Игорь Сахновский

Начать я решил с ключевых и наиболее весомых жизненных документов, которые долгие годы пылятся в шифоньере у меня дома в единственном рукописном экземпляре и по этой причине малозаметны широкой общественности. А ведь в них удивительно правдиво показаны этапы моей неравной борьбы со злом на основе точнейших расчётов и метких наблюдений в различных областях.

Теперь-то я смогу с ненадёжных бумаг перенести документы моей жизни в компьютер и, если получится, может быть, даже во всемирный, международный Интернет.

Сейчас мне надо срочно принять настойку боярышника, а завтра уже приступаю.

19 августа

Приступаю.

В суд Кировского района
от одиноко проживающего
пенсионера по инвалидности
2-й группы по общему заболеванию
(пенсия 702 руб. 92 коп. в месяц)
Леденцова Родиона Аскольдовича
с ул. Чекистов, 21, кв. 56

ИСКОВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

19 января 1993 г. я заключил договор купли-продажи принадлежащей мне двухкомнатной

квартиры на условиях пожизненного содержания меня акционерным обществом «Задущевность», расположенным на ул. Мамина-Сибиряка, 147, этаж 11, кабинет 1003.

До дефолта 17 августа 1998 г. ежемесячные выплаты мне производились обществом «Задущевность» согласно статье 4.2 договора, то есть индексировались благодаря процессу инфляции, осуществляемой по данным Госкомстата РФ и газеты «Областные огни».

После 17 августа 1998 г. моё финансовое положение, а следовательно, и условия жизни резко ухудшились, за что ответственности я нести не могу.

За три месяца дефолта – с 17 августа по 17 ноября 1998 г. – инфляция в РФ составила 70%. Благодаря этому выплаты мне должны были увеличиться до 259 руб. 00 коп. Я же получал с августа 1998 г. по январь 1999 г. 170 руб. Только в январе 1999 г. мне прибавили 20 руб., и я стал получать 190 руб. 00 коп., что явно не соответствовало индексации инфляционных процессов.

Между тем инфляция по Российской Федерации и области продолжалась в следующем темпе: в 1999 г. – 36%, в 2000 г. – 24%, в 2001 г. – 22%, а с января по май 2002 г. – около 10%, по моим независимым наблюдениям и по данным Облстатуправления, опубликованным в печати.

В эти исторические годы мои ежемесячные выплаты увеличивались от случая к случаю и в настоящее время составляют 430 руб. 00 коп., в то

время как благодаря инфляционным процессам, протекавшим за это время, я должен получать по 636 руб. 56 коп. А ежемесячная недоплата по 259 руб. (с августа 1998 г. по май 2002 г.) составила глобальную сумму 10 360 руб.

К другим возмутительным претензиям могу прибавить не всегда добросовестное отношение сотрудников «Задюшевности» к моему домашнему имуществу, что будет добавочно изложено в «Автобиографии меня», которую я намерен создать.

Кстати, согласно комментарию к статье 604, «Задюшевность» обязана поддерживать санитарное состояние квартиры в надлежащем виде, что, по моим объективным данным, не имело места.

Профилактические визиты врача, согласно пункту 4.4 нашего договора, не совершались ни разу, как и юридические консультации, обещанные в рекламе «Задюшевности», опубликованной в газете «Областные огни».

И наконец, пункт 4.6 договора о кремации и захоронении меня после смерти возле моей матери. При наличии букета заболеваний моя безвременная кончина, к сожалению, может наступить в любую минуту или даже секунду.

Каким образом будет выполнен пункт 4.6, если на кладбище нет нумерации могил, а «Задюшевность» за 9 с половиной лет ни разу не поинтересовалась, где дислоцирована точка моего захоронения?

Ненадлежащее исполнение обязательств, взятых на себя «Задумшевностью», халатная и наплевательская индексация инфляционных процессов, ухудшение условий жизни не по моей вине, что выразилось в неполном и некачественном питании, привели к частичным явлениям дистрофии межклеточного вещества моего организма и гастроэнтерологическим заболеваниям, а также к необходимости диетического питания, что затруднено долговременным ремонтом мясного отдела в гастрономе № 14 и хамским отношением персонала указанного гастронома.

Пользуясь случаем, добавлю, что исчезновение из продажи спиртовой настойки боярышника в аптечном киоске, дислоцированном на пересечении улиц Июньской и Советской, позади чебуречной, прямо нарушает мои права как гражданина и добросовестного потребителя. А услуги более дальних аптек выливаются мне в копеечку, поскольку вынуждают лишний раз прибегать к общественному транспорту.

Встаёт вопрос. Почему, проживая в квартире, стоимость которой оценивается в 1 миллион рублей благодаря риелторскому справочнику недвижимости, я должен влачить полуголодное существование в ожидании полной дистрофии межклеточного вещества?

Опираясь на вышеизложенное и статью 599 РФ, прошу расторгнуть мои обоюдные отноше-

ния с «Задумшевностью» без выплаты неустойки с моей стороны, а также возместить финансовые, в том числе моральные, утраты, понесённые мною с августа 1998 г. по настоящее время жизни.

Прошу также освободить меня от уплаты госпошлины, так как моя пенсия на сегодняшний день составляет 702 руб. 92 коп., что меньше областного прожиточного уровня пенсионера по инвалидности.

20 августа

Первая половина дня была посвящена страданиям в связи с невралгическим недугом правой части торса, которые я сумел победить спиртовой настойкой боярышника и силой воли, дающей о себе знать.

Дальнейшая прогулка по микрорайону, включая близлежащие торговые точки, привела меня к плодотворной мысли создать федеральное секретное бюро расследований (ФСБР) в память о неподкупных Неуловимых Мстителях, для чего понадобятся горячее сердце, чистые руки и холодный разум. Всё это у меня есть.

Подозреваемый номер один вошёл в поле моего зрения у киоска с мороженым, где он готовил развратные действия по статье 135 УК РФ в отношении жертв женского пола младшего школьного возраста. Прямо на моих глазах он цинично угостил мороженым поочерёдно

двух девочек, которые взяли эту коварную наживку, но сумели вовремя убежать. Это случилось в 15:35. В целях конспирации мне пришлось купить и себе мороженое в вафельном стаканчике ценой в 11 руб.

В связи с острой нехваткой опытных кадров руководство особо важными расследованиями решено было поручить мне. Я осознаю всю опасность моей новой миссии. Но назад пути нет.

21 августа

Сегодня я повстречал женщину своей мечты. Она была в светлых струящихся одеждах из натуральных тканей, со стройными ногами в босоножках и с короткой стрижкой прекрасных каштановых волос.

Глубокое внутреннее чутьё подсказало, что женщину, скорей всего, зовут Эвелина. Живёт она, по данным оперативного наблюдения, в этом же микрорайоне, что, безусловно, облегчит наши будущие встречи в целях обоюдной личной жизни.

Вечернее время посвятил творческой поездке на метро.

Игорь Сахновский

22 августа

Продолжаю документальную работу.

Генеральному директору ЗАО «Задушевность»

гр. Н.Л. Азорову

от клиента «Задушевности»

с девятилетним стажем

гр. Р.А. Леденцова,

одинокو проживающего по адресу:

ул. Чекистов, 21, кв. 56

ЗАЯВЛЕНИЕ

Волею судеб социальный работник Нина Тимуровна мне знакома с конца прошлого века (1993 г.). Поначалу никаких нареканий с моей стороны в её адрес не звучало. Но настал момент, когда при мытье полов на кухне «лентяйкой» Нина Тимуровна погнула левую переднюю ножку у газовой плиты. А позднее в несколько этапов повредила дверцу тумбочки в прихожей.

Вышеозначенную тумбочку позже отремонтировал гр. М. Ахметов, временно приходящий, внебрачный муж Галины Логиновой из квартиры 58. Разумеется, за мой счёт.

Затем частично пострадала стиральная доска, и видно, что очень скоро дело дойдёт до ножек обеденного стола в большой комнате и зеркального трюмо.

С трудом верится, что всё это случайность. Случайности, если их набирается несколько, со-

гласно теории, выдают закономерность, продуманную линию. Это линия поведения с нездоровым, зависимым пенсионером по инвалидности 2-й группы по общему заболеванию. За которого некому вступиться.

Зимой текущего года я передавал свои возмущительные претензии Светлане Георгиевне, которая обещала поговорить с Ниной Тимуровной. Но никаких изменений в положительную сторону до сих пор не произошло.

Сумма ущерба, к счастью, терпимая, однако Нина Тимуровна и стирает не по инструкции! Хотя инструкция, написанная разборчиво химическим карандашом, у меня есть, и я видел, что Нина Тимуровна видела её.

Встаёт вопрос. Почему должны страдать мои интересы, и кто эти интересы защитит?

8.IV.2002 г.

P. S.

Забыл сообщить, что 3 апреля Нина Тимуровна при глажении белья цинично уронила электрический утюг. Уронила случайно или бросила его с умыслом? Сейчас уже трудно доказать. Но не многовато ли случайностей в единицу времени? И почему эти случайности всегда не в пользу меня?

23 августа

Сегодня я не зря направил свои стопы в магазин «Народные продукты», потому что там, в молочном отделе, Судьба вновь повстречала со мной Эвелину. Она была в лёгких струящихся одеждах, кажется, импортного производства и с глубоким вниманием изучала пищевой ассортимент.

Само собой разумеется, что я не мог оторвать от Эвелины прочувствованный взор и вскоре наметанным глазом выявил кое-что из ряда вон. Камеры слежения за нарушителями в магазине отсутствовали, но зато в нём присутствовал опытный руководящий сотрудник ФСБР в лице меня.

Прикрытием послужил стеллаж для фасованных морепродуктов с истёкшим сроком годности. Наблюдение показало, что Эвелина вовсю полдничает питьевыми йогуртами (отвинчивала крышечки поочерёдно с трёх разных бутылок, отпивала и ставила назад) вприкуску с глазированным сырком.

На кассе она предъявила только пакетик с лавровым листом и покинула торговую точку. Я незаметно последовал за ней. Мне всё глубже открывалась тайна этой женщины. Чувствовалось, что её Судьба теперь в моих руках.

Эвелина шла в сторону пятиэтажного дома на ул. Июньской. Её стройные ноги были обуты в тапочки, типа домашних. Нескромный ветер теребил распущенные светлые волосы.

Мы почти одновременно зашли в подъезд. Немного отстав, я поднимался по лестнице за ней следом. На третьем этаже она остановилась у квартиры № 31 и вынула из сумки ключ. В целях конспирации я дошёл до четвёртого этажа и успел пронаблюдать, как она вошла к себе, но в эту минуту из двери напротив выглянула соседка в бигудях и крикнула: «Танюш! Зайди, кое-что покажу! Обалдеешь...» Эвелина ответила: «Счас» и направилась к бигудям.

Дверь № 31 осталась приоткрытой. Непреодолимое чувство долга заставило меня спуститься этажом ниже и войти в квартиру Эвелины.

Что я могу сказать? Санитарное состояние жилища отнюдь не порадовало. В глаза бросались невымытый пол, разобранная постель, беспорядок имущества. Предметы женского туалета вызывающе лежали на виду.

В целях дальнейшей конспирации пришлось удалиться на балкон. Вид с балкона хороший, грех жаловаться, зелень и свежий воздух. Долго не хотелось уходить.

Когда вернулся в комнату, Эвелина была уже дома, раздевшись, в одних трикотажных трусах голубоватого цвета. У неё была ангельская фигура кисти Рафаэля, но грудь выглядела довольно развратно.

Она страшно удивилась моему явлению, поэтому закричала: «Ты кто такой?! Хули ты здесь делаешь??!!»

Игорь Сахновский

Я осознал, что она пока не готова начать новую личную жизнь. Поэтому загадочно сказал: «До встречи, дорогая!», устремляясь на выход. Она ответила: «Ничего себе! Интересное кино...» – и я уловил в её голосе горячий женский интерес к личности меня.

Вечерние часы посвятил эмоциональному переживанию событий.

24 августа

Ещё один весомый документ из прошлого, которое мы не вправе забывать.

В суд Кировского района
от одиноко проживающего
пенсионера по инвалидности
2-й группы по общему заболеванию
Леденцова Родиона Аскольдовича
с ул. Чекистов, 21, кв. 56

ЗАЯВЛЕНИЕ

В субботу утром 10 июня, принеся домой пищевые продукты, я поставил на плиту эмалированную кастрюлю отварить сосиски и, дожидаясь готовности еды, выпил в лечебных целях 150 граммов настойки боярышника.

Погода стояла жаркая, безветренная, и меня сморило, за что ответственности я нести не могу.

Так как две ночи подряд я не спал по причине глубоких эмоциональных переживаний, то задремал за письменным столом.

Очнулся от сильного, угрожающего стука в дверь квартиры. Сперва я выключил газовую плиту. Сосиски закоптились, подгорели, но, к счастью, формы не потеряли. Не скрою, на кухне был чад. Затем, осторожно приближаясь к входной двери, я спросил, кто стучит и почему с таким остервенением, ведь недолго и дверь сломать.

Мне никто не ответил. Я сказал, что газ уже выключен, причин для беспокойства нет. Дверь стали дёргать ещё сильнее. По звуку определил, что ручку оторвали совсем.

Глазок в моей двери отсутствует, не видно, кто рвётся в квартиру, а неизвестным я открывать не обязан.

Неопознанный мужской голос, причём сомнительной трезвости, заорал: «Сгорим на хер! Давай открывай!» Спрашивается: кому и ради чего? Опасный форс-мажор позади. Кто не верит, пусть вызовет пожарную команду.

Но тут неизвестные взломали дверь, и на мою законную жилплощадь ворвался Борис Капустин, сосед из квартиры № 54, а с ним, предположительно, бывший сожитель его жены Тамары Андреевны, оба с пьяными угрозами.

Я был возмущён, реагировал сурово и адекватно. Дал понять: придётся отвечать за сломанную дверь. Налицо вторжение, порча имущества, приступаю звонить в милицию.

Но позвонить мне не дали. Предположительный сожитель Тамары Андреевны допустил рукоприкладство. Оно выразилось в грубом задне-стороннем пинке, по причине которого я упал. Поскольку пинок вызвал мой законный протест, меня взяли за ноги и стали таскать по прихожей.

В отместку я достал молоток и в чём был (а был я одет в одни только домашние штаны) вышел на лестничную площадку и пригрозил, что, если нападающие не отремонтируют сломанную дверь, я расшибу двери у соседей из квартиры № 55, так как посчитал, что мою дверь сломали именно они.

Соседка из кв. № 55 Роза Шукуляева, возможно, сообща с Тамарой Андреевной из кв. № 54 вызвала скорую. Так я оказался во втором отделении больницы № 29 с синяками и ссадинами – явными следами задне-стороннего пинка и насильственного таскания меня по прихожей.

Встаёт вопрос. На каком основании человека, пострадавшего от хулиганов, помещают в психушку? С января 1993 года гражданин РФ может быть помещён в психиатрическую лечебницу только по разрешению суда, или по просьбе родственников, или на основании письменного заявления самого гражданина.

О поведении моих соседей следует иметь в виду, что они постоянно заливают мои потолки. Девятнадцать месяцев назад сосед из квартиры

№ 59 в процессе водных процедур повредил потолок настолько, что фрагмент штукатурки рухнул мне на голову. Могла быть травма, несовместимая с умственным процессом.

А ригельный замок на входной двери в подъезде? По указу мэра города ригель можно ставить, только если все соседи согласны на это, так как создаётся опасность для жизни одиноко проживающих инвалидов и пенсионеров. В нашем подъезде 6 человек были за ригель, а 7 – против. Ригель, однако же, поставили. Тем самым была поставлена под вопрос моя жизнь. При моём букете заболеваний в случае гипертонического криза или смерти от инсульта я бы даже не смог спуститься на первый этаж открыть дверь медикам!

Прошу обязать соседей Шукуляевых, Капустиных, Измодёновых оплатить мне расходы по ремонту двери, а также компенсировать причинённый моральный ущерб в связи с моим избиением и доставкой меня в психлечебницу без личного согласия, так как на основании статей 32 и 33 я имею право отказаться от медицинского вмешательства.

10. VII. 2004 г.

P. S. Две недели в больнице мне давали хлорпротиксен. Спасибо медицинским работникам за бесплатное снотворное – оно могло вылиться мне в копеечку! Но зачем был нужен сонапакс,

Игорь Сахновский

который повредил мне стул? Диагноз от меня скрыли, я так и не узнал цели врачей. Что, в свою очередь, тоже является вопиющим нарушением «Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан».

25 августа

Час назад мне удалось включить телевизионный приёмник «Рубин», который отказывался включаться с февраля 1992 года. Сегодня изображение почти отсутствовало, но слышимость была хорошей. Благодаря этому я прослушал познавательную передачу о чёрных дырах во Вселенной, которая впечатлила меня до глубины души.

Немедленно встал вопрос. Какие средства нужны, чтобы заделать эти ужасающие дыры? Чем их латают? Не жалко отдать годы жизни, чтобы ответить на этот вопрос.

26 августа

Третьи сутки не вижу Эвелину!.. Разлука печалит и тяготит.

Двухчасовое наружное наблюдение ландшафта не позволило выявить мою пессию ни в складках местности, ни даже в молочном отделе «Народных продуктов». Был душевный порыв навесить Эвелину по месту жительства в кв. № 31, но я разумно стерпел. Чувствую, что её готовность вступить в новую личную жизнь пока не созрела.

Кстати, из печатных источников, заслуживающих доверия, мне известно, что с помощью компьютера теперь можно общаться как захочешь – вплоть до интимной близости! Это называется «виртуальный секс». Я до сих пор ни разу не применял такой современный способ, но имею полное право попробовать. Предаваться виртуальному сексу, насколько я знаю, законодательством РФ не запрещено. Поэтому, скорее всего, предамся в ближайшие дни! Втайне надеюсь, что Эвелина не выразит мне отрицательный протест.

Сейчас меня отвлёт беспрецедентный случай в холодильнике.

Не далее как вчера вечером, перед сном, мною была оставлена вскрытая, но недоеденная консерва «Ставрида в собственном соку». В нижней части холодильника, ровно треть банки. Намечалось доесть в обед следующего дня. Но сегодня банка найдена пугающе пустая – ни малейшей ставриды, только собственный сок!.. Или среди ночи кто-то проник в квартиру, или же к моему букету болезней прибавился прожорливый лунатизм.

Такое заболевание может явиться разорительным. У меня нет столько средств, чтобы питать свой организм и днём, и ночью!

Решено провести эксперимент. Я спрятал в надёжном месте одну упаковку лапши «Доширак», а завтра утром проверю её наличие. Опыт

Игорь Сахновский

покажет, умеет ли голодный лунатик проникать в дневную память бодрствующего меня.

27 августа

В это трудно поверить, но «Доширак» исчез. Его нет ни на полу под тумбочкой с сухими сыпучими продуктами, ни в шифоньере с моим уникальным архивом. В душу предательски закрадывается сомнение: вдруг я перестарался и тайник получился чрезмерно секретный?

Однако не буду мелочиться! Утрата корейской лапши ещё не повод для отказа от интимного свидания с Эвелиной.

Моя дорогая Э.!

Вот бесценный миг один на один! Мы уселись напротив.

Волненье мешает нам произносить! Но улыбка играет на ваших устах, подобно Моне Лизе, и говорит о столь многом!

Ваш взор остановился на моих губах, вы будто всем телом почувствовали их неукротимое желание расцеловать самые потаённые участки вашего организма!..

Под лёгкими струящимися одеждами из натуральных тканей видны ваши колени, которые стыдливо сомкнуты между собой. Но если они расслабнут, моим глазам откроется досадная полоска трикотажа голубоватого цвета, стимулируя восторг желаний!

Я даже не успел заметить, как дерзко приблизился и припал.

Моя отрада застигнута врасплох!! Поцелуи дадут о себе знать. Ненужные одежды летят прочь, и взгляду предстаёт вечное!!!

Но это пока лишь только увертюра... Ваше терпение иссякает! Ваши страстные руки впиваются в мою спину, заставляя поскорей войти в царство любви!!! Не придумано выражений, чтобы описать происходящее словесным языком...

Извините, дорогая Э.!

Звонок в дверь пресёк и нарушил наше таинство двоих.

Это пришла социальный работник Фаина. Только она звонит так грубо и не гармонично... Но пусть. Уже никто не в силах разорвать нашу интимную документальную связь! Она впечатана в мой компьютер наряду с правдивыми свидетельствами борьбы со злом.

28 августа

Сегодня прямые обязанности руководителя ФСБР заставили меня совершить наблюдательный рейд вдоль торговых точек, лежащих вблизи моего дома. Не секрет, что в данном районе очень развит криминальный мир.

На моих глазах у входа в магазин «Пятёрочка» в 11:43 беззащитная женщина в бедных

одеждах безропотно отдала кошелёк мрачному типу в джинсовой куртке, после чего он цинично отправился в магазин.

Меня насторожил тот факт, что потерпевшая крикнула вслед подозреваемому: «Масло не забудь!» Это вполне могло означать наличие сговора между участниками инцидента, но выводы пока делать рано!

На подступах к аптеке и чебуречной я наткнулся на Эвелину. Вид со спины позволил мне увидеть, как ей идёт новая причёска – рыжеватый хвостик на резинке. Обаяние Эвелины даже не портила заметно возросшая полнота. Правой рукой она катила детскую коляску, а левой рукой отбивалась от злобной девочки лет восьми. Я расслышал пронзительные детские вопли и строгий, справедливый ответ: «Заткнись, дура! Я тебе уже купила...»

Всё это натолкнуло на подозрение, что у Эвелины может быть ребёнок. Возможно, даже не один.

Само собой разумеется, у меня было горячее желание подойти и напомнить ей о нашей документальной эротической встрече, чтобы затем обменяться совместными волнующими впечатлениями. Но помешала моя сугубая скромность и присутствие детей, не достигших 18 лет.

Вечерние часы посвятил творческой поездке на метрополитене.

29 августа

Сегодня день рождения меня! В целях лучшего самочувствия позволил себе двойную дозу настойки боярышника, после этого погладил торжественный коричневый костюм.

Принял обдуманное решение пойти вечером в гости к Эвелине, поэтому надел мою любимую, новую полосатую рубашку. Она куплена в апреле 1989 года, но с тех пор была надета не более трёх раз.

С трудом дождался вечера. На улицу не выходил, чтобы перед самым визитом не вспотеть в новой рубашке и не устать.

Ведь не каждый день решается судьба! Как сказал поэт.

Сейчас уже пойду.

30 августа

Вчерашних душераздирающих событий могло бы хватить на целые годы. Не придумано слов, чтобы описать, но придётся! И кто ещё, если не я?

Заветный пятиэтажный дом на ул. Июньской был достигнут без происшествий. Обстановка была спокойной. Развитый криминальный мир наружно себя не проявлял.

В торжественном костюме я вошёл в заветный подъезд и поднялся на третий этаж. Здесь хочу указать на важный момент, не ускользнувший от намётанного глаза. Лестничная площад-

ка третьего этажа содержится в ненадлежащем санитарном состоянии. Пусть на меня затаит обиду высокая муниципальная власть, но я молчать не намерен: санитарное состояние оставляет желать! Пол не вымыт и не подметён, справа на стене печатные буквы гласят: «Танька проститутка». Вокруг неаккуратно разбросаны окурки сигарет.

Я вежливо позвонил четыре раза в дверь № 31, пока не расслышал грациозные шаги Эвелины. Её прекрасный облик был босым и частично растерянным, в спортивном трико и в майке, под которой можно было догадаться о нескромной женской груди.

Моё обращение началось душевными словами: «Приветствую вас, дорогая!» И затем, с присущей мне галантностью, я поведал, как мне дороги наши короткие, но яркие встречи, в том числе документальная эротическая связь в мировом Интернете, которая даёт надежду на путеводную личную жизнь.

Пока я всё это выражал, Эвелина молча и беззаветно внимала мне распахнутым взором, где я мог прочесть трепетную духовную близость.

К несчастью, в тот миг я упустил из виду дремлющую опасность криминального мира, потому что за спиной Эвелины мои страстные признания выслушал грубый неуместный субъект, весь в усах и синих татуировках.

Я не знал, как он сумел проникнуть в её жильё. Но он даже не дал слабой женщине отве-

тить на мои слова, а с нецензурным криком выскочил из квартиры, вцепился в мой торжественно выглаженный пиджак и насильственно повернул меня в сторону лестничной площадки. Дальнейшее рукоприкладство выразилось в жестоким заднестороннем пинке. В результате я упал пиджаком, лицом и любимой новой рубашкой прямо в ненадлежащее санитарное состояние. А дверь № 31 захлопнулась с таким грохотом, будто меня ударили одновременно по затылку и по щеке.

Немного полежав, я сделал попытку встать, отряхнуться и покинуть место событий, но вынужден был присесть на ступеньку лестницы из-за острой боли в районе копчика, которая мешала передвигаться путём ходьбы. В связи с чем просидел на ступеньке дольше, чем диктует моя воля.

Неожиданно дверь № 31 снова открылась, вышла Эвелина, такая же босая, в спортивном трико, вздохнула и села на ступеньку возле меня. Она заговорила участливым женским голосом: «Ты зачем приходил-то? Потрахаться хотел? Ты ведь небось уже старенький. Или ещё можешь?»

Потом она оглянулась на дверь и сказала совсем тихо: «Короче, приходи, когда этого хмыря не будет, я тебе минет сделаю». И засмеялась: «Цена сто долларов».

Я не совсем конкретно понял, что Эвелина имела в виду, и попытался объяснить, что в день

рождения меня, в этот праздничный день, столь важная, путеводная встреча двух родственных душ... Тогда она снова засмеялась: «Уговорил! По случаю дня рожденья пусть будет пятьдесят».

Затем Эвелина с глубоким доверием рассказала, что гражданина в усах и татуировках зовут Толян, он законный хозяин квартиры, а она всего лишь квартиросъёмщица на птичьих правах. Но платить получается не очень, денег в обрез, поэтому, как она призналась, часто платит натурой, а Толян её то бьёт, когда не в духе, то ласково называет «дырка».

«Я бы, может, и съехала на хрен, – сказала Эвелина, любезно помогая мне встать. – Но где потом найдёшь благоустроенную хату почти бесплатно? А ты, сразу видно, папик обеспеченный, правильный. Так что приходи попозже с деньгой, и будет тебе королевский минет».

Домой вернуться удалось, но гораздо медленней, чем диктовала моя воля.

3 сентября

Четверо суток потратил на борьбу за свободу передвижений путём ходьбы. Насильственное вмешательство в область копчика даёт о себе знать физическим и моральным ущербом.

Вчера волевым неукротимым усилием позволил себе позднюю вечернюю прогулку и сразу же попал в эпицентр события, без преувеличения, планетарного масштаба!

Излагаю по порядку.

Из окон моей квартиры, в просвете между зданиями виднеется необитаемый и ботанически заросший фрагмент бывшей воинской части. Когда бойцы сменили дислокацию, на их месте оказался пустырь с бесхозяйственным куском забора и высокорасположенным прожектором, который очень удачно освещал ландшафт. Пользуясь этим, я нередко там прогуливался. Но позже прожектор убрали, и гулять стало темно. Вчера же, выглянув в окно кухни, я заметил, что пустырь снова ярко освещён, причём необычным яблочно-зелёным светом.

Повинуясь чувству долга и своим наблюдательным обязанностям, я вышел из дому в 23:46 и направился в сторону пустыря. Несмотря на близкое расстояние, шёл дольше обычного, замедляясь и хромая по независящим от меня, обидным причинам.

Тогда я мысленно подумал, что на всех моих жизненных путях, куда бы я ни шёл и ни двигался, я иду в сугубом одиночестве, всегда один. Наверно, в этом есть что-то героически отважное, но со стороны выглядит печально и, может быть, плачевно. А сейчас, на ночь глядя, я зачем-то плетусь на воинский пустырь, где буду ещё больше один, чем уже есть! Вот такая предательская мысль подкралась ко мне изнутри, но я вовремя расценил её как недостойное малодушие чувств.

На пустыре по-прежнему никто не обитал, валялся ненадлежащий мусор, но было светло, как

днём. Никакого прожектора не наблюдалось, но всё вокруг заливал зелёно-яблочный свет неизвестного происхождения. Приглядевшись наметанным глазом, я заметил довольно противоестественную картину.

Даже не знаю, как описать! Для наглядности представьте себе круглый небоскрёб, у которого спилили всю верхушку выше 10-го этажа, и всё, что ниже 10-го этажа, тоже отпилили и куда-то увезли. И в воздухе остался висеть один только 10-й этаж, круглый, как ватрушка или пицца, но светящийся всеми окнами ослепительно зелёного цвета.

При моих регулярных наблюдениях за ландшафтом я не мог пропустить сооружение столь выдающихся размеров, а тем более не заметить его дальнейшее варварское разрушение сверху и снизу. Однако эти процессы я упустил.

Вглядевшись, я сообразил, что, судя по ярко освещённым окнам, на этом одиноком 10-м этаже сейчас живут или даже напряжённо трудятся люди. Которые, возможно, как и я, не заметили разрухи и не подозревают об исчезновении верхних и нижних этажей. А значит, их надо срочно предупредить!

Невзирая на позднее время, я закричал, обращаясь вверх: «Э-эй, люди!» – и замахал руками, надеясь быть увиденным из окон. К несчастью, в тот момент у меня жестоко заболела голова, не говоря уже о районе копчика, который болеть не прекращал. Я даже ненадолго присел на почву.

Всё же мои усилия пропадали не зря. Сквозь чрезмерно яркий, неэкономный свет мне привиделось на потерянном этаже какое-то шевеление, и затем нечто вроде узкого эскалатора дотянулось до самого низу.

Через несколько минут передо мной стояли трое.

Каково же было моё разочарование, когда я увидел, что это не люди, спасённые мной, а какие-то заурядные инопланетяне, плюгавые и довольно невзрачные на вид!

Я кое-как поднялся, чтобы вежливо откланяться и уйти, показывая свой нейтралитет и невмешательство в межпланетные дела. Но этих несчастных пришельцев хлебом не корми, только дай вступить в контакт с разумным человеком.

Вот, стало быть, они и вступили со мной.

Разговаривали они странным образом. Почти не двигали своими узенькими ртами, но слова слышались и воспринимались ясно, как новости на радио «Маяк».

Мне пришлось как высокоорганизованному представителю выслушивать, что эти существа имеют нам сообщить.

Перво-наперво они сказали, как называется созвездие, с которого сюда прилетели. Но я не успел выучить наизусть – то ли Дыхбдын, то ли Дыщбдых. Поэтому завещать учёным это название не смогу.

Затем мне было предложено улететь вместе с ними на этот самый Бдыщбух, там якобы ус-

ловия не хуже, чем на Земле, а даже гораздо лучше.

Я с достоинством ответил, что в моём лице они, разумеется, сделали достойный выбор, но принять их приглашение я не смогу, потому что в моей жизни есть близкий человек по имени Эвелина, которого оставить никак нельзя.

Они тихо посовещались между собой и сказали, что у меня есть время подумать в течение пяти суток. И, если я всё-таки решусь, они об этом узнают и вернутся за мной.

На прощанье я решил задать волнующий вопрос о чёрных дырах – чем их латают и вообще как быть?! Откровенно говоря, пришельцы чаще, чем я, бывают в космосе, поэтому должны знать важные подробности.

Они снова посовещались, на этот раз дольше обычного, и ответили, что если правильно поняли мой вопрос, то чёрные дыры встречаются повсюду – и в космосе, и на Земле, и даже в любом человеке. А латают их, если нужно в пределах досягаемости, разумными существами, в том числе людьми. В том числе и ушедшими из жизни. Но об этом лучше никому не говорить.

Когда они коснулись ушедших из жизни, я вспомнил мою маму, похороненную на кладбище, где даже нет нумерации могил, и задал последний печальный вопрос: «А возможно ли общение с теми, кто уже умер?» Мне сразу очень уверенно ответили, что, конечно, возможно, но это зависит от двух условий – если ушедший сам

пожелает общаться и если он ещё не слишком далеко ушёл.

По возвращении домой, невзирая на глубокую ночь, готовил яичную вермишель и обдумывал межпланетные контакты.

4 сентября

Пора возобновить работу с бесценным архивом.

Генеральному директору
ЗАО «Задущевность»
гр. Н.Л. Азорову
от клиента «Задущевности»
гр. Р.А. Леденцова

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу срочно заменить социального работника Маргариту Круглых, сотрудничающую со мной с 14 января 2004 года, по той причине, что она ненадлежащим образом исполняет свой долг. Конкретно это выражается в том, что она моет полы квартиры не 1 раз в неделю, как положено, а только 2 раза в месяц. По факту происходит не мытьё, а разгон пыли. Последний месяц влажная уборка жилплощади не совершалась вообще. Бельё стирается не по инструкции и не каждый месяц. Пищевые продукты приносятся 2 раза в неделю, в понедельник и пятницу – дни, которые не устраивают меня, так как в понедель-

ник утром свежий товар в магазины завезти ещё не успевают, а в пятницу я имею право на досуг.

Меня также не устраивают утренние часы работы Маргариты, потому что по утрам я сплю после ночных раздумий. Встаёт вопрос: кто для кого – она для меня, или я для неё?

Если Маргарита Круглых получает деньги от «Задусшевности» за работу со мной, то почему она ведёт себя так, будто делает мне одолжение? Имеет ли клиент «Задусшевности» законные права, и кто эти права защищает? Я усомнился в них 4 года назад, когда социальный работник Нина Тимуровна в процессе влажной уборки жилплощади настойчиво портила мою мебель. Я жаловался об этом лично Вам, но результата не получил.

В пятницу, 19 марта, со мной случился острый приступ невралгии. Приём анальгина и нитроглицерина болей не снял. Я употребил двойную дозу боярышниковой настойки, прилёг и задремал. Поэтому не услышал звонка Маргариты в дверь.

Примерно через полчаса, когда она позвонила по телефону, открыл ей, но стал жертвой незаслуженного хамства: «Я не могу столько времени ждать под дверью. Вы у меня не один!»

Пытаюсь объяснить, что я прилёг с приступом по независящим от меня причинам. Но голос разума ей далёк! «Бросайте пить – тогда не будет приступов». Якобы мой букет болезней выдуман алкашом. И, выходит, меня можно оскорб-

лять безнаказанно, а я буду терпеть, лишь бы не нажить беды.

Что я, бессловесный скот? Нет, не бессловесный. Поэтому в долгу не остался и ответил достойно. Как говорится, око за око, зуб за зуб.

А как иначе защититься от произвола? Работников в «Задусшевности» много, их объединяет корпоративная честь, а мы, клиенты, одиноки в своих невымытых, неубранных квартирах. Слушайся что – нам не поверят, и мы рискуем остаться без всего!

Теперь на тему алкоголя. Маргарита глубоко ошибочно указывает причину моего приступа. У пьяных, по наблюдениям учёных, не бывает инфарктов и инсультов (которые в любую секунду могут случиться со мной), потому что сосуды от спиртного расширяются. А затем, когда наступает отрезвление, сосуды обратно сужаются, что может привести к сосудистой катастрофе.

У меня же, как видно, приступы вызваны атмосферными колебаниями, переменой погоды и насыщенной душевной жизнью.

Прошу дать ответ в письменной форме!

22.III.2006 г.

P. S.

Хочу добавить важный аргумент.

Даже если бы я выпил, где здесь криминал? Законодательство пока не запрещает выпивать алко-

голь. А что не запрещено, то разрешено. Если бы все алкоголики нашей страны были такими же пьющими, как я, то светлое, разумное завтра могло настать ещё вчера.

5 сентября

Сегодня решил безотлагательно вступить в торгово-финансовую сферу. Для этого я нашёл в кладовке прекрасное новое бра с оранжевым абажуром, которое моя покойная мама купила в 1983 году, но ни разу не успела применить.

Для повышения культуры торговли надел свой торжественный коричневый костюм и поехал на уличный рынок, расположенный возле трамвайной остановки «Пионерский посёлок». Когда я приехал, там продавали семечки, лук, черемшу, редьку, но не наблюдалось ни одного бра. Поэтому я был вне конкуренции.

Моя пожилая соседка по торговой деятельности предлагала населению войлочные тапочки и маринованный чеснок. Но к ней почти никто не подходил. А подходили ко мне и задавали один и тот же вопрос: «Почём бру продаёте?»

Я терпеливо пояснял каждому, что правила русского языка требуют говорить «бра», даже если очень хочется сказать «бру». А кто не умеет правильно называть, пусть идёт отсюда к чёртовой матери!!! Не зря же моя мама когда-то преподавала в начальной школе города Верхняя Салда.

Покупатели глядели на меня с сомнением, выслушивали и уходили. Соседка с тапочками и чесноком сказала: «Ты, сынок, больно грамотный, никогда свою бру не продашь!»

Тогда на вопрос «почём?» я стал отвечать коротко и горделиво: «Дорого. Пятьдесят долларов!» Начали смотреть более уважительно, но уходили всё равно.

В разгар торгового рабочего дня подошла женщина с фигурой кисти Рубенса и спросила: «Почём ваш антиквариат?» Я сказал по привычке: «Дорого. Пятьдесят долларов».

Женщина поглядела с сомнением, вынула купюру в 1 тысячу рублей, потом ещё сколько-то и, не считая, отдала мне. На такую финансовую небрежность я ответил тем, что взял деньги и, тоже не считая, положил в карман. У нас, в антикварном бизнесе, не принято мелочиться.

Настало время приступать к валютным операциям.

В банке явно не ожидали, что я приду. Ничего, пусть привыкают. Девушке, спрятанной в окошке, я смело сказал: «Мне, пожалуйста, долларов – на все!» – и просунул в окошко свой капитал.

Девушка посмотрела на меня с сомнением, но долг службы заставил её выдать мне банкноты импортного производства.

По возвращении домой тщательно заперся и пересчитал свой неприкосновенный валютный запас. Он составил ровно 49 долл. 00 коп.

Это на 1 долл. меньше суммы, указанной Эвелиной. Но я надеюсь, имеющийся финансовый опыт позволит мне накопить.

Завтра со свежими силами отправлюсь в гости к Эвелине в квартиру № 31.

6 сентября

Не хватает слов и вы*ажений, чтобы описат* вче*ашнее! Да ещё отныне в моём комп*юте*е не хватает двух ценных букв.

Я взял с собой валютный запас и захватил целлофановую сумку с комп*юте*ом, на всякий случай, чтобы не упустит* важную мысл*, если она вст*етится на пути.

Эвелина была дома. Я позвонил, она отк*ыла, и я с*азу же отдал ей неп*икосновенный валютный запас. Она ответила мне глубоким т*епетным взо*ом и сказала п*оникновенным голосом: «Ты, папаша, невов*емя как-то п*итащился! Давай лучше в д*угой *аз?»

Я воз*азил стихами из песни: «Мы так близки, что слов не надо!» Но пуст* она знает, что вход в мой дом всегда бесплатно отк*ыт для неё. И я п*одиктовал своё точное местожител*ство.

В это мгновен*е между нами возник Толян с татуи*овками и в г*убой фо*ме сп*осил, откуда я вылутился. Я ответил с достоинством: «Феде*ал*ное сек*етное бю*о *асследований! Соп*отивление бесполезно!!»

Тогда он воскликнул в г*убой фо*ме: «Ты что, сука, сдала меня легавым?!» – и схватил Эвелину за её п*ек*асные белоку*ые волосы.

Это был вопиющий момент! И я нанёс Толяну по голове такой сок*ушител*ный комп*юте*ный уда* вместе с сумкой, что из неё высыпалис* на пол ценные буквы, а две из них найти уже было не суждено...

Дал*нейшие безоб*азные действия нанесли г*омадный физический, в том числе духовный, уще*б всем участникам событий и даже не заслуживают попаст* в междуна*одный, ми*овой Инте*нет.

7 сентября

До*огая любимая мама!

Из инопланетных источников, заслуживающих дове*ия, я узнал, что могу легко общат*ся с тобой, если, конечно, ты не вы*азиш* от*ицател*ный п*отест.

У меня две новости: одна хо*ошая, финансовая, д*угая – не очен*.

Хо*ошая новост* о том, что я сумел создат* неп*икосновенный валютный запас. Сейчас им владеет Эвелина, потому что в жизни ей так надо.

Вто*ая новост* о носках. Помниш*, ты мне купила вязанные ше*стяные носки для дома, чтобы я не п*остывал? К сожалению, мама, они п*охудилис* на пятках, потом их два *аза штопа-

Игорь Сахновский

ли и зашивали в качестве одолжения мне. Но в течение лета, к несчаст*ю, возникли к*упные ды*ки на пал*цах ног, особенно заметные с левой сто*оны п*авого носка. Наве*но, я буду вынужден об*атит*ся к социал*ному *аботнику Фаине, чтобы она опят* зашила твои носки, хотя указанная Фаина однажды их чут* не выб*осила, но я не дал!

Кстати, о ды*ках. На днях я наконец точно выяснил, чем латают чё*ные ды*ы. Мне сказали, мама, если нужно, в п*еделах досягаемости их латают люд*ми! Об этом нел*зя никому гово*ит*, но от тебя я не ск*ою! (Ты же мне велела ничего от тебя не ск*ыват*.)

Мне ещё надо глубоко всё обдумат*. Но, возможно, мама, *азгадка смысла жизни уже близка.

Мне дали пят* суток, чтобы я *ешился навсегда покинут* нашу планету Земля. Сегодня настал самый последний ден*! Но я очен* жду п*ихода Эвелины. Вче*а, после неп*иглядных событий, я тоже очен* ждал, но она не п*ишла. Что если она сегодня явится в поисках новой личной жизни, а меня уже на Земле нет?! Так будет несп*аведливо и нечестно.

Поэтому, до*огая, любимая мама, я ещё подожду изо всех сил.

МОЙ МУЖ ПРОДАЛ «ЮКОС»

Когда в 2003-м, осенью, арестовали Ходорковского, я это восприняла как событие только для Валеры. Мне-то здесь что? А к тому времени, когда мы с Валерой перед Новым годом поехали в Москву на тот аукцион, всё уже сильно изменилось. Эмоции были другие совсем.

У Валеры однажды брали интервью и задавали ему такие наивные многозначительные вопросы: «Что такое дружба? Думаете ли вы о смерти? Что такое любовь? А у вас была любовь настоящая?» Я слушала запись и на этом вопросе о настоящей любви прямо вся замерла.

И знаете, что он сказал? «Я думаю, она у меня впереди». Вот так вот, оказывается... И я до сих пор борюсь с собой, чтобы ему не отомстить! (*Смеётся.*)

Ладно, давайте вернёмся к началу. Для нас это была неожиданность. Валера тогда был начальни-

ком отдела продаж и аукционов. И вдруг в один прекрасный день он приходит домой и говорит: «Ты знаешь, меня позвали продавать “ЮКОС”».

А Валера – очень тщеславный человек. Самый главный девиз для него, чему он учил свою дочь и зятя, – «Добейся славы!» У него всегда было предчувствие момента, когда он совершит в своей жизни что-то очень важное. Потому что внутренние обещания и обещания «сверху» были крупнее, чем реальность.

Политикой он совершенно не интересовался, ни в какие партии не вступал. Сначала, когда хотел, его не брали. А когда позвали, он уже и сам не пошёл. За стадами не бегал, в стаях не летал – ему как-то лучше самостоятельно. Как он относился к Ходорковскому? С сочувствием относился, но не слишком доверял из-за его комсомольского прошлого.

Когда из Москвы пришло приглашение продать основной актив «ЮКОСа», это, во-первых, сильно удивило и в определённой мере испугало, потому что вокруг уже звучали всякие разговоры... Но само это приглашение было чрезвычайно комплиментарным, выглядело как профессиональное признание.

Валера к тому времени был уже очень известный аукционист. Он, например, продавал имущество Московского часового завода, акции золотых приисков на Севере... А тут появляется шанс по-настоящему прославиться. Причём на

весь мир, по всем теле- и радиоканалам. Тогда это было самое главное его ощущение. Плюс, конечно, чувство ответственности. И страх.

А начальником у него в то время был некто Хафкин, дай ему бог здоровья, конечно.

И вот этот Хафкин вдруг стал подливать масла в огонь. Говорит Валере открытым текстом: «Позвонили из Москвы. Необходимо принять решение. Видимо, нужно ехать. Только ты сначала подумай хорошо! Не завидую тебе...» – «А в чём дело?» – «Ты что, сам не понимаешь? Тебя же там пришьют. Это, может быть, твоя последняя поездка. Имей в виду, замочить могут запросто. До аукциона вообще не доедешь, не дойдёшь». И так далее.

Отношения у них были плохие. Не исключаю, что он Валере просто мстил. То ли завидовал, то ли побаивался. Но чувство страха внушить сумел.

Валера приходит домой: так и так, надо ехать, другого такого шанса больше не будет, и струсить нельзя, стыдно! Когда подобные вещи предлагают, не подразумевается отказ. В то же время и страшновато.

Запугивали-то очень сильно. Дня не проходило до отъезда, чтобы тот же Хафкин ему не повторял: «Имей в виду. Я тебе не завидую. Попрощайся с женой» – и всё в таком духе.

Я Валере говорю: «Ну что? Мы с тобой вместе прожили столько лет. Я поеду с тобой. Если убь-

ют, то пусть вместе». Он возражал сначала, но я настояла на своём.

А я такой человек, что могу хоть на Байконур полететь, хоть с парашютом прыгнуть. Потому что такая тяга: и страшно, и дико интересно. Но и деваться-то некуда! Не могла же я сказать: «Ты уж как-нибудь, Валерочка, без меня...»

В общем, решили, что едем вдвоём.

Показали детям, где лежат деньги и документы, на всякий случай.

Собрались и полетели. Настроение было прямо детективное. Потому что не исключали, что домой уже не вернёмся. И, честно говоря, мне это даже польстило (*смеётся*), что вот здесь проявилась та самая невидимая, внутренняя связь мужа и жены. Что в такую минуту он обращается ко мне и благодарен за то, что я оказываюсь рядом, несмотря ни на что. И было чувство особой близости.

Ну, это мои женские ощущения. Я по такому случаю ещё сапоги себе новые прикупила, зимние (*смеётся*). И мы поехали.

Была назначена дата аукциона, но требовалось приехать заранее, чтобы репетировать, готовиться к этому ко всему.

Валера в Москве бывал не раз. А вместе мы очень редко ездили. Прилетаем. Там в аэропорту ждала машина, отвезли в отель.

Первая неожиданность: в гостинице «Варшава» нам почему-то забронировали стандартный

одноместный номер, в котором вдвоём просто невозможно...

Там один человек должен зайти в туалет, чтобы другой смог протиснуться мимо. Кровать узенькая, если один лежит почти на спине, то второй – к стенке боком прилипает. Но деваться некуда на ночь глядя. До утра промучились, очень неприятно было, и так-то нервы напряжены.

Правда, утром Валера всё это поменял. Номер оказался роскошный, даже с зеркальной стенкой возле кровати, что тоже сыграло свою роль... Потому что мы были в таком возбуждённо-трепетном состоянии – в кои-то веки вдвоём!.. Ладно. Номер шикарный, всё хорошо. И Валера каждый день стал уходить на эти репетиции аукциона, каждый божий день, с утра и до вечера. Проговаривались каждое слово, каждая запятая, каждый жест. Кто куда пошёл, кто где сел, кто что сказал и прочее, и прочее.

Потом наступил этот день, воскресенье. На четыре часа назначен аукцион.

Накануне была дана инструкция, что мы сидим в отеле, к номеру подходят охранники, и от номера до машины Валеру поведут вроде как под охраной автоматчиков.

В воскресенье в гостинице не работал буфет, и я мужа собираю, бабочку там, пиджак, в карманы ему сую бутерброды в мешочках, потому что он до вечера, до самой ночи будет го-

лодный, и говорю: «Валера, в левом кармане у тебя такие-то, а в правом такие-то» – это было смешно.

Потом звонят и говорят: «Спускайтесь в холл».

Спрашиваем: «У номера никого не будет?» – «Нет, не будет, спускайтесь сами».

Пошли вдвоём, чуть ли не за руки держась.

Оглянулись, сели в лифт, и сразу начался такой мандраж полуистерический, и кураж, и страх – всё вместе какое-то нереальное: неужели это с нами происходит на самом деле?

Спускаемся, выходим. И тут вижу картину, которая запомнится на всю жизнь: стоят два мужика в шлемах, бронежилетах, в камуфляже, с автоматами наперевес – я такое вообще в первый раз видела.

В холле небольшое ограждение, площадка и сразу дверь. Ну, мы, значит, обнялись, поцеловались – всё как будто не с нами... Я ринулась вместе с ним к двери, но меня остановили. Всё. Там такая перегородочка, он за неё прошёл, а я с этой стороны осталась.

Ну, и пошёл у меня мужик – куда? Во что? (*Смеётся.*)

Меры предосторожности действительно были заметные. Автомобиль бронированный такой, тяжёлый, военного образца. Посадили его туда, страшно вспомнить... Квартал был оцеп-

лен, здание Фонда федерального имущества – слева и справа. На Ленинском проспекте в определённом радиусе – никакого движения машин вообще. Как будто в полном вакууме, с автоматами наперевес Валеру моего, значит, под белы ручки повели, а я осталась. Одна там стою: и слёзы, и смех. Участница спектакля. Театр терпеть не могу, а здесь вот такая театральщина, на мой взгляд.

По словам Валеры, когда его посадили в этот «гелендваген», там сидели несколько человек с большими звёздами на погонах, как минимум подполковники, причём в касках и бронежилетах. А сам Валера от волнения даже в гостинице шапку забыл. Посадили и повезли в Российский фонд имущества. По дороге молчали, будто военная операция какая-то началась. Валера пытался пошутить, удивлялся их экипировке – никто ничего не отвечает, сидят молчком.

Приехали, здание оцеплено. Специалисты ходят, милиционеры с собаками. Воскресный день, но люди везде-везде-везде.

Я так думаю, меры предосторожности нужны были потому, что, если бы аукциониста «убрали», торги бы не состоялись, а это значит – отсрочка. А там неизвестно, как могли развиваться события.

Ну и вот, и ушёл. А я уехала на весь день с Валериным племянником-москвичом, он меня

развлекал, водил по разным местам, и я всё время смотрела на часы: вот сейчас, вот сейчас у них там начинается. И когда, по моим расчётам, всё уже произошло, я помчалась в гостиницу смотреть местные каналы. Первые сюжеты были очень подробные: показывали эпизоды ещё до начала аукциона. Вот он сидит, вот подошёл к членам комиссии, вот вышел на трибуну, вот он сказал, да ещё немного ошибся от волнения, потом это вырезали. Он проговорил цену, которую вызубрил наизусть. Если потребуется, он и сейчас её скажет – там какая-то чудовищная, запредельная цифра, недоступная человеческому пониманию. Двенадцатизначная, начинающая с двухсот сорока шести миллиардов. И ещё восемнадцать копеек в конце. Объявляет он эту сумму, женщина поднимает карточку и называет что-то гораздо больше, и он по инерции говорит: «Так. Начальная цена принята. Кто больше?» Ему говорят: «И так уже больше...» Он, матушка моя, запнулся: «Да?..» Потом: «Комиссия удаляется на совещание». Такая была шероховатость небольшая. Ну и всё, молотком отступал... Позавчера, кстати, показывали фильм про «ЮКОС», опять возвращаются к этому событию. Я смотрела: не покажут ли Валеру? Нет, его не показали – только символически стучащий молоток.

Сижу в гостинице. Поздно уже, темно. Всё жду, когда вернётся. Его нет и нет. На улице лип-

кий снег, дождь. Наконец пришёл, выпивший немного, весь мокрый и обескураженный. И, как ни странно, пешком.

Потом уже рассказал с самого начала, что там было.

Привезли, посадили в какую-то комнату с накрытым столом. Сидели, долго ждали. Наскоро перекусывали. Торги начали точно в указанное время.

Когда Валера объявил стартовую цену, получилось как-то странно: заявители, которые первыми подняли карточку, сразу назвали цену гораздо выше первоначальной. Если не путаю, они к заявленной цене добавили ни много ни мало четырнадцать миллиардов. И те же восемнадцать копеек остались...

Затем комиссия принимает решение. Аукционист озвучивает. Пообсуждали, пошли писать протокол. Это делается небыстро, уточняют всякие тонкости. Вся процедура длилась минут сорок-сорок пять.

Ожидание было довольно тягостное. А там большой зал Госстандарта – помещение примерно семидесятых годов, где всё советское торчит из каждой щели. Сверху навесные потолки, а под этими потолками, видимо, система электроснабжения и прочего.

И вдруг минут через двадцать слышится такой хлопок неприятный, и прямо с потолка пошёл едкий, вонючий дым. Представляю, какое там было напряжение, если даже электричество пе-

ремкнуло!.. Дыма навалило столько, что вынуждены были куда-то в другую комнату перейти. Сработала сигнализация, тут же отключили...

А потом напряжение спало, подписали бумаги и стали ждать реакции: кто-то уехал с докладом. Закуски стояли, выпивка. Сначала никто не притрагивался, молча сидели и ждали, потом приехал председатель Фонда, всех поблагодарил. Говорит: «Теперь можете выпить». Налили по рюмке, выпили и как-то сразу расслабились. У Валеры было чувство, что он сделал нечто большое, даже необыкновенное, причём со скандальным привкусом.

И вот, когда дело закончилось, выпили, надо расходиться – время позднее, погода отвратительная, слякоть, ветер со снегом.

Валера говорит:

– Давайте поедем уже. Кто меня повезёт?

А ему кто-то из сотрудников отвечает:

– Сейчас уже нет никого. Сам дойдёшь!

Вот так, значит. Сюда везли чуть ли не на танке, с охраной и почестями. Обратное – сам дойдёшь.

А там ещё на Ленинском проспекте в переходах в это время наркотическая шпана вечно тусуется, обколотые, пьяные. Идти мимо них тоже небольшое удовольствие.

– Да я шапку забыл, и зонта нет.

– Ну, возьми, вот тебе зонт!..

И он вдруг понял. Знаете, это как будто кувалдой по голове: мавр сделал своё дело, мавр может уходить. А Валера в тот момент чувствовал

себя если не героем, то по крайней мере значительной фигурой, настолько вырос в собственных глазах.

И вот обратно этот человек, на которого только что камеры со всего мира были направлены, поддатый, мокрый, под чужим зонтом пешком вернулся в гостиницу.

Где-то в первом часу ночи раздался звонок, позвонили ему в гостиничный номер и сказали: «Всё, можешь спать спокойно. Мы только что оттуда. Всё доложили, получено добро».

А после аукциона остался протокол, где только две подписи – председателя комиссии и Валерина. Это важно стало, когда вернулись к ситуации уже с другой стороны, и Валеру предупредили: будьте готовы, можете быть вызваны в суд по делу Ходорковского как свидетель. И мы довольно долго находились в нервном напряжении, потому что всего две подписи на документе о том, как всё произошло.

Ну, и что дальше? После такого события мой муж стал **человеком, который продал «ЮКОС»**. Сама эта формулировка ему нравилась, её печатали в заголовках статей, в интервью. Короче говоря, начались пресловутые медные трубы.

Мы в жизни ни с чем подобным не сталкивались: слухи, сплетни, какие-то беспочвенные догадки.

Естественно, самая больная тема, которая нас даже разлучила с несколькими друзьями, – это

тема денег. Официально же считается, что аукционисту положен какой-то процент от сделки. Если посчитать даже очень скромную долю процента, Валера должен был получить вознаграждение в размере девяти миллионов долларов. И все, понятное дело, решили, что из Москвы он вернулся с мешком денег.

Как-то сидим на даче со старыми приятелями, выпиваем, я на что-то пожаловалась. А Наталья мне заявляет: «Ой, да брось ты! Вы же теперь у нас богатые». – «С чего ты взяла?» – «Так вы девять миллионов долларов получили». И я не могла доказать, что это не так.

Стали звонить незнакомые люди, где-то узнавали номер телефона, говорили, что у них ребёночек больной и так далее, пожалуйста, помогите! Кто-то ещё потом сказал, что Валера, сволочь, от денег пухнет, вместо того чтобы помогать...

Сергей, наш зять, попросил на работе прибавку к зарплате. Ему начальник отвечает: «Фигли ты просишь денег? У тебя тесть – долларовый миллионер».

С какой стороны ни посмотри, у всех полная уверенность, что мы страшно разбогатели. Это сначала напрягало, потом веселило. Потом совсем уже замордовали, а потом забыли, и слава богу.

А что на самом деле? Поскольку Валера был штатным сотрудником Фонда федерального иму-

щества, а не приглашённым со стороны человеком, он просто съездил в командировку и провёл нормальный аукцион.

Ну, если откровенно, он всё равно надеялся, что будет как-то материально вознаграждён, каких-то денег мы ждали. Их не хватает всегда – что есть, тем и живём.

Проходит день-два, я звоню ему на работу, спрашиваю: «Валер, ну что? Премию-то тебе выписали?» Он таким упавшим голосом говорит: «Выписали». Я говорю: «А в чём дело? Сколько?» Он говорит: «Ты не поверишь, один процент от зарплаты». А зарплата, официальный оклад, у него была три с половиной тысячи рублей. Он потом позвонил в Москву, там сказали: «Ой, извините, мы ошиблись, нечётко написано было – не один процент, а семь процентов».

В конце концов насчитали ему всё-таки двадцать одну тысячу рублей, но местный начальник из этой суммы ещё убрал половину, в результате получилось тысяч одиннадцать. Вот и всё наше миллионерское богатство.

Валера был потрясён ничтожностью этой суммы: довольно стыдная оценка его стараний и страхов. Она явно не соответствовала той славе, которую он приобрёл. Когда мы из Москвы вернулись, по всем каналам и во всех газетах общались о прошедших торгах. Валеру даже стали слегка демонизировать, и в некоторых журналах аукцион сравнивали с поворотными историчес-

кими событиями, после которых в стране что-то глобально изменилось. Писали: *«самая крупная сделка в экономической истории России»*. И, само собой, вершина его карьеры.

Было ещё и другое русло для слухов: «человек Путина», «серый кардинал», «неизвестно откуда взялся» и тому подобное. На самом деле его кандидатуру предложили бывшие сотрудники Фонда, уехавшие в Москву.

Сейчас я, конечно, понимаю, что это были политические игры, от которых мы всю жизнь далеки, и с Валерой получилось, как говорится, «без меня меня женили», а ко всем этим подводным течениям он не относился никак.

У Сергея родственница работала в ФСБ, и она сказала Валере: «Если вы туда попали, значит, вас так досконально проверили по всем статьям и параметрам, что теперь можете жить спокойно!»

Вообще, я человек суеверный, обращаю внимание на любые знаки, прислушиваюсь к разным сигналам. И близких заставляю прислушиваться к ним.

Мы с Машенькой зашли в часовню напротив Почтамта. Там тесно, места мало, на мне шуба из серебристой лисы. Свечи горят. Подходит ко мне мальчик. Убогий, ну видно, что ненормальный. И сразу начинает просить денег. А я ещё так раздражилась, грешница. У меня были только крупные деньги, ну, допустим, тысяча рублей.

Я говорю: «Мальчик, да подожди, подожди!» А он прямо за руку меня хватает. «Ну, подожди. Сейчас я разменяю и тебе дам. Отойди, Господь с тобой!»

Он отошёл. Я сделала каких-то несколько движений. Мальчик стоит напротив меня, глаза у него округляются, и он говорит: «Культка голит! У тебя культка голит!»

Что за куртка? Я вообще не могу понять. И вдруг вижу: у меня из-за плеча дым и пламя! И тут Машенька – я уже не помню, сколько ей тогда лет было, девочке моей, – голой рукой давай с меня этот огонь сбивать... Представляете, какой кошмар?

Народу было немного, все оглянулись. Дочка с меня пламя сбила, мы вышли, вонища невозможная от этого горелого меха... Я вот вроде не люблю людей, но, такая щепетильная, даже в транспорт не села, пошла домой пешком, чтобы не пахло в трамвае этой шубой.

Да, если шуба загорелась в церкви, я знаю, это плохая примета. Мне, правда, потом говорили, что при венчании у свидетельниц волосы часто вспыхивают от свечей, когда они в храме с распущенными волосами стоят.

Я пришла домой, первым делом к телефону: «Валера, привет! У тебя всё в порядке?» – «Да, всё в порядке, всё хорошо».

Через час приходит домой, расстроенный и бледный: «Ты как в воду глядела!..» Оказывает-

ся, прислали ему анонимное письмо: ты такой-сякой, мы про тебя всё знаем, выкладывай вот такую сумму или готовь похороны себе.

В общем, угрозы и указание адреса – куда отстёгивать деньги.

Никаких фактов реальных в письме не было приведено. Но возникла такая устрашающая ситуация, из которой мы выбрались с большим-большим трудом. Несколько дней не выходили из дому и засыпали только с помощью водки. Ну, ужасная была история!

А место работы у него такое было, что, хоть ты честный-пречестный, всё равно найдётся масса поводов обвинить. У нас же принято считать, что буквально все чиновники воры. И, конечно, да, очень многие нагревают руки. Но есть люди, для которых это совершенно недопустимо. Так же, как убивать. Потому что понятно, что Бог за всё наказывает ещё при жизни, что воровать нельзя.

Это потом, гораздо позже, мы узнали, что письмо написал один деятель, который курировал их работу со стороны милиции. Но Валера никогда с этим не сталкивался, и поначалу у него был самый настоящий травматический шок.

Во-первых, непонятно – за что. Во-вторых, неизвестно, что они имеют в виду и что могут навесить. А в-третьих, чувствуешь эту свою вечную, ещё с советских времён, бесправность, беззащитность перед органами, которые могут тебя

по любому поводу законопатить, и ты не докажешь ничего! Мы же знаем, что сидят у нас далеко не только преступники.

Короче говоря, отчаянная ситуация. И Валера обратился к одному своему близкому товарищу, бывшему начальнику уголовного розыска, человеку очень достойному. Он посмотрел так, удивился и говорит: «Нашёл, на что внимание обращать! Ерунда. Садись и пиши».

Сели, написали ответное письмо по тому адресу до востребования. Смысл письма был такой: ребята, вы блефуете, никакой вины я за собой не чувствую, хотите разбираться – обращайтесь к моему доверенному лицу. Имелся в виду этот полковник из уголовного розыска. Он уже тогда не работал в органах, занимался своим частным бизнесом, но знал все эти уловки и сразу понял, что почём. Можно сказать, Валера ему препоручил себя, и он всех поставил на место, всё разъяснил. И дело закончилось.

Сейчас уже ясно, что угрозы писались как под копирку, анонимки там, видимо, штамповали десятками. Похожие бумажки закидывали многим людям: кто чувствует за собой реальную вину, тот побежит откупаться, любые деньги отдавать. А Валера за собой вины не знал, да и денег у него не было, чтобы откупаться неизвестно за что.

Есть ещё одна вещь. В глазах многих людей мой муж выступил как бы орудием расправы над

хорошим, позитивным парнем Ходорковским. У Валеры, честно говоря, и тогда было такое ощущение, и сейчас оно его не оставляет. У него даже ответ был заготовлен для разговоров подобного рода: ничего личного, работа такая. У него один знакомый мультимиллионер спросил: «Валера, а если бы меня точно так же продавали, ты бы тоже так молотком стукнул?» Валера говорит: «Да, Дима. Ничего личного, работа такая».

Да, про молоток. Он для аукциониста вроде отличительного знака, как и бабочка. Хотя бабочка без молотка – это уже официант.

Молоток ему выточил один зэк-мастеровой в Красноладьинске. Валеру туда пригласили провести образцово-показательные торги, потому что там творились нелады: сговаривались местные предприниматели с сотрудниками тамошнего фонда имущества, и недвижимость уходила за какие-то смешные деньги. Все понимали, что идёт сговор, надо это как-то предотвратить, поэтому позвали профессионального аукциониста. Михельсон, глава города, был, кажется, не слишком доволен, но пришёл посмотреть.

Аукцион там прошёл исключительно удачно. Цены были достигнуты какие-то рекордные, поскольку Валера ни с кем не сговаривался, всё было честно. И этот Михельсон был настолько поражён всем увиденным и восхищён суммами, которые удалось получить, что донёс подвыпив-

шего на банкете Валеру до поезда чуть ли не на руках, отправил домой с комплиментами и благодарностями.

А те люди, которые пригласили, решили подарить аукционисту молоток. Они, правда, не знали, каким он должен быть, поэтому заказали два разных, на выбор. Там же зона, в Красноладинске, и какой-то умелец за колючей проволокой выточил два молотка: один маленький, другой – размером с киянку. Этот большой Валера сразу отверг, а маленький взял, хотя он был тоже неформатный, узенький и тонкий. Вот и получилось, что какой-то безымянный зэк выточил молоток, которым Валера потом в Москве «отбил», можно сказать, самую крупную сделку в истории страны.

Его спрашивали: «А где у тебя этот молоток? Продай его Ходорковскому». Я думаю, Валера продал бы, если бы тот захотел купить. Для Ходорковского это, наверно, какой-то символ, знак.

Где-то я читала, что мужчины останавливаются в эмоциональном развитии на уровне либо семи лет, либо семнадцати, либо, кажется, двадцати пяти. Вот он по натуре совершенный подросток – во всём, даже в том, как он матерится. Какое-то подростковое удовольствие от этого получает, что ли?.. Он тянется к знаменитостям, собирает автографы, фотографируется со всеми. Меня, например, палкой не загонишь просто подойти к известному человеку и с ним сфотогра-

фироваться только потому, что это «кто-то». Ну не надо мне этого! А у него тут целый иконостас: Кикабидзе, Боярский, певцы разные – Хворостовский, Вишневская, Курмангалиев. Он как-то ухитрился через Золотухина взять автограф у Тонино Гуэрры.

В этом смысле я совсем другая: мне достаточно самой знать, на что я способна, меня это устраивает вполне. И нет никакой нужды показывать себя на публике.

В нашем возрасте большое счастье – не зависеть друг от друга полностью, с утра до ночи. У меня своя жизнь, у него – своя. Всё равно ещё каким-то образом друг другу интересны и нужны. У нас брак со временем превратился в дружбу. Это, на мой взгляд, идеальные отношения. Главное – друг друга не доставать.

Почему я ещё Валере благодарна? Он меня фактически спас от родителей, забрал. Когда мы поженились, я ему предлагала: поедем жить куда-нибудь на маяк! Чтобы от всех подальше.

Для меня остаться с родителями означало полное подчинение, папин диктат. Папа был царь и бог, меня мама так воспитывала: всё для мужчины. Я должна была находиться дома, когда он вернётся с работы... Сейчас я понимаю, что папа воспитывал меня как очень хорошую жену – но как бы для себя... Ревность дикая, безумная мужская ревность. Просто патологическая!

И я всю жизнь жила между двух мужчин, между мужем и отцом.

Я мечтала быть литературным переводчиком, хотела заниматься языком. А по тем временам единственный в городе иняз был в пединституте.

Но 30 августа мама встала передо мной на колени и сказала: «Ради всего святого! Забери документы из пединститута. И перенеси их в университет. Он ближе к дому, и он престижнее. Ты такая отличница-красавица – и вдруг пединститут!» – «Хорошо, мама, встань, пожалуйста, с колен, я это сделаю». И всё. А там уже мне было абсолютно всё равно – я бы поступила на любой факультет. В результате у меня потом никогда не было любимой работы.

Мне запомнился фильм про одну молодую женщину, которая всю жизнь очень зависела от семьи, от своих родных. Беспокоилась, переживала за них. Заботилась и принимала их заботу, желала им всего самого счастливого. Но при этом не отказалась бы жить вдалеке от них, совсем одна, где-нибудь в маленьком домишке в Швейцарии.

И вот она рассуждает: если бы меня спросили, хотела бы я после смерти, на том свете, снова оказаться рядом с ними со всеми – с моими близкими людьми? Хотела бы?

И она не знает ответа. Не может сказать, что – да, хочу.

Игорь Сахновский

Ведь на самом деле так и есть (*плачет*).

Вот говорят: мы потом на небесах встретимся, встретимся – опять соберёмся и будем вместе...

Нет уж, лучше не надо! Нет.

Часть II
Вчера и всегда

История шестая

СЕМЬЯ УРОДОВ (1961 год)

Если кому-то ещё не расхотелось узнать, что такое любовь, то я сейчас скажу. Любовь – это мафиозный сговор: двое против всех. Такая маленькая сдвоенная крепость, кровосмесительный заговор двух тел и душ против остального мира. Почти все другие варианты любовных отношений – только попытки имитации, суррогатные альянсы, в которые вступают, чтобы спастись от одиночества, утолить похоть, корысть или какую-нибудь практическую нужду. Ну, или потому, что «так принято» среди людей.

Меня зовут Филиппа Рольф. Мне было тридцать шесть лет в том январе, когда я, слишком, пожалуй, заинтригованная и взволнованная будущей встречей, отправилась на юг Франции, в Ниццу, ради светского чаепития и короткого

знакомства с этой странной парочкой – с Боровом и его женой.

Сразу поясню, чтобы не было недоразумений. Это я сама за глаза, мысленно окрестила его Боровом. А потом и в глаза называла, но тоже мысленно, про себя.

Лет пять назад Боров опубликовал сенсационный роман о любви одного ублюдка к своей несовершеннолетней падчерице, после чего быстро стал мировой знаменитостью, пикантным лакомством для фоторепортёров и газетчиков из разных стран. Пресса теперь кокетливо именовала его Мистером Малышкой. Предсказуемо разный ажиотаж со скандальным липким запахом докатился и до моего северного захолустья.

У меня набралась эфемерная стопочка газетных вырезок, которые могли пригодиться, самое большее, для того, чтобы допорхнуть почтовым путём до автора – потешить его тщеславие и замарать ему пальцы типографским свинцом. Я так и поступила: нашла без больших усилий адрес и отправила Борову эти никчёмные вырезки, сопроводив лаконичным письмом от лица хорошо осведомлённой, заинтересованной читательницы.

На ответ я не рассчитывала и не особо нуждалась в нём.

Как раз в те дни у меня произошёл разрыв с моей сумасшедшей Хильдой. Она забрасывала меня слёзными посланиями в стиле брошенной любовницы, а я отвечала: «Прекрати свои баб-

ские истерики. Не веди себя так, будто имеешь дело с очередным самцом». Заодно мы лениво доругивались в письмах с мамочкой-аристократкой, которая давно усматривала во мне один сплошной порок или чью-то тяжёлую медицинскую ошибку.

Вот на таком неприглядном фоне почта вдруг одарила меня старомодной рождественской открыткой с французской маркой и бегущим, но разборчивым почерком. Я начала читать с конца: «...Если окажетесь на Ривьере, будем рады видеть у нас гостей».

Ну, конечно же, писал не сам Боров, писала его дражайшая вторая половина (любопытно, как она выглядит?): «Мой муж сердечно благодарит за подборку публикаций о нём...» Обратный адрес: дом 57 по Английской набережной. Надо же, какой щедрый сюрприз.

Я не исключала, что это могло быть всего лишь формой любезности, но сразу твёрдо решила поехать к ним в январе.

До поездки мы успели обменяться ещё парой писем. С оглушительной заботливостью моя корреспондентка задавалась вопросом, где я смогу остановиться, так что мне даже пришлось одёрнуть её: «Надеюсь, вы понимаете, что я совершенно самостоятельный человек и никого не прошу меня опекать».

Семейка педантов назначила мне аудиенцию на субботний вечер, 14 января. Я приехала накануне, 13-го, и поселилась в одном из самых дешё-

вых мест. Отель находился далековато от нужного адреса, но для меня это не имело значения.

Переоделась после дороги и ушла гулять. Там было на что полюбоваться. Город сиял полукруглым ожерельем, окаймляющим залив Ангелов. Мне чудились радостные обещания в том, как трепетали под ветром цветные парусиновые маркизы и лохматились головы пальм.

Я знала, что эта странная, очень закрытая парочка притягательна для очень многих людей. И слишком многие хотели бы оказаться на моём месте: получить такое же приглашение, чтобы проникнуть в эту неприступную семейную крепость, увидеть её изнутри. Однако я не позволила себе выказать нетерпеливость и набрала их номер только на следующий день.

Мне ответил неожиданно молодой женский голос: «Когда вы приехали? Ещё вчера?! Вы же полдня потеряли! Тогда ждём вас через час».

Дом 57 нашёлся в двух шагах от гостиницы «Негреско». Это была жёлтая обшарпанная вилла Викторианской эпохи с большими окнами и нарядным выходом к морю. Вот, значит, что выбрали наши затворники-эмигранты. Зимнее убежище на Лазурном Берегу.

Я пришла к ним ровно в четыре часа пополудни. Дверь мне открыл сам Боров. Он выглядел точно таким, как я себе его и представляла: слегка моложе своего законного шестидесяти одного; в глаза бросались безупречная холё-

ность, идеальная выбритость щёк, уже начинающих отвисать, менторский блеск залысин. Врождённую барственность манер и патрицианскую брезгливость он маскировал чуть наигранной, озорной непринуждённостью, которая в любую минуту могла быть сброшена без малейшего сочувствия к неудачливому, неудобному визави.

Ведя меня в просторную гостиную и усаживая в кресло, он заговорил так, будто мы уже закадычные собеседники, которые могут, наконец, вернуться к ненадолго прерванной болтовне:

– Что-то я хотел вас спросить...

В гостиной было солнечно и прохладно.

– Желаете выпить? Что же я такое хотел спросить... Да, вот, кстати. Вам известен секрет голубого вина? Откуда эта голубизна, что за фокус?

Я ещё не успела найти в ответ ни одного слова, когда прямо передо мной, на обманчиво безопасной дистанции, удвоенной старинным зеркалом и косым прямоугольником зимнего солнца, появилась очень худая, высокая женщина редкостной красоты. Мне даже увиделось в первый момент вокруг её головы что-то вроде свечения. Но и после того, как я разглядела ослепительную седину над гладким девчоночьим лбом, световой эффект не исчез – эта женщина вся светилась. Она сказала: «Как поживаете?» – и я только сумела потрясённо улыбнуться и кивнуть.

С появлением супруги Боров не перестал теревить меня расспросами.

Так что мы знаем про голубое вино?

Известно ли мне, что его жена – еврейка?

Догадываюсь ли я, что все буквы и цифры имеют цвет?

Ведь правда «А» радикально чёрная и блестит, как чёрный лак?

Ну да, теперь я должна доказать, что я не совсем олигофрен. Вероятно, для Борова эти вопросы – как сигнальные пароли, вроде набора отмычек к чужой душе.

Вино голубое за счёт можжевеловых ягод.

Что еврейка – не знала, нет. А это категорически важно?

И какой может быть чёрный лак, если «А» краснеет, как фуксия, уходя в неоновый стыдный подбой?

Он вздёргивал брови и польщённо покашливал в кулак. Кажется, можно было на время расслабиться. Я сумела пройти первый тур.

Но мне стоило некоторых усилий, чтобы сдержаться и не сказать: «Ах, какой роскошный экзамен, меня сейчас стошнит! Если тебе так нравится играть в вопросы и ответы, то лучше скажи, мать твою, по какому долбанному праву ты заставил маленькую девочку служить игрушкой для похотливого ублюдка? Это ведь по твоей милости целая армия таких же уродов теперь пускает слюни, заглядываясь на детскую наготу».

Боров, скорее всего, поскуchnел бы, напрягся и ответил с многотонным юридическим пафосом: «Жаль, что вы не заметили, как меня печалит трудная судьба бедной девочки, усугублённая преступными позывами главного героя. Совершенно безнравственный, растленный тип, который сам же себя и наказал».

И после такого светского диалога меня бы с треском выставили вон.

Вместо этого я спросила: «Что вы сейчас пишете?» – и выслушала жеманный спич о том, как сильно проза нуждается в поэзии, и потому он сейчас начал сочинять поэму (точно не помню, кажется, прозвучало название «Палевый огонь»). И, если я пробуду в Ницце достаточно долго (не меньше двух недель? замечательно!), он кое-что успеет мне прочесть.

– Там есть недурные куски. Правда, Вера?

Вера не преминула подтвердить.

Я тогда подумала: «Если ты жена Борова, значит, такая твоя участь – всю жизнь подтверждать и восхищаться». Впрочем, я недооценила её. Просто ещё не осознала, кого я встретила в тот день.

У одного умного англичанина я прочла: «Единственный способ познать человека – безнадёжно его полюбить». Вот именно это скоро со мной и случится.

Мне доверительно пожаловались, что заболела кухарка, а значит, надо придумать, куда пойти ужинать, и от этого будет зависеть, что можно надеть.

Очень хотелось съязвить по поводу тех несчастных, чьи жизненные планы и внешний вид зависят от здоровья кухарки. Но я сказала:

– Жаль, что у меня сейчас нет возможности вас куда-нибудь пригласить.

Вера вдруг ответила:

– О, не беспокойтесь! Для подобных случаев у нас есть мужчина.

Это было сильное заявление, и мне понравился такой расклад: не они вдвоём, не парочка супругов-заговорщиков плюс гостя, приглашённая из милости, а мы с ней – две женщины плюс мужчина, полезный в некоторых случаях.

Мужчина был послан одеваться для ресторана, потом вернулся в тёмном костюме и яркожёлтых ботинках, но, услышав один только возмущённый окрик: «Володя!» (с властным нажимом на букву «л» – «Воллодя»), потащился назад переобуваться в чёрные.

Вера завернулась в меховую накидку, которая очень ей шла и выглядела бы ещё лучше, если бы не комментарий: «Это подарил муж».

Ресторан в отеле «Негреско» мне показался неприлично помпезным, как и сам отель. За ужином Боров развеселился. Он, видно, совсем уже принимал меня за свою, если считал нужным сообщить, например, что ненавидит любые морепродукты, кроме рыбы. Кому в мире это интересно, мать твою! Потом он начал растроганно вспоминать, как, будучи совсем маленьким маль-

чиком, в пять или шесть лет бегал по этому отелю, под его светлым куполом и хрустальной люстрой в вестибюле, по мрамору и коврам. Вера терпеливо дослушала этот мемуар и сказала очень членораздельно: «Воллодя. К сожалению. Насколько я знаю. Когда ты был маленьким мальчиком, отеля “Негреско” не существовало. Он появился немного позже».

За эти слова я готова была её расцеловать.

На обратном пути нам встретился какой-то потрёпанный, убогий персонаж, похожий на облезлого дикобраза. При виде Борова он кинулся его тискать, приобнимать и выпрашивать обо всей жизни, так что нам с Верой пришлось ожидать в сторонке, пока закончится randevu. Выяснилось, что фигуранты учились вместе, в одной школе в Петербурге лет сто пятьдесят назад.

Потисканный и приобнятый, Боров заметно скис и, кажется, готов был в срочном порядке сбежать из Ниццы. Вера ответила: «Подумаешь, несчастье. Ну, столкнётесь ещё раз-другой».

Мы вернулись в их временный дом, на жёлтую виллу, где при вечернем свете анонимные портреты в тяжёлых тусклых рамах и мебель, претендующая на сожительство с кем-то из Людовигов, имели особенно безнадёжный вид.

Раза два я намекнула, что готова откланяться, но хозяева и не думали меня спрашивать, их почему-то остро интересовало всё, что касается

меня и моего будущего. Собираюсь ли я, допустим, оставаться жить в Швеции или хотела бы сменить страну? Если я всерьёз пишу и публикую стихи, то не стоит ли мне переехать в Америку? Там намного больше читателей, а значит, и писательских перспектив. Всё это звучало как-то наивно, я молчала и вежливо пила чай с лимоном, который заварила Вера. Их обоих увлекла идея моего переезда за океан для поступления в Гарвард или Колумбийский университет. Они хоть сейчас готовы написать рекомендацию и ходатайствовать за меня.

Уже за полночь мои новые опекуны востепенулись и кинулись провожать, несмотря на возражение: «Я уже достаточно взрослая, чтобы добраться самостоятельно». – «Не имеет значения, сколько вам лет, – сказала Вера. – Важно то, насколько вы сейчас выглядите».

Пока мы шли по ночным улицам, меня продолжали воспитывать и наставлять. По их мнению, я должна завтра же выбрать отель поближе и получше. Вот хотя бы эту гостиницу «Марина» – просто замечательная! «Вера, откуда такая уверенность, вы жили здесь?» – «Нет, мы не жили. Но посмотрите сами, какие пальмочки расставлены у входа, ну прямо куколки!» Будь на её месте кто-нибудь другой, я бы тут же обсмеяла и эти пальмы-куколки, и сладенький девичий восторг. Но она так ослепительно улыбалась и так заглядывала мне в глаза, что я ощущала в себе одну только радость.

Казалось, не было такой темы, которую супруги не могли бы досконально при мне обсудить. Представьте себе, Стэнли Кубрик, когда снимал постельную сцену с Гумбертом и Шарлоттой, совершенно пренебрёг Володиным сценарием. Ужасно! Сын Дмитрий жалуется из Милана, что у него болит горло и он не может петь. Кухарка выздоровеет неизвестно когда. Ещё бы не ужасно. Английскую набережную модернизировали до полного безобразия. Тоже кошмар. Нам, кстати, так нравятся автомобильчики «альфа-ромео», почему бы не назвать их «альфа-Ромео-и-Джюльетта»? А Володя, представляете, так и не научился водить.

Возможно, всё это выбалтывалось искренне, от чистого сердца, не знаю. Но меня не покидало впечатление, что это рисовка, слаженная игра на зрителя, то есть на меня.

Забегая вперёд, сознаюсь, что с какого-то момента мне станет смертельно важно всё, что Вера думает или говорит за моей спиной. Каждое её слово. Только этим и объясняется тот факт, что в один прекрасный вечер я вскрыла и прочитала письмо, которое предназначалось не мне.

Нет, я ничего не украла, всё получилось намного легче. После нашей очередной прогулки втроем Вера спохватилась – не успела отправить письма, в том числе срочные, и я сама предложила: давайте отправлю на обратном пути. Она была так благодарна, что два раза назвала меня «милой».

Милая так милая, не буду возражать. В моих руках оказались три письма для издателей и одно личное, адресованное, как я потом поняла, родственнице. Вот это четвёртое письмо я ненадолго арестовала, оставила на вечер у себя.

Обойдусь без технических подробностей о том, как вскрывают, не повреждая, запечатанные конверты. Мнегодились пар из кипящего чайника и старая бритвочка «Жиллетт».

После обязательных донесений о текущих делах (Володя захвачен новым романом, пишет запойно, бодрый как никогда; погода солнечная; постоянной кухарки так и нет) бегущий почерк Веры наконец вознаградил меня коротким абзацем, ради которого я и пошла на преступление.

Вот что я узнала о себе.

Красавица-шведка из хорошей семьи, но рано потеряла отца и порвала отношения с матерью. Судя по всему, блестящая умница, поэтесса, владеет чуть ли не десятком языков. При этом равнодушна к женщинам, лесбиянка с совершенно «достоевским» темпераментом. При этом настолько напряжена изнутри, до такой степени наэлектризована, что иногда просто невозможно с ней рядом стоять. Мужской склад ума и слишком, пожалуй, мужественная внешность, но ей это идёт. Володе нравится тоже.

Не буду скромничать: перлюстрация письма не единственное моё преступление за эти две недели. Следующим героическим злодейством был

приход в гости в самое неурочное время, без договорённости и без звонка. Я уже знала, что по утрам, до завтрака Боров обычно пишет, а Вера наводит дамский марафет. Лучший способ заставить их обоих врасплох, с голыми, незащитными лицами – явиться в гости ни свет ни заря.

Я не исключала, что этим утром даже не буду впущена в дом и потом навсегда попаду в немилость. Но Боров молча выслушал скорострельные извинения, обмерил меня каким-то сквозным, судебно-медицинским взглядом и, прежде чем уйти назад к своим бесценным рукописям, дошёл до кресла в гостиной, видимо, уверенный, что здесь я терпеливо дождусь, пока хозяева ко мне снизойдут.

Вместо этого, оставшись одна, я углубилась в интерьерные закоулки, не предназначенные для гостей. Ну да, я пошла в правильную сторону. Почти сразу передо мной приоткрылась дверь, и в ослепляющей близости, нос к носу, Вера крикнула: «Володя, кто пришёл?..» Букет извинений был уже наготове, а заминаемую сообщца и наспех неловкость в одну минуту затмило то, что я рискнула увидеть. Она смутилась не как хозяйка, застигнутая гостьей в неглиже, а как девушка, случайно оголившаяся перед кавалером, который ей не безразличен. И там была одна подробность, которая вызвала у меня тихое бешенство и, можно сказать, слегка повредила ум. Пусть это кого-нибудь насмешит, но я имею в виду мелькнувшие под незапахнутым халатом ко-

роткие цветные штанишки из шёлка. В такие наряжают маленьких девочек или инфантильных девиц, но это уж точно не дамское бельё.

Короче говоря, у меня больше не осталось никаких сомнений по поводу их так называемого брака. Он неплохо устроился, твердила я себе, воспитал из жены суррогатную Лолиту, превратил взрослую прекрасную женщину в покорную травести.

Я так и думала бы, что сумела проникнуть в стыдную семейную тайну изобретателя и дрессировщика нимфеток, если бы не тот случай в кинотеатре – о нём я ещё расскажу.

Вера не переставала меня поражать. Зашёл разговор о том, что в марте ей нужно съездить в Милан, присутствовать на выступлении сына. Но она беспокоилась из-за того, что для перелёта в Милан, оттуда в Мантую, потом назад в Милан и в Ниццу потребуется не меньше трёх суток:

– Я же не могу так надолго оставить Володю одного!

Когда однажды я пришла к ним в подавленном настроении и не смогла это скрыть (меня выбило из колеи кричащее, истеричное письмо от Хильды), Вера не задала ни одного лишнего вопроса, а принесла из кухни яблоко, почистила и протянула мне половинку. Периодически она осведомлялась, всё ли удобно в моей гостиной и не надо ли погладить что-нибудь из моих вещей.

В день, когда я нагрянула без предупреждения в непозволительно раннее время, они вели себя холоднее, сдержанней обычного, но потом всё как-то немного распогодилось. Борову прислали типографские гранки для авторской правки, он с наслаждением принимался к свежееотпечатанным листкам, косил в мою сторону смещливым хитрым глазом и предлагал понюхать мне. Я подумала: а когда ему в руки попадает уже вышедшая собственная книжка, он, наверно, не только нюхает, но и пробует её на зуб? Может, к этим ритуалам и сводится его главное писательское удовольствие?

Говоря уж совсем откровенно, после того как я сочла, что короткие детские штанишки на взрослой женщине – достаточно выразительная улика, у меня возникла потребность отомстить. Тогда казалось, я могла и убить его, если б только увидела согласие Веры или хотя бы намёк на согласие.

Один-единственный раз мы остались наедине, просто сбежали ненадолго погулять, и я сейчас понимаю, что эти полтора часа стали самыми счастливыми в моей жизни. Мы засиделись на скамье, глядя на залив Ангелов, который искрился на солнце так, что было больно глазам. Вот там я и задала свой жестокий вопрос. Набрала в лёгкие побольше воздуха и спросила: «Случись вдруг такое несчастье – твой муж внезапно умер, оставил тебя одну, что будет на сле-

дующий день после похорон? Как ты станешь жить?»

Она молчала целую минуту, потом сказала:

– Никак. Найму аэроплан и разобьюсь.

Я сказала:

– Ой, да ладно.

Она ответила очень мягко:

– Только лучше без цинизма.

И даже не разозлилась ничуть. Не отстранилась, когда я, мысленно прося прощения за грубость, ладонью накрыла её бедро, горячую тонкую косточку под чёрным платьем. Стерпела интимное требовательное касание. Даже если за этим скрывалось безоговорочное равнодушие ко мне, её природная ласковость оказалась сильнее.

Рядом со мной, отдельно от Борова она была не пятидесятивосьмилетней супругой пожилого, избалованного славой романиста, а совершенно самостоятельным чудесным существом, гораздо моложе и нежнее, чем я.

Почему я упомянула про возраст?

С самого детства, глядя на людей старше меня, я почти машинально думала: вот этому человеку осталось жить меньше, чем мне. Вот он (или она) умрёт раньше, а я ещё буду жива. И только подобная мысль о Вере впервые вызвала у меня настоящую нестерпимую боль.

А вместе они выглядели то солидной супружеской четой, то идеально скоординированной парочкой сообщников. Посреди самого невинного

разговора они вдруг спаривались, как бабочки, которые пользуются каждым удобным кустом, и разъединялись так быстро, что невозможно было ничего углядеть.

Я поинтересовалась, в каком году они стали мужем и женой. Боров в шутливых тонах ответил, что случилось это примерно в том же году, когда я родилась. Тут я злорадно подумала, что такая давность как минимум гарантирует отсутствие взаимной страсти и свежести чувств. Но уже послезавтра они с лёгкостью, сами того не желая, докажут мне, насколько я была глупа.

Послезавтра придумали сходить в кинотеатр.

Сели так: она справа, он слева, я – посередине. Когда на экране замелькала кинохроника о бое быков, Вера по-хулигански засунула два пальца в рот и попробовала свистнуть, но ей это не удалось. Тогда она вынула изо рта пальцы и сказала громко, на весь зал: «Зачем нужно показывать эту гадость?»

Потом начался фильм – я не запомнила какой. Напрасно я села между ними, это было ошибкой. С тем же успехом я могла замкнуть своим телом оголённые высоковольтные провода. Меня било током с обеих сторон, трепало и трясло, как подстреленную ворону или рваную тряпичную куклу. А эти двое прекрасно существовали в своём обычном режиме. Вера вынула конфету из сумки и в темноте протянула мужу, едва не касаясь моих колен. Он взял конфету, но руку не убрал. И она не убрала тоже.

Вряд ли им было заметно, что я смотрю вниз, не на экран. Скорей всего, их это вообще не волновало. А волновало совсем другое. Точное название того, что они совершали в потьмах с помощью рук, мне неизвестно. Если в природе возможно совокупление руками, то это было именно оно: бесшумный бешеный секс. Причём та сторона, которая предложила конфету, вовсе не была пассивно-страдательной.

Собственно, я могла бы ничего не говорить о том, что увидела, кроме одной вещи: эти люди, прожившие вместе, почти не разлучаясь, тридцать с лишним лет, сходили с ума друг от друга не меньше, чем насмерть влюблённые подростки, прячущиеся в кинозале ради голых слепых прикосновений и вороватого трения тел.

После кино у Борова было роскошное настроение, что не помешало ему за ресторанным столиком учинить устный геноцид братьям-писателям. Он начал с ничтожного Хемингуэя, который якобы стал неудачной заменой Майн Рида, поскольку Майн Рид всё-таки сочинял заметно лучше. Бездарность Камю и Сартра настолько очевидна, что может стимулировать желудочные спазмы. Стендаль и Томас Манн вполне сгодятся как сильнодействующие снотворные. Вольтеру спасибо хотя бы за то, что писал не очень длинно. Больше всех досталось на орехи «Доктору Живаго» Пастернака, лири-

ческому размазне с эпохально-беспомощной амбицией.

Я забыла спросить, чем все эти авторы ему так насолили.

Вообще, Боров мог сойти за отъявленного модерниста, если бы не выглядел иногда адски консервативным. Когда между прочим речь зашла об искусственных спутниках Земли и советских успехах в космосе, он заявил, что всё это политическая пропаганда, мыльные пузыри для фанатиков и дураков. Зато он готов был часами рассказывать о каком-то бельгийском маньяке, об аномальных сдвигах во времени и таинственных исчезновениях морских судов.

Вечером я вернулась в комнату, которую снимала, свалилась на кровать и, стыдно признаться, проплакала почти до утра.

Раз уж на то пошло, сказала я себе, если твоя любовь невзаимная, запретная, бесцензурная, неправильная, это ещё не значит, что её нет!

В сущности, я просто оплакивала бедные остатки моих иллюзий. Их и так-то было ничтожно мало, раз-два и обчёлся. Но ещё какое-то время они будут вылезать на свет, как бестолковая новорождённая трава из-под брусчатки.

Например, когда я уже перебралась в Соединённые Штаты, и моя бесприютная Хильда приехала туда ко мне, и мы решили жить в Кембридже вместе, по-семейному, я посчитала нужным написать об этом Вере. Ответом был самый не-

милосердный разнос. Она, видите ли, безоговорочно осуждает меня. Потому что наша с Хильдой связь непристойна и неразумна. И у Володи точно такая же точка зрения.

Как же я в тот день ликовала: она ревнует! Конечно, ревнует. А на Володино мнение ссылается лишь для того, чтобы скрыть, как она лично уязвлена. Я ответила: «О такой актрисе, как вы, любой режиссёр может только мечтать!» Вера смолчала, прикусила язык. Но лучше бы я тогда не ликовала, а кое-чему научилась у своего краснотлазого горя.

Я покинула Ниццу в пятницу, 27 января. Перед самым моим отъездом Боров так расщедрился, что подарил мне сразу несколько собственных изданий с автографами. Хотя обычно, по словам Веры, он не надписывает книги никому.

Довольно скоро, между прочим, я прекратила мысленно обзывать его Боровом. И не только потому, что эти две недели он был со мной изысканно галантен и добр, а чуть позже поставил свою подпись под рекомендательными письмами в Гарвард и Корнелл. Любая другая на моём месте расценила бы это как одолжение или высокую милость. А я никак не могла справиться с догадкой, что от меня хотят отделаться, потому и отправляют подальше, в безопасную ссылку, к чёрту на рога.

Что ещё? Я попросила разрешения написать откровенный рассказ о нашем знакомстве, о них

двоих. Мне дали великодушное согласие, сопровождаемое стерильными улыбками.

При всей готовности к неравным позиционным боям и дуэлям я себя заставила обращаться к обоим супругам одинаково приветливо, по именам. Но позднее, когда конфликт вскроется, как созревший фурункул, и отношения воспалятся аж до степени юридических вмешательств, я буду внятно предупреждена, что **никто не позволял** мне называть их так запросто, как принято между близкими людьми.

Тот рассказ о нашей январской встрече я писала очень медленно, с самой отчаянной скрупулезностью, на какую только способна, будто пыталась гравировать на хрусткой ледяной корочке единственные слова, настигавшие меня во сне или в моих одиноких бдениях над исчерпанным листком. За несколько лет я написала шесть разных вариантов, не смея забыть, что главные персонажи первыми всё это получат и прочтут.

Печальное наблюдение за природой вещей: все они имеют способность портиться. Самые необходимые портятся быстрее других. До какой же степени порчи должны были дойти наши драгоценные отношения, чтобы на вторую версию моего рассказа Вера ответила просьбой о двух маленьких поправках, а на шестую – высокомерным извещением: «Мой муж слишком занят и не в состоянии уследить за всеми переделками в вашем тексте»...

Теперь каждый новый успех Володи и любое хвалебное упоминание его имени в прессе вызывали у меня тихую ожесточённую ревность. (Может, так проявляются первые признаки безумия?) Но в то же время я чувствовала решимость перегрызть горло всякому, кто взялся бы небрежно, походя критиковать Володю или его книги.

Я знаю, что на многих людей он производит впечатление холодного светского сноба. Не хочу никого переубеждать. Но у меня перед глазами встаёт Вера, которая, давясь от смеха, изображает в лицах незабываемые встречи с голливудской элитой. Володя при этом смущённо подхихатывает.

Их приглашают на коктейльную вечеринку в дом какого-то могущественного продюсера, где среди гостей присутствует Джон Уэйн, король вестерна, суровый мускулистый ковбой: его рекламные портреты, на коне и с винчестером, красовались тогда на афишах в полнебоскрёба по всей Америке.

Вежливый Володя не находит ничего лучше, чем подойти к Уэйну и осведомиться: «А вы чем занимаетесь?» Звезда экрана смиренно отвечает: «Да я киношник».

На другом голливудском приёме Володя встречает миловидную брюнетку с подозрительно знакомым лицом. Здесь он тоже старается изо всех сил вести себя вежливо и по-светски: «Вы случайно не француженка?» Брюнетка смо-

трет круглыми глазами и говорит: «Вообще-то, я Джина Лоллобриджида».

Когда Мэрилин Монро позвала этих странных супругов продолжить вечеринку у неё дома, они тут же посмотрели на часы: «Ох, извините, уже поздновато, нам пора!» Такая вот светскость.

Несмотря на дистанцию размером с океан (а может, благодаря такой дальности), в моих письмах к Вере наконец прорезались голые слова – я больше не скрывала своих чувств. И всякий раз она умудрялась эти признания как бы не замечать. В ответ меня пичкали текущей информацией о чём попало. Володины занятия на теннисном корте. Взятый напрокат «пежо» с механической коробкой передач. Отельные апартаменты в швейцарском Монтрё. Атласный блеск Женевского озера. Даже прикормленная стайка воробьёв, которые, осмелев, суетятся прямо у Вериных ног, – подробность, достаточная для того, чтобы я сама вдруг почувствовала себя приручённым и вконец обнаглевшим воробьём.

Апрель шестьдесят третьего накрыл меня таким жестоким нервным срывом, что возможность одним взмахом распрощаться абсолютно со всеми и со всем, включая себя и собственную жизнь, казалась мне самой сладкой перспективой. Я предпочитала, чтобы о моей смерти Вера узнала не от посторонних, а от меня самой.

Поэтому я написала ей:

«Прощайте! Вы единственная, кого я любила за всю свою жизнь».

Пусть кто-нибудь попробует угадать, что она мне ответила.

Есть варианты? предположения?

Она не ответила **ничего**.

Будем считать, что фигура умолчания – самая громкая.

Мы встретимся ещё дважды, спустя три года после зимней Ривьеры: сначала они заедут в Кембридж, потом меня занесёт назад в Европу, и обе встречи будут обезображены оттенком вынужденности, как хирургические процедуры, которых невозможно избежать.

В декабре 1964-го они ещё обсуждали со мной шведские переводы Володиных романов и неожиданно купили мне пальто – подарок, похожий на раздачу долгов или на последнее «прощай».

А уже в 1969-м эта семья уродов натравила на меня адвокатскую контору “Paul, Weiss”.

Нет, их целью не было меня засудить или упрясть в каталажку. Цель была другая – чтобы я прекратила им писать. Они, знаете ли, защищали свою долбанную ргівасу, ту самую крепость-кроватьку, потную конуру, спаленку, люльку для пролежней. Альков для детских штанишек. От кого? От меня?!

Да, не скрою, к тому времени я уже далеко заплыла за буйки. О, это было роскошное состояние! Я разрешала себе двадцать-тридцать отправлений в месяц – открыток, писем, телеграмм и сверхсрочных мысленных депеш. Мне уже ничто не мешало посреди ночи сорваться с постели и, едва унимая дрожь, описать на шести листах для моей глупой Веры сцену блаженства, о котором она даже не рискует мечтать! А-ахх, уже поздно? Так почему бы нам не лечь втроём? Ну, скажи честно, Вера, чья ладонь приятнее для твоего бедра? Говори, чья!

Эти ребята из “Paul, Weiss”, конечно, большие умники. После их вмешательства и жёсткого запрета на переписку я начала отправлять по два письма в день.

Но, Вера. Если ты выше всего ценишь закрытую частную жизнь, то за каким хреном ты впустила стряпчих с оловянными глазами в нашу бедную тайну?

Ты старше на двадцать три года и умрёшь гораздо раньше меня*.

Когда тебя не станет, кто среди живых вспомнит, как твоё сияние затмевало блеск Ниццы и распахнутый перед нами залив Ангелов? Может, хотя бы для этого сгодится моя несуразная

* Филиппа Рольф умрёт в 1978 году от скоротечного рака почки. Вера Набокова переживёт её на тринадцать лет.

Игорь Сахновский

запретная судьба? Ведь каждый из нас был ребёнком и каждый, абсолютно каждый обречён. А значит, вправе дожидаться – дожить хоть до чьей-нибудь жалости и любви.

История седьмая

ХОЗЯЙКИ БУДУТ СТАВИТЬ ТЕСТО (1563 год)

Я не имел чести знать своих родителей, да и они вряд ли успели со мной познакомиться, поскольку имя Паоло мне дала торговка фруктами с рынка в Каннареджо, которая торговка, ныне покойная, нашла меня в ближайшем огороде младенцем без малейшей одежды, пусть земля ей будет пухом.

А грамоте я был обучен отцом Джованни из приюта для сирот. Сказанный Джованни в праздники водил нас в церковь Санта-Мария деи Мираколи, но в другие дни велел наказывать телесно с превеликим тщанием, вплоть до вспухания наказанных мест.

Благодаря такой науке я, дожив до сознательных годов, выбрал самую скромную и незаметную должность, каковую только можно было отыскать в Лагуне, о чём ни разу не пожалел.

И теперь, стало быть, имею возможность собственноручно и правдиво описать на этих листах, как одним лишь движением моей левой руки сотворились любовные бедствия и гибельные злодеяния, чьим невольным виновником явился невидимый миру человечиска вроде меня.

В мои обязанности входило будить по утрам хозяек, желающих ставить тесто. Это я и делаю по сей день, в точно указанный час с большим удовольствием по причине полной свободы, которую мне даёт моё ремесло. А то, что оно золотых дукатов и атласного камзола не принесло, так я ведь и родился без таковых, и на тот свет забрать не сумел бы, сколько бы ни накопил.

Когда обитатели Лагуны ещё досматривают десятый сон, я могу пройтись безлюдной Пьяццеттой и заново узреть, как на верхушке колонны из гранита мой любимейший Сан-Теодоро протыкает утренние сумерки копьём, а на второй колонне лев расправляет свои орлиные крылья, нагоняя на меня детский страх.

А в ту пору, о которой я веду речь, в палаццо Капелли жила молодая прелестница по имени Бьянка, дочь патриция Бартоломео Капелло, известного своим суровым нравом.

Поговаривали, что сказанная Бьянка ведёт себя куда более фривольно, нежели принято среди знатных дам её круга. Хоть она и не восседала на манер известных куртизанок в паланкине, который несут по улицам рабы-мавры, но повсюду,

где являлась, открыто ублажала мужские взгляды красотой и роскошью телесных форм, равно как и локонами золотистого цвета.

И неминуемо случилось так, что красота Бьянки запала в душу небогатому юноше по имени Пьетро Бонавентури, который покинул родную Флоренцию и прибыл в Лагуну в поисках лучшей участи, а работу здесь нашёл с помощью своего дяди Джанбаттисты Бонавентури, в чьём доме влюбчивый племянник и поселился. Один только узкий проулок отделял этот дом от палаццо Капелли. Ничто не помешало сказанным Пьетро и Бьянке высматривать друг друга через окна, затем увидеться в церкви, а потом уже обменяться любострастными взглядами и с помощью знаков, понятных двоим, условиться о тайной встрече.

Узнай кто-нибудь о любовном сговоре, жестокое наказание настигло бы их обоих. Да и бедняк Пьетро навряд ли сам решился бы сделать первый шаг. Из них двоих смелей и предприимчивей была Бьянка Капелло.

Каждую ночь, когда весь дом засыпал, она украдкой спускалась по лестнице, отворяла дверь чёрного хода и перебежала узкий проулок, чтобы оказаться в объятьях флорентийца.

Видимо, не имея ключа, она оставляла свою дверь приоткрытой, потому как в противном случае не смогла бы затемно, перед рассветом отомкнуть щеколду и незамеченной вернуться к себе.

Злоключение, котороестряслось в одно дождливое утро, можно было бы приписать коварному Року, если бы роль сказанного Рока не исполнил я сам, проходивший в тот час мимо палатки Капелли, поспевая по своим обязанностям, дабы вовремя поднять с постелей хозяек, желающих ставить тесто.

И, раз вокруг поблизости не было ни одной живой души, заметив незапертую дверь, я счёл своим долгом поскорее захлопнуть её. Каковую любезность я оказал исключительно по незнанию ради предохранения от воров.

Можно вообразить, как Бьянка, разнеженная постельными утехами, спешно возвращается к себе и вдруг утыкается лбом в запертый чёрный ход. Так она в одно мгновение потеряла и свой дом, и всю прежнюю жизнь.

Мне отнюдь неведомо, что совершила бы иная благородная дама, окажись на её месте. Но Бьянка тут же стремглав кинулась назад, через проулок и чуть слышно постучала в дверь Пьетро Бонавентури, которому сказала, что отныне их судьбы становятся одним целым.

Хотя история побега из Лагуны осталась тайной для всех, нетрудно догадаться, что любовники устремились во Флоренцию, в родительский дом Пьетро, в то время как превеликая ярость обуяла семейства Капелло, особенно отца и дядю, каковые кричали, что в их лице обесчещена вся венецианская знать. По требованию сказанных родственников Джанбаттиста Бонавентури

угодил в темницу, который вскоре там же и скончался, пусть земля ему пухом, меж тем как было объявлено вознаграждение в три тысячи золотых дукатов тому, кто исхитрится любым способом настичь и умертвить похитителя Бьянки. А ещё позже Синьория затребовала у герцогов Тосканы выдать обоих беглецов.

Говорят, родители Пьетро жили в домике на виа Ларга скромнее скромного и на радостях, что сын привёз молодую сноху, даже прогнали единственную служанку, взвалив на Бьянку всю чёрную работу.

Опасаясь мести из Лагуны, беглая новобрачная старательно хоронилась, почти не выходила на улицу, разве что иногда от скуки выглядывала тихонько в окно. Несмотря на таковую предосторожность, по городу пошёл слух, будто в доме Бонавентури появилась изысканная особа несравненной красоты.

В ту пору Франческо Медичи, будущий великий герцог Тосканы, прослышал о таинственной прелестнице и стал, говорят, часами намеренно прогуливаться по виа Ларга, дабы углядеть молодую женщину, о которой любовно страстно мечтал.

Между тем за дело взялся опытный помощник, испанский маркиз Мондрагоне, герцогский фаворит, каковой Мондрагоне подговорил свою супругу, почтенную матрону, приблизиться к загадочной даме в церкви, куда Бьянка в редкие

дни осмеливалась ходить вместе со свекровью, закрывая накидкой лицо.

Сказанная маркиза хитроумно свела знакомство с матерью Бонавентури, когда та была одна, подошла и заговорила с сочувственным видом о том о сём. Простодушная старушка охотно жаловалась на бедность, на всяческую стеснённость, а заодно сболтнула о женитьбе сына и о своей снохе. На что маркиза выказала прегорячее душевное участие, обещала помочь, пригласив обеих женщин к себе домой, дабы они выбрали себе наряды и украшения, какие захотят.

А вскорости за Бьянкой и её свекровью была прислана карета, которая отвезла их в палаццо подле Санта-Мария Новелла, где жили Мондрагоне. Там, по стовору с хозяевами, уже тайно поджидал, спрятавшись в верхней комнате, наследник флорентийского престола.

Приняв смущённых гостей с особой лаской, маркиза долго водила их по саду и пышным полям, а когда старая Бонавентури утомилась ходить, хозяйка позвала Бьянку наверх полюбоваться платьями и драгоценностями, которая была не в силах отказаться, тем более что ей велели: «Выбирай, что душе угодно!» и оставили одну. Но не успела она оглянуться, как в комнату вошёл смуглый неказистый человек, каковым был сказанный Франческо Медичи.

Когда Бьянка поняла, кто перед ней, она повалилась на пол ничком и взмолилась о помощи, прося защитить их с мужем от венецианских

смертных угроз. Молча поглядев на неё, Франческо ответил, что теперь ей нечего бояться, и тотчас ушёл. Но от женских глаз не укрылось, что душа его пришла в восторг и всем его существом завладела безмерная страсть.

Говаривали, с того же дня Бьянка сделалась главной фавориткой, затем любовницей Франческо Медичи, а потом и любовью всей его жизни, так что, придя к власти, он открыто пренебрегал законной женой Иоанной, великой герцогиней Тосканской, каковая герцогиня померла то ли с горя, то ли от неудачных родов, земля ей пухом, хотя люди судачили, что без яда не обошлось.

Бонавентури переехали в просторный дом на другой улице. Пьетро заполучил важную должность и проник в знатные круги, но это не пошло ему на пользу, поскольку он гордился и кичился без меры новым своим положением. К тому же, давая супруге волю, сам теперь норовил залезть в постели к самым блестящим синьорам. Дошло до того, что видные флорентийцы, один за другим, стали жаловаться, дескать, сказанный Бонавентури учиняет непотребства с их жёнами и дочерьми.

Среди недовольных было семейство Рицци, к каковому семейству принадлежала девица по имени Кассандра, чьей невинности Пьетро настырно домогался.

Франческо Медичи не внял жалобщикам, а только предупредил виновника, что тот может

плохо кончить, однако неразумный Пьетро, подкараулив на улице одного из Рицци, грязно оскорблял и запугивал его, приставив к самому горлу кинжал. Таковое поведение тоже стало известно герцогу, и он сказал взбешённому Рицци: «Поступайте с ним по собственному усмотрению, я вмешиваться не буду», а сам покинул Флоренцию на несколько дней. Когда же возвратился, дело уже было сделано. Неузнанные убийцы зарезали Пьетро Бонавентури, идущего домой после утех с Кассандрой, и в тот же самый час кто-то придушил сказанную Кассандру в опозоренной постели. Пусть ей земля будет пухом.

Людская молва не жаловала Бьянку Капелло за то, что, будучи фавориткой, она вела себя уже как законная владычица Тосканы, а после смерти несчастной герцогини Иоанны даже не скрывала своего торжества. Для овдовевшей Бьянки отныне самым горячим желанием было выйти замуж за Франческо, теперь тоже вдовца, который Франческо души не чаял в любовнице, но жениться не торопился. Поговаривают, что, в конце концов, она подкупила герцогского духовника, дабы сказанный священник на исповеди склонил Франческо в нужную сторону.

И, как стало известно, похоронив жену в середине весны, герцог уже в начале июня тайно женился на Бьянке. Хотя ему с великой настойчивостью советовали послушаться рассудка и не связывать свою судьбу с венецианской красоткой.

Тот, кто пытался вразумить Франческо, был, говорят, его родной брат, кардинал Фердинанд Медичи, который кардинал по вине Бьянки мог лишиться права на престол, и с некоторых пор у неё не было более злого и проницательного врага, нежели сказанный Фердинанд.

И вот, дабы достичь полной власти над герцогом, Бьянке оставалось родить ему наследника, для чего непрерывно служили мессы и приглашали учёных мужей, умеющих судить о положении звёзд, которые, как известно, не только направляют, но иногда и принуждают людей пойти в правильную сторону, но каковые зловредные звёзды отказывали Бьянке в том, чтобы она родила.

Впрочем, иногда разносилась весть, что госпожа отказывается от еды по причине сильной тошноты, хотя, возможно, это делалось притворно. Говаривали, что в подаренном Бьянке палаццо тайно были поселены сразу несколько беременных женщин, из которых первая родившая на свет мальчика обречена уступить его госпоже.

Помимо сказанных узниц в эту же тайну была посвящена служанка по имени Джованна, что приглядывала за роженицами, и только ей одной звёзды позволили убежать и скрыться, когда Бьянка в своём безумии наняла убийцу, дабы умертвить всех соучастных женщин, для чего сама же отправилась ночью к мосту Понте Веккио заплатить хладнокровному душегубу за безвинную кровь.

Неведомо кто, а возможно, сказанная служанка Джованна перед побегом успела доложить кардиналу Фердинанду о затее с новорождённым. Рассказывают ещё, был один скрытый пособник Бьянки, монах из францисканского монастыря, каковой монах молча ждал своего часа.

Говорят, разыгрывая роды, Бьянка начала стонать и кричать, тогда как поблизости от её спальни, в передней прохаживался кардинал Фердинанд, делая вид, что читает требник. Время шло, герцогине становилось всё хуже, и наконец она велела позвать своего духовника, поскольку желала причаститься. Вскоре явился подговоренный францисканец, готовый услужить госпоже, но Фердинанд остановил монаха у дверей спальни, обняв его с необычайной сердечностью и со словами: «Благодарю, святой отец, что пришли! Видно, без вашей помощи герцогиня уже никак не могла обойтись». И притом, не разнимая объятий, нащупал под рясой ребёночка. После чего двулично вскричал: «Хвала Господу, герцогиня принесла наследника!» И, раз Бьянка слышала таковые слова, она уразумела, что Фердинанд раскусил хитрость, а значит, волен, когда пожелает, предать дело позорной огласке и вконец погубить её жизнь.

Но Бьянка Капелло и тут переборола судьбу. Немного позже, говорят, она сама призналась мужу в обмане и вымолила у него прощенье, чередуя слёзы и неумеренные ласки, разжигающие

похоть. К тому времени младенец, названный Антонио Медичи, уже был признан законным сыном герцога, получив титул наследника.

Простым людям вроде меня трудно постигнуть, зачем знатные особы, вкусив наяву от любых щедрот, поступают со своей жизнью именно так, а не иначе. Зачем они обустроивают для себя столь роскошный адский вход? Разве это объяснить одной лишь ненасытностью?

Ведь у них, всемогущих, как и у меня, глядящего снизу вверх, желудок вмещает не более кушаний, чем ему положено вместить. А что касается прелестей власти, то сказанные прелести находятся выше моих разумений. Но неужто великих мира сего не тревожит, в каком виде, в чистом или непотребном, они вернут небесам свою душу, взятую взаймы?

Страшный конец истории Бьянки Капелло приключился во время празднества в Поджо-а-Кайяно, одном из чудеснейших имений флорентийских герцогов, разукрашенном, как говорят, искусным и достославным Понтормо.

Бьянка с её злейшим недругом, кардиналом Фердинандом, уже давно делали вид, что подружались, и частенько трапезничали за одним семейным столом. Вот и в тот вечер после охотничьих забав кардинал приглашён был на угощение, и, дабы выказать особенную любезность, герцогиня, говорят, собственноручно приготовила его любимые пирожные.

Но Фердинанд, будучи якобы не в духе, невзирая на слишком настойчивые уговоры невестки, даже не прикасался к лакомству. Тогда Франческо Медичи, подсмеиваясь над братом: «Что ж, дескать, боишься всего на свете?», сам тут же отведал кушанье. И Бьянка, бледнея, немедленно тоже взяла себе кусочек. А вскоре оба они катались по полу, сжигаемые изнутри адскими мучениями, крича и умоляя позвать врача, но люди кардинала по его указанию встали у дверей, дабы не допустить ничьей помощи.

Уже на следующий день Фердинанд Медичи сделался великим герцогом Тосканы. Тело его несчастного брата, накормленного ядом из рук обожаемой жены, упокоилось в церкви Сан-Лоренцо, пусть земля ему пухом. А прах самой Бьянки Капелло похоронили в неизвестном месте и отовсюду, со всех дворцов сбили и стёрли торжественные вензеля с её именем.

Нынче утром, проходя безлюдной, тихой Пьяццеттой, я подумал, а может ли случиться так, что мой любимый Сан-Теодоро вдруг устанет вздывать копьё и оно уткнётся в землю, злодеяния останутся без наказаний, а внимательное божеское око с печальным разочарованием отвернётся от нас?

Если так произойдёт, догадаемся ли мы сами об этом или же подсказкой нам будет то, что вся Лагуна захлебнётся высокой водой, даже серебряные главы Сан-Марко скроются в подводной

ХОЗЯЙКИ БУДУТ СТАВИТЬ ТЕСТО (1563 год)

темноте, и только рыбы смогут ими любоваться?
Один Бог знает.

У меня же пока имеется последняя подсказка и путеводная примета, когда я в утренних сумерках прохожу над спящими каналами: если я приду и постучу точно в назначенный час, то хозяйки будут ставить тесто и в их домах начнётся правильный день.

История восьмая

МАЛЬЧИК, ПЕВИЦА И ФАТА-МОРГАНА (1982 год)

Я родился в такси. В нашем городе в те годы поездка на такси была редкой, малодоступной роскошью. Заведомо невыгодных клиентов водители игнорировали, как лиственный мусор на обочине.

Но отец сказал надменному таксисту, что в случае чего может расшибить ему башку. Опыт расшибания голов у отца уже имелся, как и отсиженный за это срок. Благодаря такому обстоятельству моя мама успела родить не на пыльном асфальте улицы Советской, а на заднем сиденье автомобиля «Волга».

Когда мне было три месяца от роду, отцу вдруг захотелось понянчить сыночка, он взял меня на руки и вышел на балкон. Мы жили на четвёртом этаже панельной пятиэтажки. Был воскресный день. Пока отец нянчился, он успевал одновре-

менно отхлёбывать из бутылки «Жигулёвское», прикуривать папиросу и громко обмениваться впечатлениями о погоде с соседом, который стоял под нами, на балконе второго этажа. К счастью, сосед в ту минуту пива не пил и руки у него были свободны. Поэтому, когда отец меня выронил, сосед не проявил особых чудес ловкости – он просто поймал запелёнатую вещь и сказал три слова: «Вот это класс».

Не знаю, как тот полёт повлиял на трёхмесячный организм. Скорей всего, никак. Зато всю жизнь, почти регулярно мне снится один и тот же сон: я выпадаю из чьих-то родных небрежных рук, лечу вниз, готовый убиться, но кто-то чужой внезапно ловит меня и прижимает к себе.

Незадолго до того как отца посадили в очередной раз, в семье было два счастливых момента, совпавших с двумя покупками – швейной машины «Подольск» и застеклённого полированного серванта. Обе вещи привезли из комиссионного магазина и поставили на почётные, раз и навсегда отведённые места. Мне запомнилось, как отец сипло дыхнул на полировку, протёр запотевшую дверцу рукавом и твёрдо пообещал: «Ну, вот теперь поживём».

Мама говорила, что полёты снятся, когда человек растёт.

Может быть, это и правда, но про какого-нибудь другого человека. Потому что, несмотря на летательные сны, в тринадцать лет я перестал

расти – вообще перестал. Так и остался на вид подростком, учеником шестого или седьмого класса. Меня даже не взяли в армию из-за недостаточного роста и веса. Кому это понравится, если тебя в любом возрасте называют мальчиком? Поначалу сильно доставало, потом я привык.

Наш дом стоял в окружении бараков, построенных до войны. Одно время я был уверен, что жить в бараках достойны только очень специальные люди. И у меня вызывали острую зависть их специальные романтические возможности – носить в бидонах воду из уличной колонки и ходить на улицу в общий туалет.

К тому же так совпало, что в этих бараках обитали два главных человека моей жизни. Первым человеком была Полина, вторым – Натан Моисеевич.

Сначала про второго. Соседи по двору дружелюбно обзывали Натана Моисеевича «жидом на колёсиках». Он ездил в инвалидном кресле-каталке, которое постоянно ломалось. Раза два я замечал с балкона, что Натану Моисеевичу не удаётся взехать на своё барачное крыльцо, и оба раза я сбегал вниз, чтобы ему помочь. Помогать было приятно, но в то же время как-то неловко. Не хотелось, чтобы во дворе это кто-нибудь увидал.

Потом он позвал меня в свою берлогу. Там странно и вкусно пахло горелым шоколадом, не было ни одного полированного серванта, но стояли целые утёсы из книг.

Я спросил, почему его называют жидом. Он сказал, что это не совсем справедливо. Правильнее будет сказать: вечный жид. И пояснил, что быть вечным жидом – это вроде наказания для человека, который в своё время из вредности отказался помочь Христу. Тут я его по-пионерски строго перебил:

– А разве бог есть?

– Есть, конечно. Только он сам об этом часто забывает.

Вот как раз от вечного жида я потом узнал самые потрясающие тайны. Но сейчас не буду забегать вперёд.

О Полине я мог бы говорить бесконечно, но мог бы и смолчать под любыми пытками, потому что это моя пожизненная возлюбленная. Хотя любовь у нас немного необычная. Чтобы это понять, желательно знать сказку про Снежную королеву. Там мальчика по имени Кай похищает высокая белоснежная женщина – прямо на улице зимой. И тогда Герда, его подружка, вся такая преданная и правильная, отправляется вызволять Кая.

Мы с Полиной посмотрели этот фильм (в одном кинотеатре и двух домах культуры) не менее шести раз. И пришли к выводу, что Герда здесь явно третья лишняя. Нет, она, конечно, героически верная подруга и всё такое, спасибо ей. Но похищенного Кая совершенно не требовалось вызволять. Точно так же, как и меня. А то, что Полина была вылитой Снежной королевой, разглядел бы даже слепой.

Мы не ходили по улицам вдвоём, а встречались, как тайные агенты.

Она ни разу не согласилась прийти ко мне домой в отсутствие матери. Говорила: «С ума сошёл? Так будет неприлично». Поэтому свидания мы устраивали в бараке, в её комнате, когда отец и мачеха Полины уходили на работу. Во время свиданий мы всегда делали что-нибудь такое, чего нельзя было видеть никому. Например, ложились на диван, обнимались и дышали друг другу рот в рот.

Кроме того, мы вели секретные разговоры.

Мне нравилось говорить об ужасающе далёком будущем, а ей – только о прошлом. Я начинал: «Вот представь. Допустим, через тридцать лет. Это какой уже год будет?..» Она брала карандаш, бумагу в клетку и складывала столбиком: «Ого. Две тысячи двенадцатый. Следующий век. Таких годов-то не бывает».

Ей было глубоко наплевать на следующий век: ну что там может быть интересного? Сплошная техника и дизайн. Она считала, что, окажись я в две тысячи двенадцатом году, я стал бы там дизайнером. Это ещё куда ни шло. А ей самой пришлось бы ходить на работу куда-нибудь в сберегательный банк. Такую нелепость я тоже не мог вообразить. Полина мечтала только о старинном прошлом.

Весной на ближнем пустыре случилось счастье в виде заезжего цирка шапито. Каждый ве-

чер я перелезал через оградку, составленную из металлических сеток, типа кроватных, заныривал под брезентовый полог военно-защитного цвета и ни разу не был пойман.

Там был один роскошный соблазн, с которым не могли сравниться ни полуголые сёстры Вольф, блистающие под куполом серебряной чешуёй, ни туркменские джигиты под управлением Давлета Ходжабаева – эти грозно кричали, гоня по кругу тяжёлые волны конского пота. После антракта, во второй части спектакля резко замолкал оркестр, выключали свет, и громовой голос объявлял: «Гений иллюзиона! Престижджитатор мирового класса. Встречайте! Мистер Икс!» Потрясение начиналось вот с этого мучительного слова «престижджитатор», ещё до того, как маленький (ростом с меня) человек во фраке и маске торжественно выводил на арену красавицу лет сорока, в глубоко декольтированном платье из золотой парчи, укладывал в тесный гробик и не менее торжественно распиливал на три равных куска. Гений иллюзиона действовал как бы нехотя. Исполнив пять-шесть небрежных манипуляций, он с каменно строгим лицом уходил в никуда, в отдельно стоящую фанерную дверь.

После каждой вылазки в цирк шапито меня так распирало, что я не знал, куда себя девать. Ни мама, ни Полина мой восторг не разделяли. Но мне надо было хоть с кем-то поделиться первыми догадками о своём будущем. Поэтому,

давясь от восторга, я поговорил с вечным жидом. Его ответ меня смутил и озадачил. Натан Моисеевич сказал, что публично распиливать женщин в блестящих платьях – это пошлость. Я защищался: дело ведь не в женщинах и не в платьях. Он сказал: «Ага, понятно. Ты хочешь всем показать чудо». Я сказал: «Да». – «Тогда выбери подходящее чудо и научись его делать».

Весь следующий месяц я ломал голову над выбором подходящего чуда. Я думал об этом, сидя в школе на тоскливых уроках, шатаюсь в одиночестве по улицам, думал даже во сне. Единственной идеей, которая пришла мне на ум, был прыжок с балкона, с нашего четвёртого этажа. Но я слегка сомневался в результате.

На мою просьбу заказать самое желаемое чудо Полина ответила как о деле решённом: «Отправь меня куда-нибудь в Англию, в семнадцатый век. Ну, в крайнем случае, в восемнадцатый». Я пообещал обдумать этот вопрос.

Всё лето вечный жид болел, поэтому иногда просил меня сходить в магазин за продуктами. Конечно, я покупал только то, что он поручал, но ему, видно, хотелось покапризничать: «Опять кефир! Опять плавленый сырок...» Иногда он баловал себя кильками в томате. Растворимый кофе и докторскую колбасу, по его словам, страна припрятала для более достойных своих сынов.

Когда Натан Моисеевич спросил, выбрал ли я подходящее чудо, мне было нечем похвастать.

Наконец, он сжалился: «Ну, давай вместе выберем. Лучше всего это делать наугад».

Взял книгу, засаленную до тряпичного состояния, и прочёл на первой же открывшейся странице:

– Так, значит. «И ещё говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие»*. Понял?

– Понял. Чего тут не понять?

– Что именно?

– Ну, что богатым туда вход запрещён.

– А про верблюда? Ты как-то невнимательно слушаешь. За богатых можешь не беспокоиться. Слушай ещё раз: «Удобнее верблюду пройти...» Удобнее! Вот тебе чудо номер один.

У меня вспотели обе ладони. Я даже боялся спросить, знает ли он – как? Как это делать? Конечно, он знал. Но, прежде чем рассказать, он заварил себе чифирь, полпачки грузинского чая на одну фаянсовую кружку, и хлебал, постанывая, чуть не полчаса. Я погибал от нетерпения.

– Значит, запоминай. Берёшь обычную нитку, метра два-три. Берёшь иголку.

– Тоже обычную? Или цыганскую? Она всё-таки побольше.

– Ну, можно цыганскую, без разницы. И берёшь дромадера.

– Дромадер – это что?

* Евангелие от Матфея. 19:24.

– Не что, а кто. Одногорбый верблюд. В крайнем случае, с двумя горбами тоже подойдёт. На шее верблюда завязываешь нитку петлёй. И только после этого начинаешь постепенно вдевать в иголку. Значит, один конец нитки – вокруг шеи, другой – в игольное ушко. Теперь самое главное...

Рассказывая, Натан Моисеевич каждую минуту прерывался и предупреждал: никому! Об этом способе никому ни слова. Иначе сам не сумею повторить.

– Зачем же вы мне сказали??

– Мне больше не понадобится.

Дома я утянул у матери чёрную катушку с иголкой и только потом сообразил, что в нашей местности дромадеров нет и не предвидится на сотни километров вокруг. Тогда, в нарушение правил, я решил устроить репетицию с участием старой хромоногой лошади, которая летом паслась невдалеке от трамвайного кольца, на задворках домов частного сектора. Но в самый последний момент, уже завязав нитку на понурой гнедой шее, я был застигнут и оскорбительно обруган женщиной в телогрейке и резиновых галошах. Самое мягкое, что она сказала: «Такой маленький, а живодёр».

Осенью, в ноябре, умер Брежнев. Он правил нашей огромной страной так давно, что уже производил впечатление бессмертного. По телевизору, конечно, объявили всемирный траур,

но никакого особого горя я вокруг не замечал. Над генеральным секретарём уже устали подсмеиваться, над его орденоносным величием и неповоротливой речью. Если какой-нибудь надоедливый остряк вместо «систематически» говорил «сиськи-масиськи», то всем с полуслова было понятно, кого он имеет в виду. Брежнев раздражал даже мою кроткую маму, которая, кажется, ничего не видела, кроме своей швейной машинки «Подольск». Мама работала медсестрой в больнице, а вечерами допоздна шила под заказ какие-то сатиновые блузки и трусы. Отцовского возвращения, как я понял, она уже не ждала.

Насчёт траура Натан Моисеевич печально сказал:

– Ну, началось. Теперь эти старички посыплются один за другим. А после них придёт более молодой и языкастый. Но лучше-то всё равно не будет.

Я спросил:

– Почему лучше не будет?

– Потому что у нас в стране нету ничего дешевле, чем обычный человек. Родину мы, конечно, обожаем и государством гордимся прямо до слёз, зато людишки у нас расходуются легче спичек или гвоздей.

На мой тогдашний взгляд, мироздание в целом выглядело как-то ненадёжно. Главная сложность заключалась в том, что я никак не мог на-

метить жизненную цель. А намечать надо было срочно, потому что, казалось, ещё немного – и всё, жизнь окажется бесцельной. Я читал всё подряд, что попадалось на глаза, но любая прочитанная книжка только усиливала эту боязнь опоздать. Школьные уроки увлекали не больше, чем бледно-розовый, линялый транспарант «Слава народу!» на фасаде городской бани. По маминой просьбе я с удовольствием освоил технику шитья на подольском агрегате, но трусы и блузки в мои планы точно не входили.

Полина окончила школу раньше, чем я, и теперь училась в музыкальном училище на певицу. Хотя она и без училища умела петь так, что у меня по всему телу пробегал миллион мурашек. Ей хватало один раз послушать любую запись на пластинке или по радио, чтобы сразу безошибочно повторить или спеть по-своему, даже лучше. Когда Полина хотела что-нибудь обругать, она говорила: «Это примерно как София Ротару, такой же кошмар». Иногда она уговаривала меня спеть на два голоса, я стеснялся и отнекивался, потому что медведь на ухо наступил, но в конце концов мы всё-таки пели что-нибудь простенькое, например «Девушку из харчевни»:

...И если ты уходил к другой
Или просто был неизвестно где,
Мне было довольно того, что твой
Плащ висел на гвозде.

Когда же, наш мимолётный гость,
Ты умчался, новой судьбы ища,
Мне было довольно того, что гвоздь
Остался после плаща.

Тут я втайне сожалел, что мимолётный гость –
это не я.

И ещё была одна песня про караван, в кото-
рой Полина больше всего любила концовку:

Право, уйду! Наймусь к фата-моргане.
Буду шутом в волшебном балагане,
И никогда меня вы не найдёте,
Ведь от колёс волшебных нет следа*.

Я пропускал мимо ушей «волшебные колёса». Но вот это обещанье: «И никогда меня вы не найдёте», произнесённое Полининым голосом, спетое в моём присутствии много раз, вызывало сокрушительное чувство ненадёжности: моя пожизненная любовь признавалась, что хочет уйти туда, где её не смогут найти. Куда-нибудь на три века назад, подальше от всех. А значит, и от меня.

Если не путаю, в следующем августе я случайно узнал, что в соседний Сорокинский прибыл передвижной зверинец. На тот момент я уже получил школьный аттестат и был принят на работу художником-оформителем в маленькую химчи-

* Стихи Новеллы Матвеевой.

стку, которая громко называла себя «Комбинат Чистоты». Офформительским искусством я овладевал на рабочем месте. Мне давали ватман, гуашь и стихи, сочинённые лично директором химчистки, чтобы я начертил крупно и выразительно:

Польты, шубы и одежда
Будут чистыми, как прежде!

Часть заработка я отдавал маме, часть оставлял себе, и к концу августа у меня накопилось двадцать семь рублей. Автобус до Сорокинска шёл два с половиной часа. Я выехал ранним субботним утром, даже не зная, имеется ли в зверинце верблюды, но очень надеюсь на это.

Мне повезло: там был настоящий дромадер! Правда, с потёртыми коленками, измученный, похожий на грязную кучу войлока. Дети протягивали ему леденцы и все как один спрашивали, не может ли он вдруг плюнуть? В ответ он только показывал длинные жёлтые зубы и терпеливо переступал с ноги на ногу.

В зверинце я провёл почти целый день. Подружиться со сторожем-смотрителем оказалось проще простого; гораздо сложнее было отвертеться от совместного распивания водки, которую он купил на мои сэкономленные рубли. После семи вечера, когда посетители разошлись, смотритель открыл вторую бутылку и с радостью передоверил мне свои обязанности.

От верблюда тяжело и удушливо пахло, ему наверно пригодился бы «Комбинат Чистоты», зато он безропотно стерпел все процедуры, которые я выполнял точно по инструкции вечно-го жида. При сближении с игольным ушком животное чуть не сбило с ног и не растоптало меня. Но это уже мелочи. Главное, что мне всё удалось – даже дважды! После второй успешной попытки зритель вышел из подсобки и весело крикнул: «Хочешь покататься? Давай посажу!»

Домой я приехал почти ночью, а назавтра спозаранку помчался к вечному жиду. Он воспринял мой отчёт об эксперименте очень спокойно, как само собой разумеющееся. Кивнул, обстоятельно прокашлялся и с лёгкой насмешкой спросил:

– Ну что, продолжим?

Я сказал: «Да», чувствуя давящий сладкий ужас где-то в солнечном сплетении.

Натан Моисеевич снова заваривал свой чифирь, хлебал, постанывал, листал всё ту же засаленную книгу. Наконец, поднял на меня глаза.

– Тогда слушай: «...Он сказал им: вы дайте им есть. Они сказали: у нас нет более пяти хлебов и двух рыб; разве нам пойти купить пищи для всех сих людей? Ибо их было около пяти тысяч человек. Но Он сказал ученикам Своим: рассадите их рядами по пятидесяти. И сделали так, и рассадили всех. Он же, взяв пять хлебов и две

рыбы и возрев на небо, благословил их, преломил и дал ученикам, чтобы раздать народу. И ели, и насытились все; и оставшихся у них кусков набрано двенадцать коробов»*.

Мы помолчали. Я был уверен, что сейчас он скажет: «Значит, так. Берёшь пять буханок хлеба и берёшь две рыбы...» Но он сказал:

– Этому научиться труднее, чем выучить китайский язык.

Я ответил:

– Хорошо, я согласен.

Не знаю, как насчёт китайского, но спустя три с половиной недели усиленных консультаций с вечным жидом меня больше всего интересовал вопрос: где мне взять пять тысяч человек, которые согласились бы собраться в одном месте, чтобы сообща поесть рыбу и хлеб?

Как ни странно, ответ на этот шизоидный вопрос подскажет та самая эстрадная дива, Полинин кошмар, народная артистка Ротару, чья афиша мне попадётся на глаза возле столичных театральных касс, когда я перееду на некоторое время в Москву и буду один бродить по громадному заснеженному городу, уже точно зная свою сумасшедшую цель, но пока не видя разумных к ней подступов. На афише будет указана концертная площадка – дворец спорта «Олимпийский», и я скажу себе: «Почему бы и нет? Отличный вариант».

* Евангелие от Луки. 9:13–17.

Во мне вдруг выросло столько уверенности, что её хватило бы на четверых, хотя Полина стала смотреть на меня с какой-то непонятной жалостью. Перед моим отъездом она спросила: «Зачем ты едешь? Что ты будешь там делать?» Я сказал: «Наймусь к фата-моргане», после чего был поцелован в уголок рта.

Шутки шутками, но я больше не сомневался ни в жизненной цели, ни в её достижимости. Не смотря на то, что это подразумевало самые несуразные шаги и самые фантастические результаты. Я начал желать только невозможного.

Правда, я упустил из виду одну печальную подробность. То, что вечный жид не вечен. Он угрожающе быстро тощал и темнел лицом, как будто выгорал изнутри. Я всё чаще заставлял его безучастно лежащим на спине. Но он привставал, радуясь моим приходам, становился разговорчивым, пускался в далеко идущие рассуждения, из которых я мало что понимал. Наверно, это непонимание объяснялось тем, что он уже весь был поглощён прошлым, а я – только будущим. Я даже не замечал, что он умирает: ну, просто лежит и болеет, очень пожилой человек.

Возможно, я был последним (если не первым и последним), кто спросил вечного жида: есть ли у него что-то вроде заветного желания? Он ответил, что чувствует себя замечательно легко и свободно как раз благодаря тому, что больше ничего не желает. Но всё же, поразмыслив, добавил, что если бы имел возможность, то съездил

бы в Касабланку и забрал у одного придурка уникальную, драгоценную вещь – подарок Бледного Лиса.

Я, конечно же, начал выпрашивать подробности и услышал целую небольшую лекцию, из которой запомнил вот что.

Бледный Лис – главное божество у догонов, маленького бедного народа, который живёт племенами в Западной Африке, на плато Бандиагара. Эту местность так и называют: земля догонов.

Сейчас у большинства нормальных народов календари, мифы и старинные праздники связаны с космическими циклами – лунным или солнечным. Но для догонов законы Луны и Солнца словно бы не имеют значения. Догоны как будто свалились с Сириуса. Уже девять или десять веков – только раз в пятьдесят лет – они устраивают пышные торжества, напяливают специальные маски и чествуют Сириус. Точнее говоря, даже не Сириус, а его спутник – Сириус Б. Вот эту крошечную звездочку (они её зовут звездой По), практически невидимую с Земли, догоны с древних лет знают едва ли не лучше, чем сегодняшние учёные-астрономы.

Непонятно, откуда взялась информация, но эти люди из африканской глуши, из примитивного, почти первобытного племени с полной уверенностью заявляют: «Звезда По – самая маленькая и самая тяжёлая из всех звёзд», знают её историю, как она возникла от взрыва и прочее.

А учёные только в 1970 году с помощью сильного телескопа смогли её сфотографировать. Теперь уже известно, что этот «белый карлик», размером чуть больше Земли, настолько тяжёлый, что у него один кубический метр весит двадцать тысяч тонн. И ещё доказано, что Сириус Б делает полный виток вокруг Сириуса как раз за пятьдесят лет.

Я спросил:

– А с чего вдруг они эту звезду чествуют?

– Потому что якобы оттуда к догонам спуускался верховный бог Йуругу, он же Бледный Лис.

Тайными сведениями о визите Бледного Лиса сейчас владеют только олубару – специальная каста жрецов. А уж те странные подарки, которые он после себя оставил, о них-то не знает почти никто.

– Откуда же вы знаете?

– Я просто умею читать. Всё, что нам хотелось бы узнать, уже где-то записано, даже не по одному разу. Надо только открыть правильную страницу.

Меня опять трясло от нетерпения:

– Что это за подарки?

– Обо всех не скажу, но там был один изумительный предмет, что-то наподобие ящичка, его потом стащил кто-то из родичей олубару и увёз в Касабланку. Надо будет мне потом как-нибудь адрес уточнить. Говорят, что эта вещь способна управлять временем.

Как всегда, сказанное вечным жидом выглядело небылицей, но звучало непреложно, как закон.

Год, проведённый в Москве, стал для меня годом позорных компромиссов. То, чем я зарабатывал, в мире советской эстрады называлось лёгким жанром. С восьмой, кажется, попытки мне удалось влиться в один жалкий концертный коллектив, который сопровождал столичные и гастрольные выступления малоизвестных певцов и певичек. До этого меня упорно отсылали в шоу лилипутов.

Позорными компромиссами я называю то, что мне пришлось по-быстрому освоить: распиливание парчовой красавицы на три равных куска, добывание живого голубя из кастрюли с кипятком, ловлю трассирующих пуль и, наконец, ложную левитацию над прозрачным столом из органического стекла.

В своё оправдание могу только сказать, что истинную левитацию я тоже сумел освоить – правда, частично. То есть мне удавалось повиснуть в воздухе где-то секунд на двадцать, но это обычно прерывалось очень болезненным падением на пол или на стол.

Незадолго до своего рискованного эксперимента в «Олимпийском» я познакомился с журналистом-англичанином. Его звали Малкольм, он был корреспондентом газеты “Saturday Revue”. Мы два раза одновременно обедали в тихом, пустом ресторане гостиницы «Дружба» на

проспекте Вернадского, а в третий раз как-то легко разговорились и продолжили знакомство прогулкой по весенней Москве. Его русский был немного лучше, чем мой школьный английский. Малкольм признался, что страдает из-за двух вещей: нехватки новостей, достойных репортажа, и слежки – не то вымышленной, не то реальной – со стороны КГБ. Он всё переспрашивал, не боюсь ли общаться с иностранцем и того, что за нами, возможно, следят. Я боялся, но не очень. Просто мне было не до этого.

Чтобы утолить журналистский голод Малкольма, я предложил сделать репортаж о вхождении верблюда в игольное ушко, но Малкольм хмыкал и вежливо кивал, будто я звал его слетать на созвездие Пса.

По удачному совпадению как раз накануне, после долгих согласований мне разрешили выступить в «Олимпийском» на так называемом разогреве у одной певицы, которая с одинаковым успехом выкрикивала в микрофон комсомольские лозунги и любовные признания. Организаторов концерта, думаю, прельстило то, что я отказался от гонорара – от них требовалось только обеспечить реквизит: побольше одноразовых тарелочек и двенадцать штук объёмных картонных коробок. Пять хлебов (белые батоны) и две рыбы (скумбрию холодного копчения) я купил сам.

Когда я вышел на арену с полной продуктовой сумкой, несколько тысяч зрителей заапло-

дировали с простодушной готовностью, как дети при виде долгожданного клоуна. Ведущий предварил моё выступление каким-то шутовским конферансом: дескать, угощайтесь, дорогие гости!.. Дальше я не запомнил, поскольку старался всеми силами сосредоточиться на шестнадцати пунктах, продиктованных вечным жидом; особенно меня волновали восьмой и девятый, на которых нужно было забыть вообще обо всём. Вот я и забылся – до такой степени, что сам пришёл в ужас от невообразимого, буквально промышленного количества копчёной рыбы и белых батонов, от панической беготни взад-вперёд охранников и рабочих сцены, которые не успевали складывать в коробки всю эту съедобную прорву и относить к трибунам, где уже начинались давка и ажиотаж.

В конце концов я оттуда сбежал, не дожидаясь последствий, и на выходе из дворца спорта меня догнал Малкольм, который наблюдал устроенную мной продуктовую вакханалию с первого ряда, а теперь не находил слов, чтобы выразить свой восторг. Он только восклицал: «Это потрясающе! Не могу поверить».

Я чуть не терял сознание от усталости, как будто разгрузил вагон кирпичей, к тому же меня тошнило. Малкольм отвёз меня на мою съёмную квартирку, где я беспробудно проспал почти сутки, а потом проснулся от телефонного звонка.

Это снова был Малкольм: теперь у него имелся тройной план. Во-первых, он натравит на ме-

ня телевизионщиков из Би-би-си. Во-вторых, сведёт с влиятельными деятелями “The Magic Circle”* – они знают толк в подобных вещах. И, в-третьих, сам с удовольствием сделает репортаж с участием верблюда.

Задним числом скажу, что затея с Би-би-си сорвалась, но не по вине телевизионщиков, а по моей собственной: роль экранной знаменитости меня интересовала меньше всего.

Чтобы заснять на кинокамеру процесс вхождения верблюда куда надо, мы с Малкольмом нарушили три с половиной статьи советского Уголовного кодекса и дополнили английский язык словом “vzyatka”. Поэтому я лучше не буду вдаваться в подробности нашей преступной подготовки. Скажу только, что для большей наглядности я усовершенствовал метод, привязав к верблюжьему хвосту ещё один кусок нитки; и при замедленном просмотре хорошо видно, как в начале процедуры в игольное ухо входит шейная часть нитки, а в конце – из иглы выходит задняя, хвостовая часть. Эта запись (съёмка в «Олимпийском» Малкольму почему-то не удалась) и статья

* “The Magic Circle” («Магический круг») – британская организация, основанная в Лондоне в 1905 году в целях развития и продвижения искусства магии. Главный закон и девиз общества: «Не склонны раскрывать секреты». Нарушение этого принципа карается исключением из организации. Среди членов “The Magic Circle” – Чарльз, принц Уэльский, Дэвид Копперфильд, Шарлотта Пендрагон и др.

в “Saturday Revue” станут решающими аргументами для исполнительного секретаря «Магического круга», который немного позже направит запрос в Министерство внутренних дел, благодаря чему после тягучих ведомственных проводочек я получу так называемое служебное приглашение и буду выпущен в Великобританию. Заботливый московский подполковник несколько раз переспросит, как называется моя специальность, и я, мысленно корчась от недовольства собой, отвечу:

– Артист лёгкого жанра. Фокусник, циркач.

До этого отъезда случится ещё несколько вещей, крайне важных для моей жизни. Летом, вернувшись ненадолго в родной город, я уже не застану там вечного жида. Полина, которая навещала его дома и в больнице, передала мне короткую записку, похожую на шифровку с того света: старик и оттуда мною руководил.

Вот что он накарябал на половинке тетрадного листа. Синий тупой карандаш, наклон влево, три короткие строки:

196, rue Allah Ben Abdellah, Casablanca

14° 20' с. ш. → только с моря.

Не бойся! До встречи.

Полина осторожно спрашивала о моих намерениях. Я признавался, что у меня нет планов, отдельных от неё. На самом-то деле спрашивать должен был я, но мне пока не хватало духу. Не

так уж это легко и радостно – выведывать у любимой женщины: хочет ли она до сих пор сбежать куда-нибудь в другие страны и другие времена? Или сама идея побега давно заброшена в туманной области девчочковых грёз? Нет, оказалось, не заброшена. Всё остаётся в силе.

Хорошо, сказал я, договорились. Сначала разберёмся с географией, потом – с историей. И снова был поцелован в уголок рта.

Мне тогда ещё в голову не могло прийти, что очень скоро Малкольм станет участником нашей авантюры, Полина выйдет за него замуж и уедет в Лондон раньше меня. А сейчас я подозреваю, что это было практически предрешено – его мгновенная безоговорочная влюблённость (мы вдвоём встречали поезд на Казанском вокзале в её первый московский приезд) и наша с Полиной обоюдная неловкость: не слишком ли цинично мы используем «третьего лишнего» в своих запредельных планах?

Она так и выразилась, когда во время ужина в кафе Малкольм на пару минут ушёл в туалет, оставив нас вдвоём: «Не слишком ли?»

Я сказал: «Так давай у него спросим. Он сам-то понимает, что мы его используем, что женитьба фиктивная? Во всяком случае, спросить будет честней».

Но Малкольм, уже успевший на днях предложить Полине руку и сердце, отлично всё понимал. Ну, если не всё, то гораздо больше, чем нам казалось. Он посмотрел на неё сияющими гла-

зами и ответил: «Я не возражаю». Потом с улыбкой добавил, повернувшись ко мне: «Заодно и выясним, что надёжнее – чудо или здравый смысл».

Если кто-нибудь спросит, не слишком ли скоропостижно трезвый, здравомыслящий Малкольм потерял голову от любви, это будет означать, что спрашивающий просто не видел нашу Снежную королеву. Странно было бы наоборот – если бы не потерял.

В первые недели я бродил по английской столице так же одиноко и бесцельно, как по российской. На улицах цвели вишнёвые деревья, а в моём родном городе ещё лежал снег. Я чувствовал себя счастливым изгоем.

Заботами «Магического круга» я мог довольно скоро получить вид на жительство и разрешение на работу, но в целом мои отношения с магами-общественниками ни в какую сторону не двигались и вообще вряд ли имели смысл. Один раз по их просьбе я выступил перед закрытой аудиторией, дважды участвовал в светских чаепитиях.

Когда мои скромные подкожные запасы почти иссякли и стало нечем платить за комнату в Тоттенхэме, я переехал к Питеру, с которым мы познакомились у вокзала Кингс-Кросс: в том районе он покупал марихуану или ещё какую-то дурь. Питер жил в собственном трейлере в Докленде и, кажется, ничем, кроме дури, не увле-

кался. Старейший рокер, гостеприимный пофигист, он очень выручил меня на первых порах, пока я улучшал свой английский, беспорядочно читал книжки и оглядывался по сторонам.

Идею заработка мне подсказал «Оксфам», один из самых дешёвых, благотворительных магазинов. Там одеваются студенты, бедняки и просто желающие сэкономить. Я зашёл в магазин просто так, полюбовался разнообразием одежды, буквально копеечной, но вполне пристойной по виду, вышел на воздух, добрёл до ближайшего парка и сел на скамью. Рядом валялся кем-то оставленный глянцевого журнала о кинозвездах и роскошной жизни. Я листал его без особого интереса, пока не наткнулся на старую чёрно-белую фотографию актрисы Одри Хепбёрн. Это был кадр из фильма «Завтрак у Тиффани». Но дело даже не в фильме, а в наряде – очень похожее платье, почти не отличишь, я только что видел в магазине «Оксфам» по совсем ничтожной, бросовой цене. Я прихватил с собой журнал, вернулся в магазин и купил то платье, хотя даже не представлял – зачем оно мне? При ближайшем рассмотрении стало ясно: здесь хватит минимальной портновской доделки, чтобы платье стало точной копией киношной легенды.

Швейную машинку «Подольск» я найти не смог, зато на Портобелло у продавца железной рухляди отыскалось вполне исправное антикварное устройство марки «Зингер».

Деньги на «Зингер» мне дал займы Малкольм; вскоре я их вернул, и это был единственный случай в моей жизни, когда я брал в долг. Малкольм приехал вдвоём с Полиной к станции метро «Ковент-Гарден», и, когда я сказал, на что мне нужны деньги, Полина улыбнулась так печально, что я чуть не сдох от обиды.

Платье я доделал за вечер, не оставив ни намёка на марку, а назавтра отвёз на ту же Портобелло-роуд и сдал в магазин винтажной одежды, назначив абстрактную цену 100 фунтов. Я попросил у торговца булавку, чтобы приколоть к платью фото актрисы, которое специально вырезал из журнала. Продавец усмехнулся и сказал: “Okay”.

Пустя неделю платье никто не купил.

Хозяин магазина развёл руками: “No takers I’m afraid”* и предложил снизить цену. Не знаю, какая муха меня укусила, но я свирепо ответил, что за неделю цена подскочила, поэтому давайте исправим на 700.

Через два дня платье купили за 700 фунтов, причём вместе с фотографией.

Теперь я был вынужден внимательней присматриваться к ассортименту секонд-хендов и выброшенным глянцевым журналам. За следующие полтора месяца мною были перешиты и проданы в двух магазинах восемь платьев без лейблов, зато со снимками: Греты Гарбо, Авы Гарднер,

* Никто, к сожалению (*англ.*).

Жаклин Кеннеди и Мэрилин Монро. Что характерно, Жаклин Кеннеди пришлось переодевать четырежды, а Мэрилин Монро – дважды.

Я отблагодарил Питера, как мог, и ушёл из трейлера на съёмную квартиру.

Теперь можно было подумать о вылазке в Касабланку.

На подготовку я дал себе три с половиной месяца. За это время предстояло накопить денег, получить вид на жительство и попытаться мысленно освоить все неприятные вещи, которых я мог ждать от этой поездки. В том числе, например, своё физическое уничтожение или попадание в марокканскую тюрьму. Даже не знаю, что хуже.

Попутно я сочинил специальный психологический способ, который казался мне правильным: если чего-нибудь сильно боишься, надо прокрутить в голове наихудшие варианты, вплоть до мелких леденящих подробностей, и тогда это, скорей всего, не случится. А если и случится, то по-другому – не так, как воображал.

Страховочная мера, выдуманная прямо накануне поездки, выглядела по-своему логично. Кроме такси с англоязычным гидом-переводчиком, которое должно было встретить меня в аэропорту Касабланки, я заказал ещё одно, дополнительное. Причём исходным пунктом назвал дом 198 по улице Allah Ben Abdellah, то есть к адресу из прощальной записки вечного жида при-

бавил два условных дома. Расчёт был простой: если мне придётся спастись бегством, то пусть запасное такси ждёт неподалёку. Заказывать гостиницу я не стал.

Вопреки моим мрачным детальным фантазиям (а может, и благодаря им) всё прошло замечательно, даже весело. Сначала, при выходе из самолёта, мне понравился североафриканский воздух – горячий, сухой и сладковатый. Потом понравилось дребезжащее такси, потрёпанное так, будто весь свой долгий век оно только и делало, что уходило от погонь.

Таксист-араб, он же гид и переводчик, молча курил, не навязывал достопримечательностей, а ждал моих указаний. Я назвал адрес, и мы тронулись. До города ехали минут сорок, обгоняя повозки, запряжённые ослами, мимо глинобитных домиков, мусорных околиц и чьей-то неторопливой бедной жизни. Сонная от жары Касабланка была заставлена грязновато-белыми невысокими постройками, кое-где торчали отели повыше, на улицах трескучие мопеды лавировали между пыльными авто, как бы изображая спешку. На самом деле этот восточный город давал понять, что спешить, в общем, некуда.

Дом 196 на улице Allah Ben Abdellah был заурядной двухэтажкой, такой же белёсой, как и большинство зданий вокруг. На первом этаже, судя по вывеске, находилось кафе, на втором – по-видимому, жилые комнаты. Я предупредил гида, что, когда мы войдём, от него потребуется

ничему не удивляться и как можно точнее переводить разговор.

Изнутри кафе напоминало убогую столовку; в такую же меня когда-то водил отец. Посетителей не было совсем. Возле стойки мальчик-официант в длинном переднике протирал пепельницы подолом. Мы спросили, где хозяин, и услышали, что хозяин спит. Я сказал, что дело срочное – придётся разбудить и позвать. Мальчик нехотя потащился вверх по лестнице. Минут через десять к нам сошёл заспанный чернокожий человек таких устрашающих размеров, что я впервые почувствовал себя достойным кандидатом для шоу лилипутов.

Он поздоровался, оглядел с отвращением своё кафе и позвал нас наверх, в комнату, где только что спал. Стены там были обклеены какими-то слащавыми афишами. Подстилку тухлого мясного цвета, лежавшую на полу, хозяин скомкал и запнул под столик. Нам были предложены кожаные пуфы и чай. Я не стал дожидаться, когда подмороженный мальчик принесёт стаканы, вытертые подолом, и приступил к делу.

Переводчик исправно выполнял свои функции (до тех пор, пока в самый неподходящий момент не упал в обморок).

Для начала я передал большой привет от Бледного Лиса.

Бледный Лис страшно недоволен. Хуже того, он в бешенстве. Поэтому и прислал меня.

Толстяк слушал и кивал с таким видом, будто речь шла о проблемах общественного питания.

На всякий случай я решил ему напомнить: Бледный Лис бывает страшен в гневе, он может наслать хаос, тьму, разорение, полицию и распухать всех клиентов.

Хозяин всё так же благодушно кивал. Официант принёс чай с мятой. Я начинал чувствовать себя гнусным шантажистом, но стоял на своём.

Есть только один, последний способ успокоить и задобрить Бледного Лиса – вернуть его подарок. Это можно сделать через меня.

При слове «подарок» толстяк оживился и общил, блеснув глазами, что у него имеются два таких подарка. Он как будто хвастался редким товаром. Тут же из подсобки были доставлены два свёртка, туго стянутые тесьмой полотняные мешочки: один прямоугольный и плоский, другой – поменьше, полукруглый, размером с неглубокую миску.

Я без колебаний указал на первый, и хозяин извлёк из мешка чёрный, невероятно грязный ящик – вроде ящичка из письменного стола, только закрытый, как бы запаянный. Его можно было принять за деревянный, если бы не оплавленные углы и края. Не обгорелые, а именно оплавленные, словно облизнутые.

Хозяин смахнул с ящичка пылинку и сказал с большой важностью: «Пять миллионов дирхамов».

Я терпеливо пояснил, что Бледный Лис не нуждается в деньгах и разрешает ему не платить.

Мне терпеливо пояснили, что, если я вдруг неправильно понял цену, то самая правильная цена будет пятьсот тысяч, не меньше. Я терпеливо выложил на стол тысячу английских фунтов и сказал, что это единственное, чем бог Йуругу согласен помочь своему бедному сыну. Бедный толстый сын нагло проигнорировал мои деньги и стал укладывать стыренный отцовский подарок назад в мешок.

В эту минуту у Бледного Лиса лопнуло терпение, и он так остервенел, что я вынужден был применить истинную горизонтальную левитацию в положении лицом вниз.

Первым на пол рухнул потрясённый переводчик. Потом хозяин сполз на колени и уткнулся головой в пол, как для мусульманской молитвы, норовя при этом завалиться набок. Не хватало ещё и мне грохнутья третьим прямо на них, но я всё-таки удержался на весу и сумел более-менее плавно встать на ноги. Чтобы растолкать гида, пришлось брызгать ему на лицо остывший чай. Толстяк, казалось, не собирался вставать.

Когда мы вышли на жаркую улицу и сели в наш драндулет, из кафе, как ошпаренный, выскочил хозяин, подбежал, теряя шлёпанцы, к машине и сунул мне в приоткрытую дверцу второй мешок. При этом он слабым голосом повторял слово «шукран»*.

* Спасибо (*араб.*).

О запасном такси я даже не вспомнил.

По дороге в аэропорт мне захотелось разглядеть содержимое второго мешка, и я наткнулся там на странный предмет. Это был кусок черепа, точнее, нижняя челюсть – возможно, человеческая. Говорю «возможно», потому что она была человеческой только по форме, но в то же время заметно крупнее, чем у любого нормального взрослого человека.

Позже я показывал эту вещь некоторым знатокам, пытаюсь выяснить происхождение, но ничего внятного так и не узнал. Раза два или три мне предлагали продать её за приличные деньги. А полгода назад я подарил её писателю И.С., с которым познакомился в аэропорту Шереметьево, где мы целую ночь пережидали нелётную погоду*.

Впечатлительный таксист тряс мне на прощанье руку и просил передать Бледному Лису огромный привет. Я заплатил парню и пожелал удачи на дорогах.

Меня беспокоил таможенный досмотр, однако на мои трофеи даже не обратили внимания.

По возвращении из Касабланки я попытался отмыть чёрный ящик от грязи, мне это частично удалось; но я заметил, что даже под прохладной струёй ящик ощутимо нагревался, то есть делался горячее воды, и, казалось, слегка вибрировал. Если приглядеться, на одной из его узких

* Эта вещь до сих пор находится у меня. – И.С.

боковых граней можно было увидеть две равноудаленные вертикальные царапины – они как бы делили ящик на три условных отсека, при этом он всё же выглядел монолитным, цельным куском дерева с оплавленными углами и рёбрами. Сильнее других был повреждён один угол, как если бы крайний из трёх отсеков что-то прожгло изнутри, а два других остались нетронуты.

Я не знал, как пользоваться этой вещью, она пугала меня своим присутствием, не давала спокойно спать. Никаких инструкций и подсказок, помимо записки вечного жида, я не имел. Давно зная наизусть, я каждый день вынимал и перечитывал её.

Мне оставалось допустить, что первая и вторая строчки в записке прямо или косвенно связаны между собой: адрес плюс адрес, два географических пункта. Я купил большую, подробную карту мира, расстелил на полу и с помощью линейки отсчитал между параллелями 14 градусов и 20 минут северной широты. По этой длинной горизонтальной линии, выделенной карандашом, я полз то по-пластунски, то на четвереньках, вчитываясь во все названия, пока не уткнулся в грузный оттопыренный выступ Западной Африки. Там, на розовом лоскуте, помеченном именем Mali, меня и поджидало слово Bandiagara*, слышанное единожды – но точно слышанное! – в бараке у старика.

* Республика Мали, плато Бандиагара.

Уже, наверно, в сотый раз я вынул и развернул записку:

14° 20' с. ш. → только с моря.

Теперь в этой строчке просвечивал хоть какой-то смысл. Взяв Бандиагару за точку отсчёта, я пополз вправо по стрелке, в сторону моря. Ближайшим морем в восточном направлении было Красное. Зажатое между Африкой и корявым, тяжеловесным валенком Саудовского полуострова, оно кое-как исподнизу просачивалось через Баб-эль-Мандеб в Аденский залив – а там уже открывался просторный выход в Аравийское море, разлитое до самой Индии и Цейлона. Я горячо надеялся, что не ошибся при выборе исходной точки, и готов был кричать от восторга, как будто стал первооткрывателем этих мест.

О том, что случилось впоследствии, я предпочёл бы молчать до конца своей жизни. Но, к сожалению, происшествие на пассажирском судне «Саманта» стало темой судебных разбирательств и разнеслось по английской прессе – от самых респектабельных газет до бульварных листков.

Чтобы не приводить длинные цитаты, перескажу вкратце версию, попавшую в печать.

«Саманта», небольшое круизное судно, вышедшее из Дувра, благополучно и вовремя достигло пункта назначения – порта Коломбо на острове Цейлон. Экипаж возглавлял Томас Та-

кер, капитан с двадцатилетним стажем, собравший за восемь лет руководства «Самантой» крепкую судовую команду. Там уже давно не было новичков, не считая двух артистов, мужа и жены, русских по происхождению, нанятых перед этим рейсом для развлечения публики.

На обратном пути судно взяло курс на Бомбей. Затем предстояли заходы в Карачи, Аден, далее – Красное море, Суэцкий канал, Средиземноморье, Атлантика и возвращение в Дувр.

Однако в назначенное время «Саманта» в Бомбей не пришла.

Первые часы после отплытия из Коломбо она в штатном порядке выходила на связь, а потом вдруг исчезла из эфира. Последний сигнал (вполне спокойный) был зафиксирован 17 июля, когда судно находилось ориентировочно на 14-м градусе северной широты.

«Саманта» не объявилась ни через неделю, ни через месяц. Поиск с участием авиации и кораблей береговой охраны результатов не дал. В конце концов, решили, что судно затонуло. А спустя три с половиной месяца «Саманта» пришла в Бомбей.

Незадолго до этого она успела выйти на связь, и на изумлённые возгласы портовых радиостов: «Где вы были?? Мы успели вас похоронить!» – радист судна ответил: «У нас всё в порядке. Следуем своим курсом без задержек». Когда капитан и команда сошли на берег, самым большим потрясением для них стала дата, кото-

рую они увидели на календарях: 31 октября. Получалось, что «пропущенные» месяцы эти люди провели **нигде**.

Между тем бортовые приборы показывали, что судно держалось курса, не дрейфовало и не накручивало лишних миль. Несмотря на это, по возвращении «Саманты» в порт приписки Том Такер был обвинён руководством судоходной компании в нарушении служебного долга и сознательном изменении маршрута. Позже в судебных слушаниях даже звучала такая версия, будто крепко спаянная команда вступила в групповой сговор, спрятала судно в тихой бухте и провела почти три месяца в разгулах и кутеже. Один журналист, комментируя этот бред, попутно задавался вопросом: а куда же заговорщики на время загула девали пассажиров? Не иначе как взяли в заложники и насильно вливали им в глотки алкоголь... Кстати, свидетельства пассажиров не противоречили показаниям моряков.

Можно было надеяться, что судебный процесс, который затеял уволенный Томас Такер, внесёт хоть какую-то ясность. Но в ходе слушаний вскрылись настолько невероятные обстоятельства, что дело о «Саманте» ещё больше стало походить на зловещий абсурд.

Выяснилось, что после исчезновения из радиоэфира судно пережило две короткие, но чрезвычайно сильные бури с грозой и шквалистым ветром, похожие на смерчи, которые налетели ненормально быстро и также быстро стих-

ли (по словам моряков, ничего похожего они не видели за всю жизнь). А самое поразительное случилось в промежутке между этими бурями. «Что же?» – спросил судья. «На нас напали», – ответил Том Такер.

Слова капитана подтверждала запись в бортовом журнале:

«17 июля в 19 часов 11 минут после выхода из бури были встречены и атакованы двухмачтовым парусным судном неизвестной государственной принадлежности. Атаку отбили подручными средствами, включая багры, брандспойты, огнетушители и старый автомат системы “Томпсон”. Один из нападавших был серьезно ранен».

Вот в этом месте разбирательства Томас Такер сильно смутился и довольно долго молчал, видимо, решая, стоит ли рассказывать всё до конца, или он рискует совсем превратиться в пошмище? Наконец решился: «Дело в том, что это был парусник очень древней конструкции... Мы оглянуться не успели, как они зацепились крючьями за наш борт и пошли на abordаж».

По словам Такера, нападавшие были в одеждах старинного покроя и выкрикивали что-то непонятное. «Мне даже показалось в первую минуту, что это какие-то киносъёмки». Экипаж судна повёл себя очень решительно. Мощные брандспойты и автоматные очереди вызвали панику среди нападавших, они покинули «Саманту» с той же стремительностью, что и появились

на ней. Станный парусник ушёл куда-то на левый траверз, а вскоре началась вторая буря, ещё страшнее первой.

«Почему же вы не сообщили о нападении по радиосвязи?» – спросил судья. «Мы-то как раз сообщили, но я не уверен, что это кто-нибудь услышал». И в самом деле, ни Бомбей, ни Коломбо, ни различные корабли, находившиеся тогда же в Аравийском море, – никто сигнал «Саманты» не получал. Хотя бортовая магнитофонная запись радиопереговоров зафиксировала слова: «На нас напало неизвестное судно!» И чуть позже: «Помощь не нужна. Сумели отбиться своими силами».

После событий 17 июля (если не в тот же день) с борта «Саманты» исчезла молодая женщина, певица, одна из двух артистов, нанятых на судно перед самым рейсом. Её муж заявления о розыске не подавал, поскольку, по его словам, это был добровольный уход, о котором он знал. По данному эпизоду проводится дополнительное расследование.

Согласно решению суда, Томас Такер был восстановлен в должности, но вскоре предпочёл уйти на пенсию.

Я чувствую вину перед капитаном Такером, который взял нас с Полиной в плавание, не зная, какую «бомбу» он берёт вместе с нами на борт. Но я и сам очень смутно это представлял.

До того как мы вышли в море, Полина переспрашивала несколько раз: «Ты уверен, что у тебя получится?» – и я отвечал: «Должно. Обязательно».

Мне было известно, что она сказала Малкольму «прощай», несмотря на его резонные уговоры, и после долгих, очень болезненных размышлений решила не прощаться с мачехой и отцом. Только позвонила и сказала, что у неё всё хорошо.

Мы назвали себя семейной парой, поэтому нам дали одну каюту на двоих. Она была маленькой, тесной, и благодаря тесноте, отнимавшей всякую дистанцию, позволявшей соприкасаться нечаянно сто раз на дню, мы претерпевали остреее, почти предсмертное состояние счастья, в котором можно было дышать не только ртом в рот, но и кожей в кожу, можно было в темноте говорить оглушительным шёпотом, находясь друг в друге, и можно было, не рискуя ошибиться, вообще не различать – где я, а где она.

Днём пассажиры «Саманты» выходили на палубу в чём попало: в майках, шортах, панамках. Но к вечеру, перед нашим концертом, наряжались в костюмы и вечерние платья, как на торжественное мероприятие. Я показывал самые простецкие фокусы, а Полина пела, что ей хотелось, по настроению. Наибольший успех у зрителей имели чтение сожжённых записок, присланных из зала, и добывание голубя из крутого кипятка. Полину заставляли петь на бис русские романсы, «Вернись в Сорренто» и «Санта-Лючию».

Голубь, добываемый из кипятка, днём обычно дремал в клетке, накрытой платком. Но как-то раз я вернулся в каюту (Полину задержала на палубе говорливая меломанка) и обнаружил, что птица всхрипывает и бьётся о прутья, как будто в истерике. Ничего пугающего или подозрительного я не нашёл, но догадался проверить баул с концертным реквизитом, где лежал мой чёрный касабланский трофей. Ящик снова был раскалён, заметно подрагивал, а линии на боковой грани, до сих пор казавшиеся царапинами, теперь превратились в узкие щели между отсеками, угрожающими раскрыться куда-то внутрь: стоило лишь посильнее надавить пальцами на горячую заслонку. Я спрятал ящик назад в баул и вышел из каюты.

Снаружи палило нещадно. Море смотрело со всех сторон огромным просолённым глазом. Мне нужно было выяснить точное местоположение корабля. В носовой рубке я встретил помощника капитана и услышал от него, что это самый юг Красного моря, скоро войдём в Баб-эль-Мандебский пролив. Сейчас я мог бы и не заглядывать в карту: мы находились чуть выше 14-го градуса северной широты. Чёртов ящик безошибочно «чувствовал», куда его занесло. У меня пока оставалось время для манёвра – в следующий раз мы дойдём до этой же параллели на обратном пути из Колombo.

Но я всё ещё пытался Полину отговорить.

Она спросила: «А ты боишься смерти?» Я сказал: «Пока нет. Даже интересно, что там будет после неё».

Ночью она призналась, что задала этот же вопрос вечному жиду, когда ему оставалось жить меньше недели, и не очень поняла ответ. Он сказал: «Для мужчины бояться умереть – это неправильно. Потому что ему надо понять и полюбить целое, в котором смерти и жизни поровну. Если мужчина думает только о жизни, цепляется за неё, а смерти боится, то он, скорей всего, не поймёт ни ту, ни эту. И смерти не избежит, и жизнь будет отравлена мыслями о том, что всё равно умрёшь». Полина хотела ещё спросить о женщинах, но тут в палату к старику пришла сердитая санитарка и, размахивая уткой, заставила Полину уйти.

Она улыбалась в темноте.

– Так я и не спросила его про женщин. А ты что думаешь?

– Я думаю, женщина – такое прекрасное существо, что с ней в жизни могут случиться только две вещи: любовь или нелюбовь, одно из двух.

Потом я сказал:

– Напиши мне оттуда хотя бы два слова! Или пришли какой-нибудь знак. Например, голубиной почтой.

– Постараюсь прислать.

Когда «Саманта», выйдя из Коломбо, взяла курс на Бомбей, меня одолевало отчаянье, неот-

личимое от последней решимости. Так бывает – бесповоротные шаги ещё не сделаны, а эхо от них уже звучит.

После моих уговоров Полина, кажется, засомневалась: не передумаю ли я сам? Она почти угадала. С приближением к намеченной широте меня догоняла малодушная и спасительная мысль о том, что самый простой выход – бросить подарочек Лиса в море и с лёгким сердцем забыть о нём. Один раз я застал Полину возле баула с реквизитом: она разглядывала ящик, словно прибор, который надо как-то включить.

Но ближе к вечеру 17 июля он ожил сам.

Всё происходило быстрее и страшнее, чем я мог ожидать. Время истекло, а я не находил в себе достаточно безумия, чтобы сделать выбор между «никогда» и «никогда». Мой шанс не потерять её физически выглядел так: остаться на всю жизнь презираемым трусом, не прощённым за обман.

Мне нужно было хоть несколько минут побыть одному.

Я сказал: «Не балуйся тут, ничего не трогай! Сейчас вернусь». Вышел и запер каюту снаружи. Не успел я подняться на палубу, как случился настоящий потоп. Небо треснуло пополам, и море как будто перевернулось: тонны воды со страшным грохотом падали из мутно-синей темноты. Меня швырнуло в сторону, сшибло с ног, и если б я не вцепился обеими руками в металлическую стойку леера, то был бы просто смыт за борт.

МАЛЬЧИК, ПЕВИЦА И ФАТА-МОРГАНА (1982 год)

Я вжимался грудью в настил палубы, которая взлетала наклонной стенкой, а бешеное море прыгало на меня с высоты.

Как только шторм немного ослаб, я рванул назад в каюту, еле держась на ногах и выкашливая солёную воду. Господи, думал я, разреши мне только обнять её и сказать, что мы спасены! Но, уже открывая каюту, понимал, что там никого нет.

Рядом с оплавленным зияющим ящичком стояла голубиная клетка. Она была запертой, но пустой.

2011–2012

Литературно-художественное издание

Сахновский Игорь Фэдович

ОСТРОЕ ЧУВСТВО СУББОТЫ
Восемь историй от первого лица

Заведующая редакцией *Е.Д. Шубина*

Редактор *Д.З. Хасанова*

Технический редактор *Т.П. Тимошина*

Корректоры *О.Л. Вьюнник, М.В. Карпышева*

Компьютерная верстка *Е.М. Илюшиной*

ООО «Издательство Астрель»

129085, г. Москва, проезд Ольминского, д. 3а

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Издательство Астрель представляет

Игорь Сахновский
РЕВНИВЫЙ БОГ СЛУЧАЙНОСТЕЙ

Прозаик Игорь Сахновский не понаслышке знает о власти Случая. Его первый роман «Насушные нужды умерших», отправленный в редакцию по почте, сходу напечатал «Новый мир». Двенадцать рассказов о любви случайно попали на конкурс «Русский Декамерон» и... получили гран-при. А по книге «Человек, который знал всё» (премия «Золотая улитка», шорт-листы «Большой книги», «Русского Букера») еще до ее выхода Владимир Мирзоев начал съемки остросюжетного фильма.

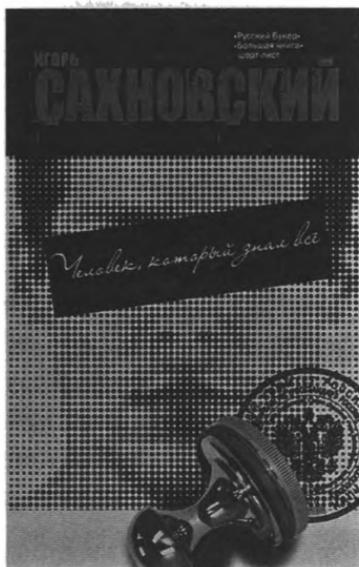
В рассказах Сахновского властвует немислимая логика совпадений и происходят невероятные вещи, но в первую очередь – это неизменно изящные, остроумные истории, о том, что не теряет актуальности во все времена – об отношениях мужчины и женщины.

В романе «Заговор ангелов» всё, что однажды случилось, лишь притворяется мифом, но повторяется вновь и вновь. Сплетение судеб и наложение времен, любая деталь играет свою роль – будь это старый портрет или маленькая почтовая марка...

Издательство Астрель представляет

Игорь Сахновский

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЗНАЛ ВСЁ

Александр Безукладников, безработный неудачник, знает ответы на любые вопросы. Он не эрудит – он *человек, который знает всё!* Чем сейчас занимается бывшая жена, где достать деньги, какой код доступа к серверу национальной безопасности США... Только эти знания ему ни к чему, зато очень нужны спецслужбам и бандитам. И пока Безукладников думает, как вернуть любимую женщину, они начинают на него охоту..

Это не фантастика и не боевик, на подобные жанры Игорь Сахновский не разменивается. «Человек, который знал всё» – современный интеллектуально-авантюрный роман отличной литературной закваски.

Клариса Пульсон

Игорь Сахновский – автор романа-мифа «Заговор ангелов», чувственной хроники «Насущные нужды умерших», интеллектуально-авантюрного триллера «Человек, который знал всё», сборника рассказов «Счастливицы и безумцы». Его произведения удостоены премий «Бронзовая улитка», «Русский Декамерон», Fellowship Hawthornden International Writers Retreat; вошли в шорт-листы «Русского Букера», «Большой книги», «Национального бестселлера».

«Острое чувство субботы» – книга о том, из какого жалкого и драгоценного вещества состоит каждый из нас. «Так случается: в какой-нибудь тусклый, неприглядный вторник вдруг возникает острое чувство субботы. И вот этим редким, праздничным чувством все прочие безрадостные дни могут быть оправданы и спасены».

Восемь историй от первого лица – трагикомические, шокирующе откровенные рассказы мужчин и женщин об их «маленьких» и неповторимых жизнях. Одинокая красавица, в чьей тени можно прятаться от солнца. Мальчик, умеющий провестить верблюда через игольное ушко. Художник, различающий невидимое сквозь «цветной воздух». Таинственная аура семьи Набоковых... Реальность не оторвать от вымысла, низкое – от возвышенного, сиюминутное – от вечного.

ISBN 978-5-271-43177-7

9 785271 431777